

КИР. БУЛЫЧЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Последняя война

Кир. Булычёв

Аннотация
Кир. Булычев. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА
Глава первая. С ОПОЗДАНИЕМ НА ГОД
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Глава вторая. ЗДРАВСТВУЙ, АДАМ!
1
2
3
4
5
6
7
8

9
10
11
Глава третья. РАНМАКАН В ЧУЖОМ МИРЕ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
Глава четвертая. ВТОРАЯ НЕУДАЧА
1
2
3
4
5
6
7
Глава пятая. КУПОЛ НА ОКРАИНЕ МАНВЕ
1
2
3
4

5
6
7
8
Глава шестая. ПОХИЩЕНИЕ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
Глава седьмая. ПОДЗЕМЕЛЬЕ
1
2
3
4
5
6
Глава восьмая. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА
1
2
3
4

5
6
7
8
9
10
11
Глава девятая. ДА БУДЕТ МИР!
1
2
3
4
5
6
7
8
Приложение. АЛЬМАНАХ «УДИВИТЕЛЬНЫЙ КОСМОС»
1
2
3
4
5
6
7
8

9
10
11
12

Аннотация

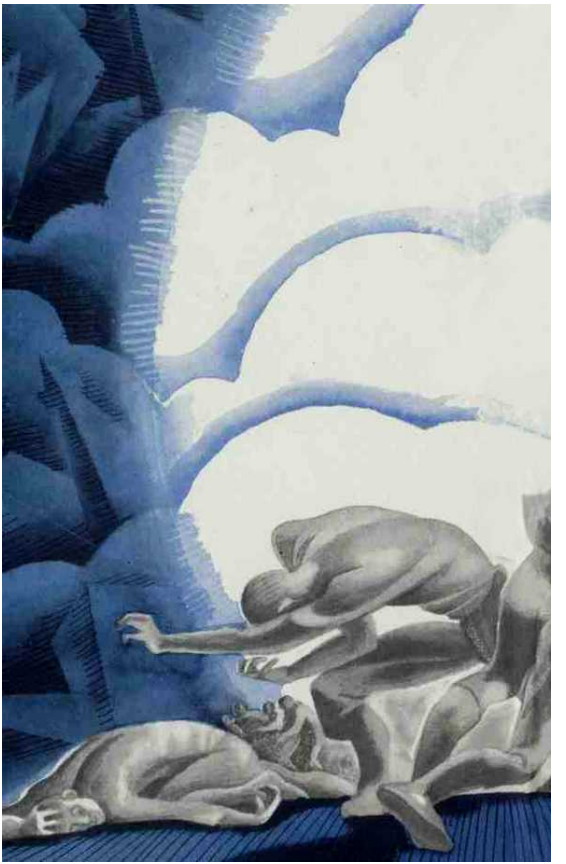
Эта книга об обычном космическом рейсе 2070 года, который привел героев к необычным приключениям. В ней рассказывается о моряках космоса — внуках тех, кто сегодня спускается на берег в Мурманске или Ливерпуле, кто стоит вахту в Атлантике или в море Лаптевых.

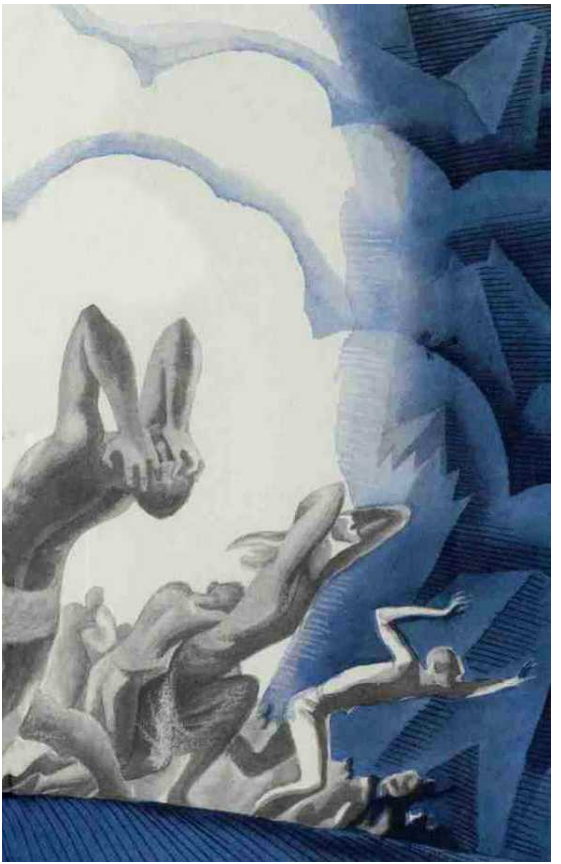
А так как автор сознательно подчеркивает сходство труда сегодняшних моряков и завтрашних космонавтов, возможны совпадения названий и имен героев с именами живущих ныне. Поэтому следует указать, что такие совпадения — чистая случайность, ибо роман — фантастический.

Итак, космическому кораблю «Сегежа» приходится прервать обычный полет, потому что случилось Необычайное…

Рисунки *А. Тамбовкина*.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1970

Кир. Булычев

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Фантастический роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Кир. Булычев
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Глава первая
С ОПОЗДАНИЕМ НА ГОД
1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К[1] «СЕГЕЖА», ПОРТ ПРИПИСКИ — ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089[2]

Капитан корабля — *Загребин Геннадий Сергеевич.*

Старший штурман — *Баков Алексей Иванович.*

Старший механик — *Лещук Александр Александрович.*

Второй штурман — *Бауэр Глеб Андреевич.*

Второй механик — *Антипин Иван Филиппович.*

Третий штурман — *Кудараускас Зенонас.*

Третий механик — *Ткаченко Кира Сергеевна.*

Врач — *Павлыш Владислав Владими-*

---

[1] Примечания: 1
К/К — космический корабль.

[2] Примечания: 2
Г/П 304089 — галактические позывные К/К «Сегежа».

рович.

Радист — *Цыганков Юрий Петрович.*[3]

Повар — *Ионесян Эмилия Кареновна.*

Практиканты[4] — *Райков Христо. Панова Снежина.*

Пассажиры[5] — Корона Аро. Корона Вас.

2

СРОЧНО
Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ ВАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ 31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312

ПРИНЯТЬ НА БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К КОРОНА

---

[3] Примечания: 3
Более известен под прозвищем «Малыш».

[4] Примечания: 4
Стажеры Софийского института космических исследований.

[5] Примечания: 5
Приняты на борт 20. 2. 2070 г.

КЕНШ ПРОДОЛЖАЕТ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш читал перфорированную ленту, выползавшую из аппарата, а правая рука сама, автоматически, вставила конец ее в пишущую машинку, а та зажужжала, переводя в буквы радиограмму. Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера — Снежина с Христо — заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, — подумал Малыш. — Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, за много миллионов километров, где ждет его Агнесса

Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже протерлось на сгибах, — кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета…

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадиста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозначным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в дактах кондиционеров, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной — и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, пришлепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшаяся вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

— Послушай, Слава, — сказал Малыш. — На Титан не идем.

— Что случилось? — спросил доктор.

— Срочная с Земли, — сказал Малыш, показал ему издали бланк и хотел проследовать дальше.

— Стой. — Слава преградил путь рулоном бумаги. — Не веди себя как женщина.

— А как? — спросил Малыш.

— Знаешь, как они говорят: «Ах, что я знаю, но

тебе не скажу».

— Чудак, — сказал Малыш. — Видишь же: лично капитану. Выходим на рандеву с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/П 312?

— Еще бы! — сказал Павлыш. — Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, — подумал Малыш, оставшись в одиночестве. — Почему это не я скажу Снежине?»

— Как дети малые, — сказал он сам себе, открывая дверь в рубку, — Скажу, не скажу…

— Ты кому? — спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

— Себе.

— Что за депеша?

— Мастеру, — сказал Малыш строго.

— А почему не вовремя? — спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. — Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру, рядом с Христо. Сделано это было с намерением — Христо был невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил

стоять с нею рядом.

— Геннадий Сергеевич, — сказал Малыш. — Вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

— Что там? — шепнул Христо, толкнув Малыша локтем.

Загребин протянул вдоль пульта большую мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

— Старшего помощника просят подняться на мостик, — сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым голосом, обманчиво добрым голосом:

— Команда уже оповещена?

— Я сюда прямо из рубки, — сказал Малыш. — Разве не понимаю?

— Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут — нет, девять. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел

расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

— Учись, — сказал капитан Малышу. — Алексей Иванович, прочтите, — продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

— На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

— Шутишь, дуся, — сказал Глеб.

— Глебушка, — позвал капитан. — Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

3

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, ку-

хонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенон Кудараускас — поставил мимо стола. Но в этом вины тети Мили не было.

Иногда, если накатывало плохое настроение, надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

— В первом же порту расчет, — говорила опа, глядя в белую стену буфетной. — В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не попортили обшивку. Снежина заглянула в буфетную, хотела напиться, увидела, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками и сказала:

— Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

— Никто, — сказала тетя Миля. — Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

— Я не верю, — сказала Снежина. — Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказать придется. Да и хотелось.

— Я их ждала, — сказала она. — Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине… В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела — каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

— А вы их разве на Земле не видали? — удивилась Снежина.

— Там у нас, на базе, другие были, двигатели

монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела — каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет…

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола — даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

— Ты иди, — сказала тетя Миля тихо, не открывая глаз. — Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

— Это очень крупные ученые, — сказала она.

— Я знаю, — согласилась тетя Миля. — Во мне животный атавизм пробудился.

— Вы к ним обязательно привыкнете, — утешила ее Снежина. — Можно еще один пирожок?

— Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

— Извините, — сказал он. — Снежина за схемой

пошла, а я жду. Извините. — У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. — Извините, — сказал он еще раз.

— Мы пошли. — Снежина отломила практиканту половинку пирожка. — Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

В два тридцать громыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина была настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбну-

лась. «А ведь и мы им не нравимся, — подумала она. — И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

— Идешь обедать, Снежка? — спросила она.

— Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

— Так, — сказала Кирочка. — А я одна боюсь в кают-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик. Вы не думайте, что раз она у нас такая маленькая и тоненькая...» Ну знаешь, как он всегда гостям говорит.

— Чепуха, — сказала Снежина, закалывая волосы назад. — Он тебя очень уважает.

— Я не об этом, — сказала Кирочка. — Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

— Тетя Миля кончила расстраиваться?

— А что?

— Испугалась корон.

— По-моему, ничего особенного.

— Ну, а как теперь? — Снежина обернулась к

Кирочке.

— Я же говорю: ты как ни причешешься…

— А мне они сначала тоже страшными показались, — призналась Снежина. — Мир полон неожиданностей.

— Пошли, а то и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

— Жуткое зрелище, — сказал он. — Все правильно. Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

— Кстати, кто сейчас редактор? — спросила Кирочка. — Тоже робот?

— Ты же знаешь, — ответил серьезно Павлыш, уставившись голубыми глазами на третьего механика. — Владислав Владимирович.

— Ленив?

— Страшно ленив. — Черные брови доктора скорбно сошлись к переносице. — Я с ним борюсь.

— Смотри не загуби свое второе «я». Короны уже в кают-компании?

— Нет еще, я заглядывал.

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

— С вашего разрешения, — сказал Павлыш старшему штурману.

— Пожалуйста, — ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плавания вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компании.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

— А где тетя Миля? — спросил Малыш.

— Эмилия Кареновна, — позвал Баков. — Мы вас ждем.

— И праздничный торт тоже, — вставил Малыш.

— Эмилия Кареновна не придет, — быстро сказала Снежина. — Она себя плохо чувствует.

— Как так? — Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел — румянец мгновен-

но разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

— Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

— Ничего особенного, — сказала Снежина. — Медицинская помощь не потребуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, — подумала Снежина. — Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном конце место капитана, на другом — старшего помощника. Нам этот стол уж настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их он может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой, полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает, нарды: в них играют Малыш с доктором. На стене по обе стороны от двери — картины. Одна — парусник, чайный клипер, срывающий в стремительном полете верхушки волн, другая — лесное озеро. К озеру близко подступили темные сосны…»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить гостей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за

ними.

— Добрый вечер, — сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Светлые прямые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

— Разрешите представить, — сказал он, — наших гостей. С сегодняшнего дня — членов нашего экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули за плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные на концах, чуть шевелились. Гостям было тесно и неуютно. Они волновались.

— Добрый вечер, — сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого не следует делать, — церемония затянулась, каждому приходилось обходить стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг назад, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежины, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежина посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

— Корона Аро, — сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

— К сожалению, — сказал Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, — наши гости (он упорно называл корон «наши гости» и никак не мог придумать другого слова) не смогут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего…

Снежине показалось, что со стороны буфетной донесся вздох облегчения.

Корона Аро — он был в более темном комбинезоне — потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал короне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел — ждал, как усядутся гости.

— Рискните, — сказал Павлыш.

— Разумеется. — Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

— Очень удобно, — сказал он.

— Интересно, сколько они весят? — спросила шепотом Снежина у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежины.

За Павлыша ответил Аро:

— Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежину укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежина не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

— А я — сорок шесть, — сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

— Спасибо, — сказал Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

— Суп подавать?

— Пожалуйста, — сказал Баков.

— И не забудь наших гостей, — сказал Загребин. — Ты знаешь?

— Да, я помню, — сказал робот.

Гришка поставил на стол две миски с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

— Передай мне, пожалуйста, хлеб, — сказал Кирочке Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны перекладывают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5

— Слава, — спросила Кирочка Павлыша. — Чем можно объяснить — такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

— Может, у них есть полезные функции, — ответил рассеянно Павлыш. — Надо будет спросить.

— Тебе хочется их исследовать? Взять анализ крови? — спросила Снежина, затягиваясь. На первом курсе ее чуть не исключили из института за курение.

— Бессмысленно. — Павлыш посмотрел в зеркало, похожее на Луи-Филиппа, и пригладил тугие кудри. — Все равно что шимпанзе захочет взять анализ крови у меня. Я сейчас о другом думаю: почему капитан до сих пор не рассказал нам, куда и зачем мы летим?

— Может, он сам не все знает? — спросила Кирочка.

— Они пошли на мостик, — сказала Снежина.

— Кто — они?

— Мастер, старпом и короны.

— А почему они все короны? — спросила Кирочка. — Бросила бы ты, Снежка, курить. Дышать нечем. Слава как доктор мог бы тебе сказать, что это вредно.

— Знаю без него. — Снежина погасила сигарету. — Хронический кашель курильщика, потом искусственные легкие и скучная старость в санатории.

— Может, и обойдется, — сказал Павлыш. — Чем мы можем быть полезны коронам? Я понимаю: если их надо куда-то подвезти, а собственный корабль далеко. Но ведь они же летели на своем.

— Вот что, Слава, — сказала Кирочка, — хочешь, поспорим, что через полчаса ты все будешь знать?

— Капитан просит свободных от вахт членов экипажа собраться в кают-компании, — раздался голос Бакова по внутренней связи. — Повторяю: все свободные от вахт члены экипажа соберитесь в кают-компании.

— За тобою, Слава, торт из ленинградского

«Метрополя», — сказала Кирочка.

— И, кажется, уже восьмой, — заметила Снежина.

— А я и не спорил, — сказал Павлыш. — Кстати, тортов всего пять.

6

Короны сели рядышком на кают-компаниевский диванчик. «Я к ним еще привыкну», — подумала Снежина. Она успела забежать к тете Миле. Тетя Миля уже знала, что короны не будут питаться в кают-компании, и относилась к ним куда мягче. Она даже сказала: «Правильно, что привезли с собой продукты. Чего мучиться на нашем рационе? Чуть ли не всё — консервы. Луку всего килограммов пять осталось».

Загребин оглядел кают-компанию: все ли удобно устроились?

— Цыганков, — сказал он Малышу, — в ногах правды нет. Разговор может получиться долгим. Так. Эмилия Кареновна, вы не заняты?

— Иду, — отозвалась из буфетной тетя Миля. Капитана она не посмела ослушаться. Тетя Миля села за спиной Бауэра, подальше от корон.

— Сначала, — сказал Загребин, — я прочту пе-

ревод одного донесения. Этот перевод только что закончил Мозг. Поэтому я не рассказал все сразу после обеда. Я понимаю, на вашем месте я бы тоже удивился: чего это мастер таится?

— А мы нет, — сказал уверенно Малыш.

— Не верю, — сказал Загребин и развернул лист бумаги. Потом с секунду подумал, свернул его снова и продолжал: — Перед тем как прочесть, скажу в двух словах предысторию этого документа. Как вы знаете, Галактический центр в последние годы ведет большую работу, чтобы исследовать звезды, и в первую очередь планетные системы нашей Галактики. Работа эта долгая, трудная, и Галактический центр привлекает к ней всех, кто может быть полезен. Не исключено, что после окончания нашего рейса «Сегежа» тоже уйдет в дальний поиск. Почему я говорю «Сегежа», вы, надеюсь, понимаете. Пока на Земле кораблей этого класса три. Двигатели для них монтировали с помощью специалистов центра. Мы можем прыгать сквозь пространство. Без этого Галактику не освоишь.

Так вот… — Загребин посмотрел на корон, которые сидели неподвижно, то ли опасаясь сломать диванчик, то ли внимательно слушали. В присутствии гостей Загребин немного стеснялся.

Вроде бы стесняться нечего: корабль как корабль и команда хорошая, а все-таки... — Так вот, — повторил Загребин, — в ходе этих исследований... Шестнадцать лет назад Галактический центр встретился с нами. То, что он встретился с нами случайно, хотя мы уже самостоятельно вышли в космос, говорит, как трудны эти поиски. Могли бы не встретиться еще десять лет. К настоящему времени исследовано семь процентов планетных систем Галактики. Еще процентов тридцать планет находится под наблюдением. Среди них существует несколько пригодных для жизни. Одна из таких планет названа условно Синяя. Туда мы и летим.

Стало очень тихо.

— Расстояние? — вдруг спросил Иван Филиппович Антипин, второй механик.

— Девяносто три световых года отсюда, — сказал корона Аро. — Большой прыжок.

Снова пауза. Тогда капитан пригладил хохол на затылке и продолжил:

— Возникают сразу вопросы. Несколько вопросов. Они возникли у меня, значит, и у вас тоже. Первый вопрос: почему мы туда летим? Второй: почему именно мы? Третий: зачем? Правильно?

— Правильно, — сказал Антипин. У него эти

вопросы тоже возникли.

— Сначала ответим на первый. Для этого я и прочту донесение. Это длинный и очень подробный документ. Он будет лежать здесь, на столе, и каждый может прочесть его целиком, не торопясь. Я тут подчеркнул некоторые места. На них и остановлюсь…

Загребин снова развернул мелко отпечатанный лист перевода.

— Начинается он обращением:

> «Галактическому центру. Доклад автоматического разведдиска Г/П 313-4576. Цель полета — исследование планеты Синяя, на которой отмечен ряд взрывов большой мощности, очевидно, ядерного происхождения. Определение характера взрывов (сигнальный, конфликтный, нападение извне) и дальнейших мер».

— Ну и ну, — сказал тихо Павлыш.

— У меня у самого вопрос к нашим гостям, — сказал капитан.

— Пожалуйста, — сказал корона Аро.

— Откуда шло наблюдение за Синей планетой? Из Галактического центра? Визуально? Ведь расстояние несколько парсеков.

— Другими словами, вы хотите спросить, когда произошли взрывы? Немногим более года назад, — сказал корона Аро. — Наблюдение велось не с нашей планеты, а с наблюдательной станции того сектора Галактики. А оттуда сигнал шел по каналу Галактического центра. Практически немедленно. Через три месяца после взрывов к планете ушел разведочный диск. Я правильно ответил на вопрос?

— Спасибо, — сказал капитан. — Продолжим чтение:

> «При подлете к Синей планете уточнены ее физические характеристики. Диаметр по экватору — 13 000 километров, расстояние до светила…»

Ну тут идет целый ряд данных… ага, все, что нас интересует:

> «Температура на поверхности в пределах плюс-минус тридцать градусов С°, состав атмосферы — кислород — двадцать восемь процентов, углекислый газ, азот, инертные газы… семьдесят процентов площади планеты покрыты водой…»

Ну, и так далее. Теперь самое главное:

«При первом же облете планеты на высоте 100 километров обнаружены многочисленные следы разумной деятельности населяющих ее существ. А именно: города, гидротехнические сооружения, дороги, открытые выработки и так далее. Живых существ на планете нет. После перехода на более низкую орбиту стало возможным с уверенностью утверждать, что цивилизация на Синей планете достигла технологического уровня раннеатомной эпохи. Периода конфликтов. Очевидно, один из таких конфликтов стал для планеты гибельным»…

Корона Аро медленно повернул голову, вглядываясь в лица членов экипажа. Все молчали. Ждали.

— «…Радиация на планете достигает такого уровня, что биологическая жизнь того типа, который обитал на планете до возникновения конфликта, невозможна. Предполагаем, что даже если кто-нибудь из обитателей Синей планеты смог спря-

таться во время катастрофы в подземном укрытии, к настоящему времени он уже погиб. Уровень радиации опускается крайне медленно. Во время конфликта на планету обеими враждующими сторонами было сброшено несколько сот крупных ядерных устройств и уничтожено большинство населенных пунктов».

Загребин аккуратно сложил листок и разгладил его.

— Вопросы есть? Ясно теперь, куда мы направляемся?

— Боже мой! — сказала тихо тетя Миля. — Всю свою землю погубили?

— Да, — сказал корона Аро. — Не осталось даже животных, даже птиц. Там совершенно пусто.

— А как возник конфликт? — спросил Кудараускас.

— Мы еще не знаем.

— И наша задача узнать как можно больше о погибшей цивилизации?

— И это тоже, — сказал корона Аро.

Капитан Загребин сел рядом с гостями на диванчик. Предоставил им возможность отвечать на вопросы.

— Почему именно мы? — спросил Павлыш. — Наш капитан сам задал этот вопрос несколько минут назад.

— Я отвечу? — обернулся к капитану корона Аро.

— Конечно, — сказал капитан. — Вы лучше меня знаете.

Капитан положил на столик лист с переводом донесения, и тут же Антипин протянул руку и взял его со стола. Снежина заглянула Антипину через плечо. Донесение было напечатано на знакомом аппарате: еще вчера Снежина получала у Мозга консультацию по хранению запасных стержней; консультация была напечатана на такой же бумаге и этим же шрифтом.

— В документе, который взял механик Антипин, — сказал корона Аро (Антипин поднял голову, удивился, что корона уже запомнил его имя), — есть этому объяснение. Разведдиск совершил посадку в одном из городов, взял пробы воздуха, почвы, нашел кое-какие предметы, изготовленные обитателями Синей планеты. Среди них оказалось и вот это. — Аро оттянул зеленую чешуйчатую кожу на боку — обнаружился карман — и осторожно вытащил фотографию. На ней был изображен человек. Человек стоял на

берегу озера, в тени остролистого дерева. Человек улыбался.

7

Последней фотографию рассмотрела Эмилия Кареновна. Она отдала ее обратно и громко всхлипнула. Малыш обернулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Корона Вас подкрутил настройку лингвиста — видно, принял всхлипывание за непонятное и не переведенное лингвистом слово.

— Вот так, — сказал Загребин. — Туда мы и летим.

— На кладбище, — сказал Бауэр.

— Что же раньше-то не видели? — спросила тетя Миля.

— Знаете же, — сказала Кирочка, — увидели взрывы. И было поздно.

— Такое могло случиться и с нами, — сказал Кудараускас. — Но мы справились.

— Вы справились, — сказал корона Вас. — И мы тоже.

Голос его звучал очень ровно, нивелированный динамиком лингвиста.

Фотография человека на берегу озера легла

на стол.

— Странное чувство, — сказала Снежина. — Если бы я знала, что он просто умер, была бы фотография как фотография. А я знаю, что не только он умер — умерли они все. Представляете, все. Они строили дома, ездили друг к другу в гости. Думали, что их дети тоже будут строить дома и ездить в гости. И теперь нет никого — ни детей, ни домов. И некуда ездить в гости. И мы опоздали. На один год. И наверно, когда последние из них умирали, они знали уже, что больше ничего не будет. Так значительно страшнее умирать, когда знаешь, что больше ничего не будет…

— А почему все-таки именно мы? — спросил Бауэр. — Почему вы не полетели сами, на своем корабле?

— Ясно, — ответил Малыш быстрее, чем это успел сделать корона. — Они же такие или почти такие, как мы. И мы лучше поймем все, что у них было. Лучше.

— Да, вы правы, — сказал корона Аро. — Вам ближе все, что создано на той планете. Когда мы получили донесение, то нас просто поразило совпадение. Природа редко повторяется. Вернее, совсем она не повторяется. Но так случилось, что Синяя планета очень похожа на Землю. И эво-

люция на ней проходила по похожим на земные путям. Конечно, бывшие обитатели ее не совсем люди. Мы покажем вам материалы разведки. Они отличаются от вас. Но во всей Вселенной они существа наиболее близкие вам. И я понимаю ваши чувства. Я могу поставить себя на ваше место. Очень прискорбно узнать, что во Вселенной у вас были братья и ваши братья погибли. Но если бы вопрос шел только о сборе материалов, мы не стали бы просить Землю, чтобы был выделен корабль для полета на Синюю планету…

Наступила пауза. Тишина. Малыш приоткрыл рот, чтобы сказать свое «я знаю», но промолчал. То был редкий случай, когда даже Малыш не знал, что сказать.

— Пожалуй, здесь трудно будет объяснить, — сказал капитан.

— Да, — согласился корона Аро. — Мы прибыли к вам на корабль не с пустыми руками.

Снежина поймала себя на том, что внимательно смотрит на тонкопалые руки короны, будто надеется что-то увидеть в них, что-то таинственное и значимое, ради чего Сегежа» была снята с рейса и получила такое необычное задание.

— Не могли бы сейчас все пройти в нашу лабораторию? — спросил корона Аро. — Мы обо-

рудовали ее в шестом грузовом отсеке. Там мы вам все покажем и объясним.

Оба гостя одновременно поднялись с диванчика и направились к выходу. В дверях корона Аро приостановился, чтобы пропустить Снежину вперед. Хвост он спрятал за спину.

Снежина сказала ему:

— Вы быстро усваиваете информацию.

— Я надеюсь в ближайшее время говорить с вами без помощи лингвиста, — сказал Аро, — у меня хорошая память.

Тетя Миля подождала, пока все вышли, чтобы все-таки быть подальше от корон. Но в лабораторию прошла. Тете Миле было очень жалко людей. Или почти людей, которые загубили себя. Она догнала в коридоре Кирочку и сказала ей:

— Кира, вы уж спросите у этих, может, это не они сами, может, кто к ним прилетел?

— Ну кто может прилететь?

— Галактика большая, — серьезно сказала тетя Миля. — Всякий народ в ней встречается.

Павлыш услышал разговор и сам спросил:

— Скажите, корона Аро, а не могло так случиться, что жители планеты подверглись нападению извне?

— Очень маловероятно, — ответил, не оборачи-

ваясь, корона. — Но на месте мы всё узнаем.

8

«Что же было у нас в шестом отсеке?» — подумал Бауэр. Он не смог сразу вспомнить и обиделся на свою обычно безукоризненную память. Отсек за последние несколько часов так изменился, что, казалось, он всегда был именно лабораторией — белой, сверкающей, стерильной и ярко освещенной. «Буры здесь были, — вспомнил Бауэр, — буры для восьмой шахты».

Корона Аро подошел к зеленому пульту, занимавшему половину дальней стены. Робот обслуживания тихо откатился в сторону, чтобы не мешать ему. Корона Вас остановился у похожего на операционный стол аппарата, покрытого сверху прозрачным колпаком и соединенного шлангами и проводами со вторым, небольшим пультом у изголовья.

— Это опытная аппаратура, — сказал Вас. Если в кают-компании говорил в основном Аро, то здесь Вас был более уверен и разговорчив. — Мы закончили ее разработку несколько месяцев назад. В Галактике она пока неизвестна. И долго не была бы известна, не случись несчастья с Синей

планетой. Назначение ее — оживлять погибшие или умершие живые существа.

— Как? — спросил Антипин. — Какой принцип?

Павлыш как зачарованный подошел к столу.

— В принципе просто, — сказал Вас. — Технически трудно. Если в теле сохранились наследственные клетки, можно восстановить по ним весь организм. В любом живом организме наследственные клетки хранят информацию, включающую его строение, функции, способ воспроизводства. Не только у нас — и на вашей планете давно уже научились читать эту информацию, вносить коррективы в нее, борясь с генетическими заболеваниями и пороками. И вы и мы много десятилетий назад научились искусственно выращивать зародыши. Следующий шаг — клетка. Наследственная клетка.

— Браун в Массачузетсе работает с мышами, — сказал Павлыш. — Я читал, но пока…

— Неудивительно, — сказал корона Аро. — Мы начали опыты значительно раньше. И у нас тоже долго не получалось. Сложнейшая проблема…

Он собрал в глубокие складки жабью морду и прикрыл несколько глаз.

— Следующим шагом, — вмешался Вас, кото-

рому, видно, не терпелось продолжить рассказ, — было отделение информации от ее носителя — клетки и конструирование нового организма на основе этой информации. Вот над этим мы и работали последние годы. Если бы это удалось, то означало бы победу над смертью. Главное — разыскать и научиться полностью использовать все, что записано генетическим кодом в клетке, даже если сама она, как биологическая единица, мертва. И вот это сделано нами.

— Замечательно, — сказал Павлыш. — А можно задать каверзный вопрос?

— Задавайте.

— Возьмем, к примеру, мышь. Она мертва. Вы извлекаете из нее наследственную клетку, усваиваете информацию, создаете новую мышь, но она же будет другой.

— Почему? — спросил Антипин, подошедший тем временем к зеленому пульту и наклонившийся над ним.

— Да потому, что наследственные клетки не скажут вам ничего о приобретенном опыте мыши, о ее жизни, о том, что она думает о мышеловках или сахаре. Это будет новорожденная мышь — чистый лист бумаги.

Пока Павлыш говорил, Вас согласно кивал боль-

шой приплюснутой головой, постукивал концом хвоста о пол и всячески выказывал желание перебить Павлыша, ответить ему. Но дождался, пока доктор кончит, и заговорил громко, лингвист даже жужжал от перегрузки:

— Вот! Именно над этим мы и бились два года! Ответ был ясен с самого начала, — необходимы и клетки мозга. Но сколько? Какие?

Вас, говоря, вытянул вперед тонкую руку и для убедительности уткнул перепончатый палец в грудь доктору, будто хотел пробуравить тому куртку.

— Вы не знаете? — спрашивал Вас. — И мы не знали. А теперь знаем. И сейчас же вам продемонстрируем наше знание. К сожалению, в нашем распоряжении нет ни одного живого существа, которое можно было бы умертвить. Скажите, на вашем судне есть какие-нибудь животные?

Баков обернулся почему-то к Эмилии Кареновне.

— Эмилия Кареновна? — спросил он строго.

— У меня мышей нет, — сказала тетя Миля. — И быть не может.

— Говорила вам, возьмем кота, — сказала Кирочка. — На «Кейптауне» ведь восемь котят. Любого отдавали.

— Мы этого опасались, — сказал корона Вас и обернулся к Аро. Он отключил лингвиста.

Разговор корон казался похожим на настройку симфонического оркестра, — невозможно было уловить одну последовательную линию в разнотонных музыкальных звуках.

— Простите, — сказал корона Аро. — Мы обсуждали возможность временно убить одного из нас. Но оставшемуся вряд ли удастся справиться с аппаратурой. Установка, экспериментальная.

— Ну что вы, — сказал Загребин. — Мы что-нибудь придумаем, вы уж не волнуйтесь.

— Я к вашим услугам, — сказал Малыш.

— Не сходи с ума! — остановила его Кирочка.

— А почему и нет? Буду по крайней мере первым искусственно оживленным человеком. Повесть потом напишу. «Полчаса на том свете».

— Нет-нет, — сказал Вас. — Мы не согласны. Так нельзя рисковать.

Тетя Миля вдруг спросила:

— А если мороженую курицу?

— Курицу?

— Это такая птица, — сказал Бауэр. — Мы ее употребляем в пищу.

— Только она потрошенная, — сказала тетя Миля.

— Очень хорошо, — сказал корона Вас.

Тетя Миля поспешила в кладовую.

— Придется подождать, пока не согреется, — сказал корона Вас. — Это недолго.

— Мы подождем, — сказал Баков, и концы его пшеничных усов приподнялись.

Баков впервые летел старпомом, был несколько преувеличенно патриотом «Сегежи». Придирчиво следил за чистотой, здоровьем, образцовым состоянием экипажа и корабля. За это Павлыш порой ворчал на старпома. «Завтра начнет ставить пятерки и двойки за чистоту в каютах, — жаловался он Снежине. — Или считать калории в супе». Тетя Миля называла его «наш с усами», не любила, когда посторонние распоряжались на камбузе или в буфетной.

— Мы подождем, — повторил Баков.

Все было в порядке. Мертвое животное на корабле нашлось, потому что на образцовом корабле должно быть все. Абсолютно. Неизвестно, что может понадобиться на планете «Х».

Тетя Миля держала курицу за ноги, связанные тесьмой. Кожа курицы была покрыта инеем, переливалась фиолетовыми и желтыми пятнами. Когти растопырены, длинная шея замерзла, закоченел приоткрытый клюв.

— Я выбрала с головой, с мозгом, — сказала тетя Миля.

Вас взял курицу, положил на столик у пульта. Тельце гулко стукнулось о поверхность столика.

Аро подкатил от стены зеленый блестящий ящик. Ящик послушно остановился. Вас откинул крышку, положил курицу внутрь. Корона Аро между тем привел в действие пульт, дрогнули стрелки, побежали по экранам пики.

— Минуты через три-четыре поднимем температуру до нужного уровня, — сказал корона Вас.

— А клетки при быстром нагреве не разорвутся? — спросил Павлыш.

— Не беспокойтесь.

— И вы собираетесь так оживлять людей там? — спросил Бауэр.

Этот вопрос уже несколько минут вертелся у всех на языке, но задать его никто не решался.

— Это зависит, найдем ли мы останки такой сохранности, которая позволит провести эксперимент удачно. Мы надеемся, что найдем. Прошел всего год. В полярных районах планеты холодно. И вам понятно теперь, почему мы попросили снять с маршрута именно земной корабль?

— Да, — сказала Эмилия Кареновна.

Все повернулись к ней. Тетя Миля густо покрас-

нела и выставила, как бы защищаясь, ладонь перед грудью.

— Я ничего не хотела сказать.

Губы короны Аро загнулись в подобии улыбки.

— Правильно, — сказал он. — Извините, но для нас не секрет, наш внешний вид несколько смущает Эмилию Кареновну. Он ей неприятен. Не так ли?

— Нет, что вы, — быстро сказала тетя Миля. — Я уж привыкаю.

— Но еще не привыкли. А ведь вы были предупреждены о нашем прилете. Вы знаете, что Галактический центр объединяет существа очень различного типа. Может, даже видели наши изображения. Вы не пережили гибели своей цивилизации. Верно?

— Не пережила, — сказала тетя Миля.

— Ваша реакция на мой вопрос была правильной. Вы угадали. Мы, удивленные близостью типа людей и обитателей Синей планеты, решили, что если наш эксперимент удастся и мы оживим хотя бы одного жителя Синей, — он должен будет очнуться среди существ, близких ему. Мы не знаем масштабов шока, который испытали те люди. Но пусть они откроют глаза и увидят своих братьев…

— Можно начинать, — сказал Вас, который, казалось, не слушал своего товарища.

Снежина шагнула поближе к операционному столу. Остальные — тоже.

— Операция займет несколько минут, — сказал корона Вас. Он положил обмякшую, мокрую курицу под сдвинувшийся колпак. Колпак тут же вернулся на свое место.

— Начинаем. — Аро нажал несколько клавишей на пульте.

Поверхность стола ожила. Из нее выросли зажимы, щупы, иглы, и через несколько секунд курица была крепко опутана и почти скрыта под их слоем. Аппарат тихо заурчал. Снежина достала сигарету, но закурить не решилась. Она смяла ее пальцами, и табак рассыпался по полу. Баков заметил и сердито зашевелил усами, но ничего не сказал. «Потом скажет», — подумала Снежина.

— В течение первой минуты мы анализируем состав тела, структуру клеток, — сказал Вас.

Павлыш отошел к пульту и старался угадать логику в показаниях приборов.

— Мы попросим вас помочь нам, — сказал ему Аро. — Это несложно…

Минуты тянулись страшно медленно. Секундные стрелки двигались вдесятеро ленивей, чем

положено…

Павлыша вдруг охватило холодное чувство надвигающейся неудачи, провала. Сейчас пройдет еще несколько минут, корона Вас засуетится растерянно у приборов, Аро взмахнет вежливо хвостом, скажет: «Простите, по аппаратура экспериментальная…» Но короны молчали.

— Смотрите, — сказал Христо. — Перо.

Кожа курицы дрогнула. Тонкие стружки молоденьких перьев просверливали ее и росли, как белые былинки.

— Правильно? — спросил Вас. — Я не видел раньше курицу.

Чуть шевельнулся, наливаясь кровью гребешок, и дрогнула нога, подтягивая когти.

«Ой, — подумала Снежина, — сколько нам еще работать пока мы станем, как они. Человек — венец создания. Показать бы средневековым людям кого-нибудь из корон. Человек — венец создания. Чьего? Вот настоящие создатели. Наверно, Павлыш им завидует даже больше, чем я. Он специалист».

Глаза курицы открылись и пленка век отошла вбок. Курица приоткрыла клюв и издала короткий, хриплый звук. Ей хотелось встать, но, крепко связанная, она могла только озираться.

Аро отключил аппаратуру. Вас приоткрыл колпак. Щупы и ленты спрятались в стол. Курица забила крылом, встала неловко, будто обучаясь, сделала шаг, торжествующе заклекотала и, замахав крыльями так, что в лаборатории поднялся ветер, слетела по широкой дуге на пол.

Все стояли, будто примерзнув к полу, глядели на курицу, а та как ни в чем не бывало подошла к рассыпанному Снежиной табаку и попробовала склевать крошку.

— Ну как? — спросил корона Вас.

— Убедительно, — сказал Павлыш.

— И вся эта операция заняла двадцать восемь минут, — сказал Антипин.

— Дура эта птица, — сказала Снежина. — Хоть бы что — гуляет.

— Это потому, Снежина, — сказал Загребин, приглаживая волосы на затылке, — что того света не существует, по крайней мере для куриц. И Цыганков зря надеялся, что наберет воспоминаний на целую статью.

— Про людей, Геннадий Сергеевич, не доказано. Что не положено курице, может быть доступным человеку.

— Радисту первого класса, — уточнила Кирочка.

— Что ж, я полагаю, что демонстрация окончена, — сказал Загребин, посмотрел на часы. — У нас очень много дел. И, по-моему, куда больше оснований спешить к Синей планете, чем раньше. Я думаю, что лучше всего мы выразим восхищение работой наших коллег, доверие к ней, если смо-

жем провести подготовку к большому прыжку и выход в точку прыжка за сорок часов. Ну, от силы пятьдесят. На вахты выходят все. Мы со старшим штурманом и стармехом поднимемся на мостик. Остальных попрошу начать подготовку. Еще раз спасибо.

Последнее относилось к коронам.

Капитан вышел из лаборатории. За ним поспешил Баков.

Расходились не сразу. Павлыш расспрашивал корон об аппаратуре. Бауэр помог тете Миле поймать курицу.

Малыш посмотрел на них и вдруг хихикнул.

— Ты что? — спросила Кирочка.

— Я подумал, паровое мясо нам обеспечено. В морозилке должны быть коровьи туши. Скоро крупный рогатый скот примется расхаживать по кораблю.

— Ты с ума сошел, Малыш, — сказала Кирочка. — Я ужасно боюсь быков и коров. Они бросаются на красное, а я — рыжеватая блондинка.

9

— Сначала я себя чувствовал очень неловко, — сказал корона Вас. — Мы вторглись в ваш мир,

даже перепугали Эмилию Кареновну.

— Нам тоже было не по себе, — сказала Снежина. — Вы бы садились.

— Если не возражаете, на пол. У нас нет стульев в вашем понимании.

— Садитесь. Вам налить соку?

— Апельсинового, — сказал корона Вас. — Опять у Аро кончается белок, а синтезатор никак не наладим.

— А вот нам вы помогли, — сказала Снежина, открывая банку с соком. — Вы знаете, тетя Миля соорудила птицам загон и они даже несутся.

— Несутся?

— Ну, яйца несут, зародышей. Мы их тоже едим.

— Прискорбно, что наши братья по разуму такие отъявленные хищники, — сказал Вас. — Я шучу. — Корона поудобнее устроился на ковре.

— Сегодня входим в большой прыжок, — сказала Снежина. — Придется лезть в гермованну. Опять всю прическу испорчу.

Вас был абсолютно лыс. Он не мог понять соображений об испорченной прическе.

— Хороший сок, — сказал он. — Немного кислый.

Он приоткрыл один из карманов, достал ка-

кой-то пакетик, насыпал в стакан порошка. Сок вскипел и потемнел.

— Теперь совсем хорошо, — сказал корона Вас, — Я последние полгода почти не выходил из лаборатории. Когда близко решение большой задачи, остальное отступает на задний план. И однажды мы включили наш аппарат и вложили туда высушенную труку — это такое насекомое. И вдруг она подпрыгнула.

Воспоминание было таким ярким, что Вас закрыл все глаза и застыл с поднятым стаканом в перепончатой руке.

— Мы бы еще долго испытывали. И вдруг это известие. Тогда к нам прилетел Координатор и спросил, сможем ли мы немедленно вылететь к Синей планете. Вы бы хотели оказаться на моем месте? Это большая честь. И я великий ученый, вернее, я чувствую себя великим ученым.

— Вы не страдаете излишней скромностью, — улыбнулась Снежина.

— А разве я не прав? Чье изобретение было применено для того, чтобы спасти целую планету?

— Мы туда даже не прилетели. А вдруг спасать некого?

— Сомневаюсь. Представьте себе, что такое несчастье случилось на Земле. И все умерли. Но

наверняка какое-то число трупов сохранилось бы… А впрочем, не имеет никакого смысла меня расстраивать.

— Я и не собираюсь, корона Вас, — сказала Снежина. — Я сама, может, больше, чем вы, хочу, чтобы хоть кого-нибудь удалось спасти.

— Вниманию пассажиров и членов экипажа, — вдруг сказал динамик в углу. — Через двадцать минут объявляется готовность номер один к прыжку через пространство. Просим всех членов экипажа проверить состояние кают и служебных помещений. Для пассажиров подготовлены ванны второго резервного отсека. Повторяю, второго резервного отсека.

— У нас еще есть несколько минут, — сказал корона Вас. — Я немного опасался, что различая во внешнем облике, в привычках помешают нам работать вместе. Но, по-моему, прошедшие пять дней…

— Тетя Миля вчера сама к вам в лабораторию ходила. Одна, — сказала Снежина.

— И, пока ждала, рассказала Аро, что на земле есть небольшие земноводные, похожие на нас. И она с детства их не любит.

— Они называются жабами, — сказала Снежина. — Они крайне низко организованы.

В каюту заглянул Павлыш. Под мышкой он держал свернутую в рулон стенгазету.

— Добрый день, Снежка, — сказал он. — Здравствуйте, Вас. По указанию старпома освобождаю от лишних предметов стены корабля. Ты не сунешь ее в шкаф, Снежка?

— Положи сам, — сказала Снежина. — До твоей каюты, кстати, недалеко. И зачем здороваться, если ты меня сегодня уже три раза видел?

— Я пользуюсь своим священным правом общения с любым членом экипажа, когда он не стоит вахту. Кирочка именно сейчас на вахте. Ведет споры с Мозгом о последовательности прыжка. У Мозга опять новые идеи.

— Это очень интересно, — сказал корона Вас. — На одном нашем корабле Мозг в попытках самосовершенствования отправил корабль в такой длинный прыжок, что они материализовались за пределами Галактики. Их удалось найти только через восемь лет.

— Спасибо за информацию, — сказал Павлыш. — Восемь лет мне хватит, чтобы подготовить следующий номер стенгазеты.

— Я шучу, — сказал Вас.

— Пойдемте к ваннам, — сказала Снежина. — А то Баков придет нас подгонять. Зачем расстраи-

вать старпома?

10

Когда роботы задраивают колпаки ванн, в которых членам экипажа придется перенести ничтожно малое и в то же время бесконечно долгое время большого прыжка через пространство, люди обычно начинают думать быстрее, чем обычно. Вся эта процедура чем-то похожа на собственные похороны. Правда, сравнение это будет только среди курсантов и журналистов. Космонавты стараются делать вид, что дематериализация во время прыжка — обычная и несложная процедура, проще, чем перегрузки торможения. И все-таки…

Двигатели того типа, что стоит на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него вышли незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем,

они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта наверное представляет интерес для родных и близких…

Двигатель, установленный на корабле Галактического центра, позволял перемещаться через нуль-пространство так называемыми прыжками. Так что сам полет состоял из вылета в открытый космос, набора крейсерской скорости, подготовки к прыжку и затем снова торможения у нужной точки пространства. Полет на Плутон и полет на окраину Галактики занимал примерно одно и то же время — три-четыре недели. Столько требовали процедуры торможения и разгона.

«Сегежа» была одним из первых кораблей, построенных с галактическим двигателем. Она была диском, около ста пятидесяти метров в поперечнике, — издали ее трудно было отличить от других галактических кораблей. Полет на Титан, с которого ее сняли для участия в спасательной экспедиции на Синюю планету, был ее вторым путешествием. До этого в прошлом году «Сегежа» участвовала в экспедиции к Сириусу. Так что для большинства членов экипажа прыжок был уже не в новинку. И капитан, и Бауэр, и Кудараускас были знакомы с ощущением медленного,

не очень приятного погружения в сон и еще более неприятного пробуждения после выхода из прыжка.

Болгарские практиканты и Баков летели на таком корабле впервые. Они, правда, провели несколько сеансов в тренажных ваннах Памирского института. Но там прыжок был условен. Когда просыпаешься, видишь все тот же пик Маяковского и то же стадо яков, которое успело за время, пока ты был без сознания, опуститься на несколько сот метров с перевала.

На этот раз между началом и концом сна протянутся мириады километров, число которых доступно математике, но не разуму.

Роботы задраивали крышки ванн. Движения их были спокойны и неспешны. В конце концов, для них ровным счетом не играло роли: людей они запаковывают или посуду.

Антипин, вахтенный механик, который войдет в ванну последним, когда убедится, что остальные заснули и корабль готов к прыжку, проверял герметичность ванн и креплений, улыбался запеленатым, будто мумии, товарищам, переходил к следующей ванне.

…В эти минуты люди начинают думать быстрее, чем обычно. Баков поймал себя на мыслях о

Черном море, о теплой гальке пляжа, о пене, взлетающей над набережной Алушты, о солнечных бликах на волнах. Отогнал настойчивое видение, представил, что идет по кораблю: нет ли забытых, неукрепленных, брошенных вещей? У Павлыша в медкабинете? В буфетной? Запаковала ли Эмилия Кареновна голубой сервиз? Баков из чужих рассказов знал, что при выходе из большого прыжка обязательно обнаруживается недостача различных вещей: на большом корабле всего не учтешь, каким бы старательным старпомом ты ни был. Уж очень силен толчок. Но, даже зная это, Баков всем существом противился подобной необходимости. Такое могло случиться на любом корабле, но «Сегежа» не должна подвести…

Снежина представила себе разрушенную мертвую планету. Ветер, дующий между остовами домов. То ли старый кинофильм, то ли прочитанная и давно забытая страшная книга придала видению конкретность вплоть до деталей: повисшего на остатках перил балкона, остановившихся круглых часов на столбе, детской куклы, брошенной посреди мостовой…

Корона Вас думал о том, что после прыжка опять будет болеть голова, вернутся короткие обмороки, неожиданные и унизительные. Потом

почему-то подумал, что эволюция обделила людей, дав им только два глаза, сильно ограничив им поле видимости. Сам же он отлично видел и голубой потолок отсека, и дно ванны, блестящее и мягкое, охватившее тело снизу…

Агнесса Колли, сильно приукрашенная воображением Малыша, заглядывала ему в глаза и шептала о том, что обязательно дождется. Последняя радиограмма, подписанная ею, пришла перед самым прыжком. Земля-14 давала «добро». Ближайшие несколько недель, а то и месяцев разделят радистов так надежно, что, захоти Агнесса наконец сказать Малышу «да», новость эта затеряется где-то на полпути к «Сегеже», пропадет, иссякнет.

Антипин убедился, что все в порядке. Включил газ. Он стоял на мостике один, смотрел, как стрелка тянется к красной черте. Он знал, что сейчас мысли пассажиров и космонавтов путаются, превращаются в сны, пропадают. Голубой газ медленно заполняет ванны, охлаждая тела, закутывая их надежно и плотно.

— Что ж, пора и нам, — сказал себе Антипин. Включил сирену «готовность — ноль».

Роботы послушно бросились к амортизаторам. Лишь последний, которому предстоит задраить

ванну механика Антипина, шел сзади, пришлепывая ступнями по упругому пластику.

Корабль был мертв. Спал, заколдованный. И Антипин, словно принц, разыскивающий спящую красавицу, медленно шел по его дремучему лесу. Спешить некуда. До прыжка еще девятнадцать минут.

…За тридцать секунд до прыжка «Сегежа» проверила себя: все ли механизмы готовы, все ли живые существа надежно спрятаны, все ли роботы догадались закрепиться. Приборы на пультах у мозга доложили: все в норме.

Корабль содрогнулся — никто из людей уже не почувствовал этого — и, растворившись в космосе, субматериальной волной, проламывая пространство, ринулся к точке, отстоявшей на девяноста три световых года от Земли и на два миллиона километров от Синей планеты.

Глава вторая
ЗДРАВСТВУЙ, АДАМ!
1

Хуже всех перенес прыжок корона Аро. Павлыш приказал роботам перенести его в госпиталь. Аро терял сознание и в бреду старался сорвать коробочку лингвиста. Вас приплелся в госпиталь чуть только пришел в себя и долго рассказывал Павлышу о действии коронских стимуляторов. У Вас оказался с собой целый ящик лекарств. Диагномашина не смогла разобраться в болезни Аро: пришлось Павлышу отключить ее и полностью довериться медицинским познаниям Вас.

С мостика позвонил капитан. Спросил у короны Вас, как может отразиться на здоровье Аро торможение. Вас не знал. Договорились отложить торможение на десять часов. «Сегежа» на крейсерской скорости пошла по большой дуге вокруг Синей планеты.

Быков, расчесав казацкий чуб, обходил корабль. Настроение было плохое: «Сегежа» подвела. Роботы занимались ремонтом приборов, пострадавших при толчке. Тетя Миля спрятала разбившуюся чашку, уже третью, в шкаф. По-

том попросит Кирочку склеить — у нее золотые руки.

Вынужденная пауза нарушила размеренное течение жизни «Сегежи». Свободные от вахт собрались в кают-компании, в десятый раз читали отчет разведдиска, разглядывали фотографии. Малыш пытался убедить Кудараускаса в том, что жители Синей планеты — потомки атлантов. А то почему бы они столь похожи на людей? Кудараускас, человек трезвый и сухой, обстоятельно доказал Малышу невозможность подобного допущения, чем еще более укрепил Малыша в решимости разрабатывать далее эту гипотезу, благо его функции как радиста подошли к концу и он вместе с практикантами стал «палубной командой».

На мостике Загребин с Бауэром рассчитывали траекторию выхода на ближнюю орбиту. Синяя планета яркой искрой горела на экране локатора. Орбитные данные, предложенные Мозгом, почему-то показались капитану слишком сложными, а раз уж получилась задержка, не мешает заняться умственной физкультурой. Иногда Загребин включал внутреннюю связь. Заглянул к механикам, спросил Кирочку, не утомилась ли. Кирочка покраснела, обиделась; капитан ухмыльнулся и

переключился на госпиталь. Аро спал, а Павлыш с Вас спорили о чем-то, рисуя в блокноте схемы молекул, стараясь совместить терминологию двух планет.

Поднялся на мостик Баков со списком повреждений и убытков, нанесенных большим прыжком. Вид у него был виноватый и кончики усов обвисли. Капитан список читать отказался, спросил только, не попало ли в него что-нибудь незаменимое.

— Как вам сказать… — начал Баков.

Капитан понял, хмыкнул задумчиво и сказал:

— Я ведь тоже старпомом летал. Недавно еще. Переживал. Мы как-то в метеоритную бурю попали. Не в поток — в самую настоящую бурю. Бьются метеориты о корпус, мебель гнется; куда ни поглядишь, летят осколки корабельного имущества. А надо вам сказать, Алексей Иванович, судно наше было каботажником: Луна, ближние планеты — и домой. Так капитан наш, Паплиян, — не слышали о таком? — он сейчас на Земле, во Втором управлении…

— Простите, Геннадий Сергеевич, — перебил Бауэр, который за сто вахт с мастером знал большинство баек наизусть и даже мог сказать заранее, где капитан сойдет с прямого пути

правдивого повествования и углубится в фантастические дебри воображения. — Мозг прав, поглядите.

— Ну вот, на самом интересном месте, — сказал капитан. — Вы видите, Алексей Иванович, не расстраивайтесь. В прыжках обязательно хозяйство страдает.

Павлыш сказал по внутренней связи:

— Корона Аро хочет поговорить с вами, капитан.

— Слушаю, — обернулся к видеофону капитан.

Аро лежал на подвесной койке, до подбородка закрытый простыней. Веки его набрякли и почернели.

— Мне уже лучше, Геннадий Сергеевич, — сказал корона Аро. — Я хотел извиниться за задержку, вызванную моей слабостью.

Загребин постучал сигаретой о край пепельницы, улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вам скоро будет еще лучше.

— Мне уже лучше. Я думаю, можно начать маневр.

— Это мы сейчас узнаем, — сказал капитан. — Павлыш, как ваше мнение?

— Рано еще, Геннадий Сергеевич, — сказал Павлыш, приближая лицо к экрану видеофона. — И

корона Вас со мной согласен. Я думаю, корона Аро несколько возбужден…

— Ясно, — сказал Загребин, — отдыхайте. Время у нас есть. Они ждали год, подождут еще несколько часов. — Он отключил видеофон и сказал Бауэру: — Прискорбная задержка. Я все отлично понимаю, а вот хочется сразу рвануться туда. И собственными глазами посмотреть.

— Да, странное чувство, — согласился Бауэр. — Как будто можем опоздать.

— И все-таки нам повезло, — сказал Загребин, — что мы шли на Титан. А если бы «Агра» оказалась на нашем месте?

Загребин отобрал у Бауэра таблицы расчетов, минут десять изучал их, напевал что-то, сам того не замечая. Потом отложил таблицы, согласился с Мозгом и продолжил прерванную мысль:

— Ничего не скажешь, повезло. Только за везение обычно приходится платить. Поверьте мне… — Он щелкнул кнопкой внутренней связи. — Старший штурман, поднимитесь к нам, пожалуйста, — сказал он.

И когда Баков пришел, Геннадий Сергеевич пригласил его сесть и завел длинный разговор о том, что делать на корабле после посадки:

— Уровень радиации смертелен. Работать бу-

дем в скафандрах высокой защиты. Подготовить дополнительные шлюзы на входах. Снабдить экипаж и роботов дозиметрами. В общем, будем жить в состоянии постоянного радиационного аврала. И объявим его сейчас, чтобы не терять даром времени. Наверняка найдем какие-нибудь изъяны в хозяйстве, не так ли?

— Может быть, — обиделся Баков. — Хотя я недавно все лично проверил.

И Баков протянул руку к динамику, чтобы объявить тревогу.

2

«Сегежа» вышла на ближайшую орбиту через неделю после прыжка. Синяя планета медленно поворачивалась в двухстах километрах внизу, последовательно показывая материки, океаны, острова. Жизнь корабля полностью нарушилась. Отстояв вахту, штурманы не уходили с мостика. Да и остальные члены экипажа предпочитали под всяческими предлогами, а то и вовсе без предлогов держаться поближе к экрану внешнего обзора.

Капитан много курил — робот едва успевал чистить пепельницу, — поглядывал на посторон-

них, чье пребывание на мостике ничем нельзя было оправдать, но молчал. Баков, единственный, кто покидал мостик сразу после конца вахты, хотя ему хотелось побыть у экрана никак не меньше прочих, указал как-то Загребину на нарушение внутреннего распорядка. Загребин только вздохнул и сказал:

— Это любознательность. Та самая, которая движет прогрессом и свойственна не только людям.

— Если бы прогулка… — сказал Баков.

— А я не рассказывал про того старика, который у нас в училище вел навигацию? Он всегда говорил: если будете перевозить слонов, обязательно запирайте клетки. Как почистите, так и запирайте. Мы, говорит, везли однажды на Марс двух слонов и забыли клетку запереть. Один слон был пожилой, умный и нелюбознательный. Он остался. Другой, молодой, вышел и отправился на мостик. В результате пришлось на два дня задержать торможение. Ловили слона.

Бауэр хихикнул. В прошлый раз притча о слонах была рассказана совсем с другом моралью.

— Не совсем понимаю, — сказал Баков, и усы его дрогнули.

— Я сам не сразу понял. Во-первых, зачем слоны на Марсе? Во-вторых, зачем слонам любознатель-

ность? И что оказалось? Привезли их в зоопарк. Условия тяжелые. Любознательный приспособился. Второй сдох.

Загребин прикурил от недокуренной сигареты новую и спросил Бауэра:

— Посмотри, Глеб, у полярных шапок радиация не меньше?

Первые снимки, сделанные за миллионы километров, показывали спокойный мир, чем-то схожий с Землей. Так же облака закрывали клочьями океаны и материки, так же зелеными пятнами проглядывали долины и белыми — ледяные шапки у полюсов. Правда, облаков было больше, чем на Земле, и они быстрее двигались над планетой — видно, чаще дули ветры. Корона Аро предположил, что эти возмущения — следствие ядерных взрывов. На планете нарушен климатический и тепловой балансы.

За день до выхода на орбиту стало возможно разглядеть некоторые детали поверхности — крупные горы, реки, каналы, города. Тогда же к планете ушли первые зонды («Сегежа» не была исследовательским судном, зондов и разведдисков на ней было мало — ровно столько, сколько требуется по инструкции для грузового корабля). Зонды послушно отправлялись в полеты к по-

верхности, сообщали о составе воздуха, уровне радиации, температуре и составе биосферы. Биосфера была крайне бедной, куда беднее, чем положено иметь планете такого типа.

Увеличенные снимки участков планеты, принесенные разведдисками, грудами лежали на навигационных столах и в кают-компании, а после тридцатого витка объем собранной информации вырос настолько, что переработать его можно было бы, только переключив на это Большой Мозг. Однако основное было ясно и без обработки информации: планета мертва. Раньше, совсем недавно, здесь обитали люди, сотни миллионов, миллиарды людей. Но год назад после атомной катастрофы они погибли. Все до единого. Кто спасся от ядерных взрывов — умер от радиации. Заражено все — и воздух, и вода, и почва. Пройдет еще много лет, прежде чем планета снова станет пригодной для жизни.

Причин катастрофы, ее продолжительности зонды и съемочные камеры выяснить, естественно, не смогли — это придется делать людям.

Пора было спускаться.

Совещание на мостике, посвященное этой проблеме, было длительным и бурным. За последние дни каждый из членов экипажа рассматривал

карты, каждому приглянулось то или иное место на планете, и каждый считал, что именно в его точке больше всего шансов найти «материал» для аппарата короны Вас.

Загребин всех выслушал, никого не перебивая, потом сказал:

— Я поддерживаю вариант короны Аро, который предлагает совершить посадку у города в Южном полушарии, где климат довольно суров и в течение девяти месяцев температура ниже нуля. Город сравнительно мало поврежден. По крайней мере, меньше многих других городов. Он лежит в низине, на берегу моря и с трех сторон защищен от ветров. Речка, протекающая через город, берет начало неподалеку в горах, из ключей. Возможно, уровень радиации в ее воде ниже, чем в воде других источников. Вот вроде и все. И не будем терять времени. Я вижу, что Цыганков хочет сказать небольшую речь в защиту варианта посадки в районе крупнейшего города этой планеты. В любом другом случае я бы с удовольствием выслушал еще разок все его насыщенные пафосом аргументы, но сейчас как капитан я пользуюсь правом вето. Бауэр, когда будем проходить над местом посадки, спусти туда разведдиск.

Малыш подошел к капитану и сказал:

— Вы не правы, Геннадий Сергеевич. Вы совершенно не правы. Я не собирался защищать свой вариант. Просто, когда мы поймем, что место высадки неудачно, прошу зарезервировать за моим пунктом вторую очередь.

— К тому времени, — сказал Загребин, — мы будем уже достаточно знать о планете.

Снимок города, который капитан выбрал для высадки, прикрепили к стене. Сверху, с высоты тридцати километров, город казался коротконогим осьминогом, подобравшим половину щупалец. Он обнимал двумя из них полукруглую бухту, упрятав тело между высокими холмами. Часть зданий в городе сохранилась, и улицы, извилистые и узкие, проглядывались кое-где светлыми полосками. В некоторых местах они прерывались, засыпанные обрушившимися домами. Бомбы взорвались, видимо, на его восточной окраине, а западные районы, за центральным холмом, увенчанным руинами какого-то большого здания, остались целы. Правда, после взрывов в городе бушевали пожары — черные полосы гари широкой кистью были нанесены на карту.

За городом к горам вдоль дороги встречались отдельные домики и группы домиков.

Большего при первом осмотре нельзя было узнать. Но все равно космонавты подолгу стояли у снимка, вглядываясь в извилины улиц и зелень холмов (в городе была поздняя весна). Пройдет день, и город из не очень четкого снимка превратится в пейзаж, в камень и дерево, в проблемы и споры. Он приобретет имя, вернее, вернет себе свое старое имя. И еще долго члены экипажа «Сегежи» будут говорить, встречаясь: «А помнишь, как мы жили в...» Может быть, если удастся эксперимент, этот город войдет в учебники истории Галактики как место, где было начато возрождение Синей планеты. И в книгах будут писать: «Космический корабль «Сегежа» Г/П 304089, опустился на планету в районе города...»

3

Диск «Сегежи» спустился на планету в районе города... Некоторое время в корабле царила зыбкая тишина встречи с землей, тишина не беззвучная, а полная гудения механизмов, суетни очнувшихся роботов, мерцания аварийных ламп и шелеста креплений.

Загребин протянул руку к раме экрана, достал сигарету и, не отрывая глаз от экрана, закурил.

Баков демонстративно откашлялся в соседнем кресле и спросил:

— Включить внутреннюю связь?

— Включайте, — сказал капитан.

Он знал, что старший помощник хотел, чтобы капитан, как и положено по инструкции, поздравил экипаж с благополучным прибытием на новую планету. Но ему не хотелось следовать инструкции. Уж очень было тревожно. И тогда Баков включил внутреннюю связь и сказал:

— Корона Аро, корона Вас, как перенесли посадку?

— Хорошо, — сказали короны по очереди.

Тогда Загребин посмотрел на экран и сказал:

— Мы прилетели. Пришли. За работу. С настоящего момента входит в силу наземное расписание номер три. Для чрезвычайно сложных условий. Начать подготовку механизмов для разведки.

Баков нахмурился. Поздравления не было, а слова о расписании положено говорить старшему помощнику.

Капитан смотрел не отрываясь на экран и старался угадать, что принесет завтрашний день, и день сегодняшний, и все те дни, что придется провести на этой погибшей планете.

Экран вобрал в себя окружающий мир. С одной

стороны, совсем близко подступали крутые склоны холма, кое-где затянутого пятнами зелени. По другую сторону, за пустырем, поломанным рядом тянулись небольшие дома, незнакомые, непонятные, но в то же время приспособленные для того, чтобы в них жили именно люди. Стекла в домах — с мостика видно — были выбиты, и окна зияли черными провалами.

Загребин включил звук, и в корабль ворвался заунывный шум ветра.

4

В коридоре стало тесно. Роботы под наблюдением Антипина соорудили дополнительный антирадиационный тамбур. Тамбур был тесен. Это не играло роли, когда вы выходите наружу, но задерживало возвращение на корабль.

Первыми в тамбур втиснулись Баков, Бауэр и Снежина. Снежина сказала, правда не очень искренне, что следовало бы вместо нее выпустить в первой партии Кирочку: та, по крайней мере, втрое меньше.

Бауэр ничего не ответил. Он стоял, прижавшись к стенке, ожидая, когда отодвинется люк в основной шлюз корабля, и думал о чем-то очень

далеком и невеселом.

Это случилось не только с Бауэром.

Многим из членов экипажа уже приходилось ступать на камни или лед новых планет или астероидов. Многим приходилось проводить часы перед высадкой в ожидании, пока автоматы принесут последние сведения, и видеть в нескольких метрах недоступную еще поверхность планеты. И всегда это было связано с томлением, но томлением скорее сладостным, томлением мореплавателя, который должен ждать прилива, чтобы спустить шлюпку и преодолеть последние метры до неведомой земли, до ее золотого песка и пышных пальм.

Такое чувство было знакомо и Бауэру, и Загребину, и Антипину, и Малышу. На этот раз все было иначе.

Люк в основной тамбур отошел в сторону, и Баков пропустил вперед Снежину. Здесь было свободнее. Зашуршал входящий в тамбур воздух Синей планеты. Он будто шептал о чем-то, и Снежине показалось — угрожающе шептал, предупреждал, запрещал.

— Чепуха, — сказала Снежина вслух. — Мы пришли. У нас действует наземное расписание номер три для чрезвычайно сложных условий.

— Да, — сказал Бауэр. Он понял.

Баков смотрел, как медленно отходил люк. Это было похоже на солнечное затмение. Тень луны уходит с солнечного диска. Только это был не солнечный диск. На планете было дождливо, серо и ветрено.

Легкий туман клочьями пролетал мимо корабля, и за завесой дождя скрылись недалекие дома города. Снежина включила отопление скафандра. Было градусов пять тепла.

Баков первым спрыгнул на поверхность планеты. Он постарался спрыгнуть легко и даже изящно, потому что всегда помнил о впечатлении, которое производил на окружающих. Он знал, что на мостике у экрана стоят его товарищи и каждое движение старшего штурмана видно им во всех деталях. Баков обернулся и помог выйти Снежине. Бауэр шел последним.

Несколько секунд они стояли, глядя, как на солнце люка снова наползает крышка. Потом Бауэр поднял руку для тех, кто остался на мостике. В наушниках прозвучал голос Загребина:

— Не увлекайтесь.

Загребин откашлялся, и Бауэр представил, как он постукивает сигаретой о край пепельницы.

Бауэр прислушался. На планете все было тихо.

Вдруг сзади что-то лязгнуло. Снежина вздрогнула и обернулась.

— Это Еж, — сказал Баков. — Он будет нас сопровождать.

— Может, все-таки поедете на нем? — спросил Загребин.

— Нет, Геннадий Сергеевич, мы так пойдем. А в случае чего заберемся в Ежа, — ответил Баков.

— Ну давай, — сказал Загребин. Он сам предложил, чтобы вездеход шел за группой. На всякий случай. Мало ли что…

Бауэр посмотрел на шкалу счетчика радиации. Стрелка дрожала далеко за красной чертой.

Еж, скорее напоминающий жука с длиннющими передними ножками, остановился в двух шагах от разведчиков.

— Пошли, — сказал Баков. — Все в порядке?

Он сделал шаг по мелким камням, усеивающим продрогшую влажную землю. Его прямые широкие плечи, обтянутые скафандром, были напряжены. Баков был очень серьезен и не собирался рисковать. Загребин знал, кого послать с первой группой.

5

Видно, здесь, за последними домами города, никогда ничего не строили. Пустырь пересекали тропинки, заросшие плесенью и мхом. Вчера роботы притащили их образцы, и Павлыш засел на ночь в лаборатории. Потом к нему присоединился Вас. Биологи решили, что плесень — мутация, приспособившаяся к жизни на мертвой планете. Вернее всего, она недавно покрыла этот пустырь. Раньше здесь росли трава и кусты, не выдержавшие конкуренции с плесенью.

Снежина подобрала высохшую ветку и протянула ее Ежу. Тот взял ветку длинной рукой и спрятал в свой «горб». Павлыш потом разберется.

Мелкие капли дождя били по шлему и стекали струйками к плечам. Приходилось время от времени вытирать забрало перчаткой. Но все равно через минуту мир снова начинал дрожать и расплываться, искаженный струйками воды.

Баков увидел тропинку и свернул на нее, отклонившись от прямого пути к домам. Шагов через двадцать тропинка раздвоилась. На развилке что-то лежало. Светлое, сантиметров в двадцать длиной. Баков остановился, вгляделся, потом

медленно наклонился и поднял предмет с земли.

Это была небольшая кукла. Желтые волосы почти все вылезли от дождей. Остатки истлевшего платья чудом держались на толстых, перехваченных будто ниточками руках куклы. Один глаз исчез, но второй, синий и слишком яркий, смотрел на людей в упор.

— Вот уж чего не ожидал, — сказал Бауэр.

— Господи, — сказала Снежина, — настоящая кукла.

— Что? — спросил Загребин.

За стеной тумана и дождя на мостике потеряли разведчиков из виду и следили за ними по пеленгатору.

— Мы нашли детскую игрушку, — сказал Баков. — Куклу. В плохом состоянии.

На мостике молчали.

Баков держал куклу осторожно. У его дочери на Земле была кукла вдвое больше этой и совсем не похожая на нее. Баков подошел к Ежу и сказал ему:

— Осторожнее положи.

— Куклу можно было бы и оставить, еще не раз попадутся в городе.

Еж подставил широкие двупалые ладони и спрятал куклу в «горб».

Теперь до крайнего дома оставалось всего несколько шагов. Видно, кукла принадлежала кому-то из его обитателей.

К дому вела мощенная камнем дорожка. У закрытой, растрескавшейся двери стояло засохшее дерево. На одной надломанной ветви сохранились бурые, скрючившиеся листья.

— Подождите здесь, — сказал Баков Снежине и Бауэру. И для сведения Загребина добавил: — Сейчас войду в помещение.

Снежина рассматривала дом. Закрытая дверь, краска облупилась, и сквозь ее розовые пятна проглядывает серое дерево. Несколько окон — шесть или семь по фасаду. Окна, высокие и узкие, сужаются кверху. Некоторые закрыты ставнями. Раньше в окнах были стекла, но стекла вылетели, и осколки валяются на дорожке. Некоторые из осколков белые — на окна были наклеены полосы бумаги. Плоская крыша выступает далеко над стеной. Карниз украшен темными узорами.

Тем временем Баков подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь скрипнула и отворилась.

Баков включил фонарь на шлеме и медленно повернул голову, обшаривая лучом комнату.

— Пусто, — сказал он наконец. — Пойдемте.

Еж подвинулся по дорожке к самому входу, и

Снежина знаком приказала ему ждать.

Первая комната была пуста, только на дальней стене висела картина без рамы и прибор с циферблатом, похожий на часы.

Лучи фонарей метались по комнате, играя тенями на стенах дальше.

Дверь в следующую комнату была открыта. Баков сделал шаг к ней, но вдруг остановился, прислушиваясь. Снежина тоже услышала тихое постукивание, быстрое и ровное, будто кто-то на цыпочках пробежал через ту комнату.

— Прибавь мощности, — шепнул Бауэр.

Баков переключил фонарь на шлеме, и тот кинул ослепительный поток света. И тут же постукивание пропало, будто налетев на препятствие.

— Что-нибудь случилось? — спросил в шлемах голос Загребина.

— Тише, — прошептала Снежина.

Баков сделал шаг вперед, в дверной проем.

— Вот она, — сказал он.

Снежина заглянула ему через плечо. Пойманное в ловушку яркого луча, ослепленное, в углу комнаты сидело рыжее животное, похожее на крысу, только без хвоста, с большими острыми ушами. Услышав голос Бакова, крыса, будто

очнувшись, бросилась к высокой кровати, занимавшей чуть ли не половину комнаты, и исчезла под ней.

— Обнаружили животное, похожее на крысу, — сказал обыденным голосом Баков. — Поймать пока не удалось.

— Интересно, — сказал Загребин.

Баков, задумавшись о чем-то, кивнул головой.

— Может, отодвинем кровать? — спросил Бауэр. — Эта дуся могла построить себе гнездышко.

Баков ничего не ответил, но потянул на себя кровать, аккуратно застланную истлевшим, ветхим покрывалом. Кровать подалась и с треском рассыпалась. Снежина ахнула. За кроватью обнаружилось большое гнездо, из которого к щелям между стеной и полом кинулись крысята. Бауэр открыл ставни, и в комнату вошел серый дождливый день.

Потом осмотрели остальные помещения. Снежина удивилась несхожести таких знакомых вещей, как плита, кастрюли, стулья, будто изобретатель долго ломал голову, как бы сделать их не такими, как положено им быть в Москве или Париже. На Синей планете вся мебель — столы, стулья, кровати — почему-то была на трех, пяти или даже более ногах, с треугольными и пяти-

угольными сиденьями и крышками…

— Выйдите на улицу, подышите свежим воздухом, — сказал Загребин. — У вас в запасе не так много времени, уже больше часа прошло. Осмотрите ближайший район города. В дома больше не заходите. Ломать мебель мы еще успеем.

6

Они сошли по ступенькам вниз и свернули направо к другим зданиям. Бауэр нес в руке пачку отпечатанных листов, вернее всего, газету. Он осторожно передал их ожившему при приближении людей Ежу.

— Я сфотографировал крыс, — сказал он.

— Хорошо, — одобрил Баков. — Наверно, их здесь много. Разведдиск их не заметил.

Второй дом выплыл из тумана, похожий на первый провалами выбитых окон и безнадежным запустением. Разведчики прошли мимо, приостановившись на секунду. Большая устоявшаяся лужа перекрывала дорожку дальше, и пришлось обогнуть ее по камням пустыря. Никому не хотелось входить в черную воду — было такое чувство, будто промочишь ноги.

Третий дом был побольше других. Угол его обва-

лился. Сквозь дыру виднелись треугольный стол, шкаф и какой-то небольшой ящик, блестящий с одной стороны. Еж задержался, сунул лапу в дом и уложил ящик к себе в багажник. Еж был похож на старьевщика, который умудрился превратить в мешок самого себя. Третий дом стоял уже на углу настоящей улицы, с мостовой и тротуарами по сторонам. По обе стороны вдаль уходили вереницы одинаковых зданий. Улица вела к центру. Вчера ее осмотрели роботы-разведчики. Маршрут группы дальше вел по ней.

Люди шли посередине улицы, шли медленно, и со стороны их можно было бы принять за моряков, проводящих последний день в незнакомом городе, вернее, не день, а раннее дождливое утро, когда город еще спит и моряки, гуляющие по нему, говорят тихо, чтобы не разбудить жителей.

— Почему дома кажутся старше, чем они есть на самом деле? — спросил сам себя Бауэр.

— Старше?

— Ведь всего год, как люди ушли отсюда.

И как бы в ответ на его вопрос дождь внезапно усилился, и со стороны моря на улицу ворвался ветер. Ветер бил струями дождя по потрескавшимся облезлым стенам, старался сорвать кровли и выбить остатки стекол. Идти вперед стало труд-

нее. В десяти шагах впереди Баков казался Бауэру туманным привидением.

Старпом остановился, и Бауэр чуть не налетел на него.

— Придется возвращаться, — сказал Баков. — Какой толк в таком путешествии?

Остановились. Ветер все крепчал, и казалось, хотел загнать космонавтов обратно на корабль. Еж подъехал поближе.

— Возвращайтесь, — приказал Загребин. — Слишком сильный ветер.

Снежина оглянулась, стараясь разглядеть такой близкий и совершенно еще незнакомый город. Что-то круглое катилось посреди улицы к разведчикам. Баков отступил в сторону. Бауэр нагнулся и поднял ржавую каску с поперечным невысоким гребнем. Каска была пробита сбоку, и в круглое отверстие можно было просунуть палец. Бауэр так и влез в Ежа с каской в руках. Он был похож на пожарника или солдата, отдыхающего после трудного дела.

Крыша кабины Ежа задвинулась, и вездеход развернулся к кораблю. Он шел медленно, обходя выбоины на мостовой, и дождь горстями капель бил и бил по куполу кабины…

7

Погода до вечера не улучшилась. Шторм старался раскачать диск «Сегежи» и заткнуть его в расщелину между холмами. Экран на мостике почти ослеп, и сквозь разрывы в ливневой стене иногда мелькала блестящая спина дежурного робота, кружившего, не обращая внимания на непогоду, вокруг корабля. Экраны локаторов показывали, что вокруг все спокойно: зеленые точки и полосы — город — были неподвижны.

Корона Аро поднялся на мостик и сел подальше от капитана, чтобы не задохнуться от табачного дыма.

— Странная привычка, — сказал он. — Попали бы вы на нашу планету лет тысячу назад, вас бы сочли за колдуна и уничтожили. По нашим преданиям, дымом дышали злые духи.

— У нас было тоже нечто подобное. — Загребин как бы невзначай погасил сигарету. — Колумб, великий путешественник, привез табак из Америки. Некоторые думали, что это колдовство. Что вы можете сказать о сегодняшнем дне?

— Я им недоволен, — ответил корона Аро.

Кудараускас, сидевший у локатора, покосился

на корону, потом подумал, что вмешиваться в разговор ему не следует, и снова повернулся к локатору.

— Два фактора, не учтенных разведэкспедицией, меня очень смущают.

— Я их назову за вас сам, — сказал Загребин. — Это погода и крысы.

— Да, погода и крысы, — согласился корона Аро. — Я сейчас был у Павлыша. Он увеличил снимки. Крысы всеядные, и не исключено, что их много. Они как-то приспособились к радиации.

Робот Гришка, в белом переднике, принес поднос со стаканами чая и бисквитами. Загребин подвинул один из стаканов Аро. Кудараускас отодвинул свой в сторону — пусть остынет.

— Чай очень возбуждает, — сказал Аро. — Два-три глотка — и я уже всю ночь не сплю. Но это неважно. Я могу не спать несколько ночей без вреда для себя. Как биолог я знаю, что чай мне пить не следует. Хотя, наверно, я возьму с собой пачку чаю, когда буду возвращаться домой.

— Пожалуйста, — сказал Загребин. — Когда кончится буря, вторая группа отправится к центру города. Вы не хотите присоединиться?

— В вездеходе мало места.

— Пойдет большая машина. Наш Мозг подсчи-

тал, что дожди здесь могут идти неделями, но на завтра он обещает приличную погоду.

— Спасибо, — сказал корона Аро. — Если я вас правильно понимаю, вы надеетесь завтра начать поиски людей?

— Если что-нибудь получится.

— Да, — согласился Аро. — Если что-нибудь получится.

— Посмотрите, — сказал Кудараускас.

На экране локатора одна из зеленых точек сдвинулась с места и медленно поползла по направлению к кораблю. Потом остановилась.

— Где это? — спросил капитан.

— Расстояние… расстояние три километра. Размеры объекта примерно десять квадратных метров.

— Крышу сорвало ветром, — сказал корона Аро, прихлебывая чай. — Крышу.

— Правильно, — сказал капитан. И добавил: — Поглядывай в тот сектор, Зенонас.

— Извините, Геннадий Сергеевич, — сказал вдруг Кудараускас. — Можно я задам вопрос?

— Почему так официально?

— Вопрос серьезный. Имеем ли мы право вмешиваться в их жизнь?

— Не понимаю, — сказал капитан, но, видно,

все понял, потому что вынул из пачки новую сигарету, закурил, забыв, что Аро, возможно, неприятен дым.

— Я слышал все аргументы в пользу попытки оживить здешних людей. С научной точки зрения, очень интересная попытка. А нужна ли она?

— Я удивлен, — сказал корона Аро. Хвост его неожиданно вздрогнул, и коготь на конце хвоста три раза стукнул о пол.

— В развитии каждой цивилизации, — сказал Зенонас, — есть своя логика, своя целесообразность. Изобретения, которые становятся доступны этой цивилизации, одновременно испытание ее на прочность. В свое время, причем не так давно, средства массового уничтожения были изобретены и на нашей планете. И, так же как и здесь, они родились немного раньше, чем им следовало бы родиться.

Зенонас встал и подошел поближе к капитану и короне. Он говорил медленно и внятно. Человеку, который не знал Зенонаса, могло бы показаться, что этот худой некрасивый блондин холоден и равнодушен. В самом деле, за подчеркнутой флегматичностью, за внешней размеренностью всего, что делал и говорил Зенонас, скрывалась сумя-

тица мыслей и чувств и неуверенность в себе, которая заставила Зенонаса три года поступать и три года подряд проваливаться на труднейшем конкурсе факультета астронавигации, и все-таки поступить на четвертый год и стать лучшим из молодых навигаторов Земли.

— Могло так случиться, — сказал Зенонас, — что мы на Земле не справились бы с атомом. И мы тоже погибли бы, как и люди на Синей планете. Теперь вопрос: стоило бы нас тогда спасать, стоило бы возрождать цивилизацию, которая, по сути дела, кончила жизнь самоубийством? Ведь если она убила себя, значит, в ее структуре, в ее судьбе был какой-то серьезный, скажем, генетический изъян, который предопределил ее гибель.

— Так-так, — сказал капитан.

Загребин не любил отвечать сразу на сложные вопросы. Он в таких случаях тщательно составлял в уме ответ или решение, проверял его до запятой и только потом говорил. Но говорил уже окончательно.

Ответил корона Аро:

— У нас на планете была биологическая война, — сказал он. — Сегодня мы можем с высоты сотен лет смотреть на нее как на болезнь роста. Не как на генетическую болезнь — как на болезнь роста.

Тогда же она была страшной трагедией. И может быть, мы не пережили бы ее, если бы к нам не пришла помощь сферид. Их диски опустились в разгар войны в нескольких стратегических пунктах нашей планеты.

— Нас с вами трудно сравнивать, — сказал Кудараускас.

— Почему? — спросил Аро.

— Люди воевали не потому, что им этого хотелось, — сказал Загребин. — Людям никогда не хотелось воевать. Но некоторым, всегда меньшинству, войны были выгодны. В любой войне страдали не те, кому войны были выгодны, — они обычно выпутывались. Страдали и умирали те, кто войны не хотел. И я не удивлюсь, если мы найдем на этой планете солидные бомбоубежища, в которых еще несколько недель, а может, и месяцы после катастрофы существовали виновники войны. И умерли они одними из последних. Они планировали эту войну, планировали убийства, убийства всех, кроме себя. Другое дело, они недооценили силу джинна, которого выпустили из бутылки. Так вот, жители Синей планеты не виноваты в своей смерти, как не виноваты в своей смерти заключенные концлагерей и жители Хиросимы. В них не было никаких генетических

изъянов. И если мы можем вернуть их к жизни, наш долг сделать все, чтобы вернуть их. Если бы тебе, Зенонас, сказали, что ты можешь оживить хотя бы десять человек, погибших в Хиросиме, неужели ты отказался бы делать это, потому что их гибель была предопределена природой, роком, историей или еще чем бы то ни было?

— Вы меня не совсем правильно поняли, — сказал Зенонас. Он покраснел, и оттого его прямые волосы казались еще светлее. — Я не хочу, чтобы меня принимали за человеконенавистника. Если бы я мог оживить жертву Хиросимы или еврея, задушенного в Освенциме, я бы это сделал не раздумывая. Но на Земле мы смогли не допустить гибели цивилизации. Значит, мы миновали пору детства. На планете корон также еще не известно, погибла бы цивилизация, не приди на помощь сферид. Может быть, и нет. Может, она была бы сейчас еще выше. На Синей планете не нашлось сил, способных остановить войну. И если мы оживим их, возникнет дилемма. Или мы оставим их в покое, и тогда через полвека они с таким же успехом снова перебьют друг друга. Или мы будем контролировать их действия, как няньки, и тогда это уже будет не их цивилизация, а наша, галактическая. То есть мы ничего не возродим, а

построим свое, новое.

— А галактическая цивилизация — это пока самое интересное, чего добилась эволюция во Вселенной, — сказал корона Аро.

— Есть третий путь, — сказал капитан. — Даже и без нашего контроля жители планеты, знающие, что с ними произошло, справятся со своими проблемами. Почему вы отказываете им в разуме?

— Вы знаете почему. Они однажды не проявили его.

На контрольном пульте замигали россыпью зеленые огоньки. Метеоприборы сообщили, что ветер стихает.

— Вот что, — сказал капитан. — Мы еще поговорим на эту тему. Пора готовиться к экспедиции. Затишье ненадолго.

8

Члены экспедиции собрались у Великана — основного вездехода «Сегежи». Корона Аро в своем скафандре казался злодеем из старинного фильма космических ужасов. Возможно, что он думал то же самое о людях, потому что подошел к Антипину и сказал:

— Как вы только обходитесь без хвоста?

И, чтобы показать, как удобно обладать такой частью тела, он поднял под скафандром хвост, лежащий концом на плече, и почесал роговым когтем один из своих многочисленных глаз.

Снежина засмеялась, а Антипин сокрушенно покачал головой и поклялся сделать себе хвост, какой коронам и не снился.

Дождь почти перестал, и у горизонта, в просвете между облаками, поблескивало синее небо.

Последним из корабля вышел Загребин.

— Где Павлыш? — спросил он.

— Я здесь. — Павлыш высунулся по пояс из верхнего люка вездехода.

— Тогда прошу всех по местам, — сказал Загребин.

Антипин перевел вездеход на ручное управление и тронул с места. Павлыш с короной Аро спустились на нижний отсек, чтобы еще раз проверить рефрижератор. Снежина с Загребиным уселись за спиной Антипина.

Вездеход медленно проехал мимо дома с крысами, миновал следующие два дома и повернул на улицу, ведущую к центру.

— Мы с Баковым до сих пор дошли, — сказала Снежина. — Здесь нашли каску.

— Интересно, как они последний день прожи-

ли? — сказал Антипин.

— А что?

— Вот, например, магазин. Всякую одежду продавали. Видите? Наверно, еще в последний день кто-нибудь платье примерял.

Вездеход объехал кучу камней — остатки разбитого взрывом или ураганом дома. За камнями пришлось задержаться: Великан перекинул через глубокую воронку мост из собственных рук и перетащил себя подобно Мюнхгаузену на другую сторону, на небольшую площадь, с трех сторон окруженную домами. С четвертой стояло пирамидальное здание с изображением диска с волнистыми лучами. Диск был сделан из какого-то блестящего металла. Он покосился, и некоторые лучи отломились.

Аро, который к тому времени уже вылез из рефрижератора, сказал, показывая на пирамиду:

— Культовое здание.

— Может быть, какое-нибудь учреждение.

— На верхушке изображение солнца.

— Подъедем поближе, — сказал Антипину Загребин. — Там что-то…

— Человек? — Снежина даже привстала на сиденье. — Где?

— Там, у входа в храм!

Треугольный проем входа в храм был черен. Поперек него лежало что-то напоминающее человеческую фигуру.

Вездеход развернулся к храму быстрее, чем двигался обычно. Антипин наклонился вперед, стараясь разглядеть дальний край площади. Храм в несколько секунд вырос перед вездеходом — серый, каменный, видно, очень старый: камни были выщерблены. Ветрам, даже таким сильным, как здесь, понадобилось бы на это много лет.

Поперек входа лежал скелет человека. Несколько обрывков одежды цеплялись за белые кости. Рядом, откатившись к косяку, валялась каска.

Загребин вылез из вездехода и нагнулся над скелетом. Он обошел его, стараясь не задеть, потом обернулся к подошедшему короне Аро и спросил:

— Очевидно, безнадежный случай?

— Тут мы ничего сделать не можем, — сказал Аро. — Ничего.

Загребин засветил фонарь на шлеме и заглянул внутрь храма. Луч рассеялся и утонул в пустоте большого зала.

— Здесь больше никого не было, — сказал Загребин.

Зал был пуст — ни украшений, ни скамей, — только в конце его несколько ступеней вели к алтарю, украшенному мерцающим в темноте изображением солнца.

Голос Загребина разлетелся по залу и вернулся к ним удесятеренным:

— Есьь ольшее иииo не было…

Когда Загребин вышел из храма, скелет у дверей исчез. Павлыш приказал Великану уложить его внутрь. Он был прежде всего биологом, и неизвестно, найдут ли они сегодня останки других жителей планеты.

— Теперь куда? — спросил Антипин.

— Направо. Улица ведет к центру, — сказал

Загребин.

9

Через несколько десятков метров вездеход снова остановился. Антипин взглянул на капитана, и тот кивнул. У тротуара стоял экипаж. Три пары колес несли длинное обтекаемое тело машины. Машина казалась совершенно новой, только вчера оставленной здесь владельцем. Лишь проржавела приоткрытая дверца.

— Я загляну в двигатель, — сказал Антипин, останавливая вездеход.

— Давай, — согласился Загребин. — Снежина останется со мной в вездеходе. Павлыш и корона Аро, можете выйти, размяться. Вон там что-то вроде большого магазина. Только не пропадайте из виду.

Снежина немного расстроилась, что ей придется остаться в Великане, но отогнала обиду и, включив камеру, принялась снимать улицу. Загребин постучал себя по бедрам, рассеянно разыскивая карманы. Но карманы скафандра были не совсем там, где карманы костюма. И в них не было сигарет.

— Все равно бы не закурили, — засмеялась Сне-

жина. — Шлем.

Капитан ничего не ответил, взял карандаш и стал крутить и разминать его в пальцах.

Корона Аро шел в двух шагах сзади Павлыша, предоставляя доктору полную свободу действий. Павлыш остановился перед разбитой витриной. По груде истлевших и проржавевших вещей трудно было угадать, что же она представляла собой раньше. Ветер влетал в широкое окно и блуждал между полок с рулонами тканей, вешалок с костюмами, домашней утварью и прочим каждодневным добром.

— Мы зайдем в магазин, — сказал Павлыш.

— Добро, — ответил капитан.

Павлыш взглянул вдоль улицы, перед тем как вступить в магазин. Антипин, раскрыв капот машины, увлеченно копался в двигателе и напевал: «Как мы с вами проржавели…»

— Обратили внимание, — сказал корона Аро Павлышу, — что мы не видели на улицах останков людей?

— Да.

— И в домах, по крайней мере в тех, куда мы заглядывали пока, тоже людей нет.

— И что же вы думаете? — спросил Павлыш, осторожно перебираясь через холм кастрюль и

сковородок.

— Я думаю, что в этом городе жители были предупреждены об опасности. И успели спрятаться. В укрытия.

— Я тоже об этом подумал, — раздался голос капитана, который слышал этот разговор. — И одно из таких укрытий может быть под магазином. Это большой магазин. Поищите.

— Я буду смотреть на указатели, — сказал Аро. — Должны же быть указатели. Вот поглядите, Павлыш. Синие стрелы.

Они пошли, следуя указаниям синих стрел, нарисованных на стенах магазина. Миновали большой зал нижнего этажа. Стрела показывала на комнату в конце зала. Комната была уставлена стульями и длинными низкими столами.

— Кафе, — сказал Павлыш.

— Попробуйте поискать пути вниз, — сказал Загребин.

— Тут много дверей, — сказал Павлыш.

Следующие пять минут корона Аро и Павлыш, разделившись, обошли зал вокруг, открывая все двери. За двумя или тремя из них обнаружились ступени вниз. Но в одном случае они привели в склад, населенный крысами, которые разбежались, стуча когтями, когда в помещение вошел

Аро; другая дверь привела в пустую комнату, неизвестно для чего предназначенную. Комната была оклеена листовками и яркими плакатами, изображающими разъяренных мужчин с оружием в руках.

Аро и Павлыш встретились посреди зала. Рассказывать Загребину о неудаче не было смысла — тот знал о каждом шаге разведчиков.

— И все-таки люди где-то были. Куда-то убежали, спрятались, — сказал корона Аро.

— Убежище могло быть на улице. К тому же город мог погибнуть ночью, — сказал Павлыш. — Когда магазины закрыты.

— В общем, все ясно, — вмешался в разговор Антипин. — Двигатель внутреннего сгорания. Кое-что интересно. А вот еще…

Голос Антипина оборвался.

Загребин посмотрел в сторону машины. Антипина там не было.

— Иван, — спросил он негромко, — что у тебя? Ты куда делся? Павлыш!

А сам уже смотрел в сторону дверей магазина — он знал, что Павлыш и Аро все слышали и должны вот-вот выбежать. Павлыш появился на улице даже быстрее, чем Загребин ожидал, и в два прыжка был у машины.

— Тут люк, — сказал он.

— Что случилось? Нужна помощь? — В шлемах зазвучал голос Бакова, который дежурил на мостике «Сегежи».

— Я немного ушибся, — сказал вдруг Антипин. — Не спеши, Слава. Тут метра три и крутая лестница. Сейчас я зажгу фонарь.

Снежина спросила:

— Можно я к ним?

Загребин кивнул.

Снежина выпрыгнула из вездехода. Корона Аро также зашел за машину. Загребин понимал, что они все нагнулись над люком, в который провалился Антипин, поэтому их не видно, но именно это раздражало — казалось, что он один на улице. Загребин развернул вездеход и осторожно подогнал его к тротуару так, чтобы с места водителя видеть люк и товарищей.

— Сейчас, — бормотал Антипин, — Сейчас. Что-то заело. Видно, повредил. Это ты, Павлыш?

Павлыш спускался по зыбкой металлической лестнице, которая вела в подвал. Он наклонил голову, чтобы свет фонаря упал на Антипина, и увидел, что тот сидит на неровном полу, подняв руки к голове, и ощупывает фонарь на шлеме — не разбился ли. Павлыш повернул голову, что-

бы осветить подвал, и понял, что они случайно нашли то, чего не могли отыскать в магазине, — убежище.

10

Пожалуй, за всю свою тридцатилетнюю жизнь Павлыш не видел ничего более страшного, чем это убежище на Синей планете.

Подвал — сводчатый длинный туннель, уходящий вдаль, высотой метра в три и шириной в пять-шесть метров, — был завален скелетами. Среди скелетов лежало мало вещей. Видно, люди прибегали сюда, схватив самое необходимое, надеясь выбраться вскоре отсюда. Неизвестно, что погубило людей: то ли они погибли сразу от теплового или радиационного удара, то ли умирали постепенно, задыхаясь от недостатка воздуха или мучаясь в скоротечной лучевой болезни… Павлыш на секунду зажмурил глаза.

— Почему молчите? — спросил Загребин.

Павлыш не смог ответить. Ответил Антипин.

— Мы нашли их, — сказал он.

…Распугивая нахальных и быстроногих крыс, космонавты шли по темному туннелю. Казалось, он никогда не кончится и никогда не кончится

галерея смерти.

— Такого быть не может, — сказал Антипин.

— Такое было на Земле — в Освенциме.

И капитан, слышавший этот разговор, вспомнил слова Кудараускаса и ощутил раздражение, будто Зенонас был в чем-то виноват. А вслух задал вопрос, не имеющий отношения к спору с Кудараускасом:

— Крысы там побывали?

Аро понял его и ответил:

— Да. Если они завладели всей планетой, Кудараускас окажется прав. Мы ничего не сможем сделать. Крысы слишком хорошие санитары.

Перед возвращением на корабль вездеход сделал круг по городу, уже нигде не останавливаясь. Проехали по главной улице, с трудом протиснувшись между запрудившими ее машинами и повозками, поднялись по пологой дороге к руинам громадного замка, откуда были видны бухта и скалы, запирающие ее. Над портом поднимались голенастыми птицами подъемные краны, и между ними, выброшенный на причал, лежал на боку небольшой корабль. Труба его откатилась в сторону.

Раза три космонавты натыкались на скелеты людей, в основном военных, лежащие на ули-

цах. Но теперь этому уже не удивлялись и этой пустоте уже не удивлялись: под улицами, под домами пролегали туннели бомбоубежищ. То, что осталось от жителей города, находилось там.

Возвращение к «Сегеже» было невеселым. Говорить не хотелось, и участники экспедиции только изредка обменивались словами. Равнодушно стрекотали камеры, запечатляя улицы и дома, и вездеход время от времени тормозил, чтобы объехать груду камней или машину, вставшую поперек дороги.

В этот вечер тетя Миля впервые вышла к ужину, хотя знала, что короны будут в кают-компании. Она даже спросила у Вас, не дать ли ему добавки, а потом заварила специально для корон очень слабого чая, а то спать не будут.

— Завтра в город отправляется группа: Бауэр, Кудараускас, Цыганков, — объявил после ужина Загребин. — Старший — Бауэр.

И все разошлись по каютам.

11

Первое тело человека привезла на корабль именно группа Бауэра. В общем, находка была совершенно случайной. Разведчики попали в

портовые склады и уже собирались уходить оттуда, как их внимание привлекла запертая дверь. Дверь была но только заперта, но и забаррикадирована изнутри. Уже это заставило космонавтов не жалеть усилий для того, чтобы ее открыть. За дверью оказался холодильник, давно отключившийся, но заваленный плитами льда, не растаявшего оттого, что в подвал не проникал воздух. На глыбе льда лежал труп человека.

Узнав о находке, корона Вас сразу начал готовить аппаратуру, не ожидая, пока вернутся разведчики. И когда вездеход подкатил к кораблю, все было готово.

С курами все было ясно — с ними машина работала. Но что получится с человеком?

— И бог создал Адама, — сказал Малышу Бауэр.

— Бог, как ты теперь знаешь, понятие коллективное, — ответил Малыш. — Один из богов включит рубильник, второй будет следить за температурой, а еще один, поменьше рангом — это я, — будет в это время на вахте. И потому пропустит исторический момент.

— Вы идете? — спросила Снежина, проходя по коридору.

— Малыш на вахте. Через пять минут заступает, — сказал Бауэр.

— Кроме того, я думаю, мастер будет возражать. Это не демонстрация с курицей.

— Я все-таки попробую пройти, — сказала Снежина. — Я себе потом никогда не прощу, если не увижу.

— Я вымоюсь, — сказал Бауэр, — и пойду к Мозгу. Мы нашли несколько газет и книг. Будем разбираться в языке.

— Простите, — сказал корона Аро. Он нес белую сумку.

Снежина пристроилась ему в кильватер и покинула Бауэра с Малышом.

— Ну ладно, — сказал Малыш, — я на вахту. Ты к Мозгу?

— Я передумал. Тоже попробую пройти в лабораторию.

И тут же ожил динамик внутренней связи, и подчеркнуто сухим голосом Баков сказал:

— Вниманию членов экипажа. Желающие наблюдать ход операции могут подняться на мостик. Мы переключаем на лабораторию большой экран. В лаборатории находятся только участники эксперимента и доктор Павлыш. Повторяю…

— Я же говорил, — сказал Бауэр. — Пойду на мостик.

На мостике были включены оба экрана. Один

показывал внутренность лаборатории — Аро у пульта, Павлыша и Вас у приборов рядом с колпаком операционного стола. Колпак был чуть матовым, и человек, лежащий на столе, опутанный проводами и шлангами, казался бесплотным. Лицо его было закрыто широкой белой повязкой. Второй экран смотрел на мертвый город, на мокрые крыши ближайших домов и серые, безрадостные облака.

Вошла Снежина, и Бауэр подвинулся, освобождая половину стула.

— Не пустили? — спросил он.

Снежина покачала головой.

— Готово, — сказал в лаборатории Аро, повернувшись к операционному столу. Он включил пульт.

Действия Павлыша и Вас были знакомыми, но казалось, что уже прошло полчаса, а они все так же наклоняются над пультами, подходят по очереди к операционному столу, снова возвращаются к приборам, делают массу неспешных и не очень нужных движений, которые никак не отражаются на состоянии прикованного к операционному столу тела.

Иногда биологи обменивались короткими фразами или словами, чаще даже цифрами, по-

нятными только им.

В один момент получилась заминка: по приказанию Аро засуетились роботы, подключая дополнительные линии питания. Павлыш выпрямился, пользуясь минутой, чтобы отдохнуть, и сказал для тех, кто был на мостике:

— Еще минут пять, и начнем поднимать температуру.

— Пока все нормально? — спросил Загребин.

— Трудно сказать. Идет регенерация клеток на молекулярном уровне…

— Доктор Павлыш, — прервал его Вас, — проверьте содержание белка.

И Павлыш тут же забыл обо всем остальном.

Бауэр встал и прошелся, чтобы размять затекшие ноги. Пять минут тянулись часами…

— Ой, смотрите! — сказала вдруг Снежина.

Даже под слоем креплений и шлангов видно было, как тело человека меняет цвет, розовеет, наполняется жизнью.

— Температуру не поднимать выше тридцати градусов, — приказал корона Вас. — Подключите стимуляторы сердца.

Вас отошел от операционного стола и сказал для тех, кто наблюдал за экспериментом:

— Как только кончится процесс оживления,

введем снотворное. Он должен очнуться в каюте. Через два часа.

…Когда первый человек Синей планеты очнулся, он лежал на кровати в госпитале доктора Павлыша; над кроватью был натянут прозрачный звукопроницаемый купол, защищающий человека от вирусов, от могущего оказаться для него смертельным, несмотря на принятые меры, воздуха корабля.

Это случилось в восемь вечера. Через три с половиной часа после начала эксперимента, на пятый день после спуска корабля «Сегежа» на Синюю планету.

Глава третья
РАНМАКАН В ЧУЖОМ МИРЕ
1

Пробуждение было мучительным. Жесткая сильная рука тянула вниз, хватала за горло, запрокидывала голову, чтобы Ранмакан не мог вырвать ее наружу из черной воды и вздохнуть. Один раз вдохнуть воздуха, и тогда можно будет снова бороться. И вдруг рука пропала. Ранмакану показалось — а может, это он потом придумал, — что он даже увидел ее, волосатую, костлявую и покрытую блестящим инеем.

Потом было тихо, и Ранмакан заснул. Он давно не спал так спокойно и сладко, с того дня, как началась война, далекая еще, не затрагивающая обыденности его жизни и жизни остальных пятидесяти тысяч жителей Манве, но уже неизбежная, подкрадывающаяся с каждым днем все ближе известиями о гибели городов и растущим уровнем радиации.

В сладкой дремоте мирно думалось. Все миновало. И даже воздушные тревоги, с каждым днем все более настойчивые и реальные, и патрули на темных улицах, бомбоубежища. Война пронес-

лась мимо и пощадила Манве. И теперь можно спокойно спать. Не открывая глаз. Долго-долго не открывая глаз.

Ранмакан ощупал пальцами кровать — простыни были мягкими и свежими. Значит, он в госпитале. Наверно, в госпитале. Ведь тогда — когда это было? Вчера? А может, уже несколько дней назад? Тогда он бросился к первому попавшемуся убежищу, — убежищем оказалась дверь в какой-то подвал, склад. Это был… что же это было? Да, какой-то ледник. Он захлопнул за собой дверь. Потом были удары, тяжелые удары, будто кто-то могучий и безжалостный раскачивал землю. И вдруг удушье, рука, тянущая его вниз… и вот эта постель. Открыть глаза? Лень. Еще немного.

Потом Ранмакану вдруг показалось, что у него нет ног. А то почему он оказался в госпитале? Он попробовал пошевелить пальцами ног и не понял, есть ли у него ноги или нет. Теперь открывать глаза было уже страшно. Почему он в госпитале?

Ранмакан услышал голоса. Женский, высокий, встревоженный, и мужской, тихий, уверенный. Ранмакан прислушался, но не понял, о чем они говорят. Он не понял ни единого слова. Стало еще страшнее. Может быть, город оккупировали пьи?

И он в плену?

Голоса звучали совсем рядом, в той же комнате. Это Кирочка Ткаченко говорила Павлышу:

— Смотрите, он двигает рукой. Может, ему плохо?

— Нет, все в порядке. Сейчас он откроет глаза. Где лингвист?

— Сейчас Бауэр принесет. Он говорит: Мозг подготовил программу. Где же Глеб? Давно пора прийти. Может, человека усыпить пока?

— Нет, не надо. Это может ему повредить. Включи внутреннюю связь. Бауэр? Это ты, Глеб? Куда ты запропастился? Человек приходит в себя, а у нас нет лингвиста. Мы же должны ему объяснить.

— Одну минутку, — сказал Бауэр. — Бегу. Вы что думаете, нам с Мозгом легко было за несколько часов выучить язык?

Выучил язык и вложил его в черную коробочку лингвиста корабельный Мозг. Бауэр тут был почти ни при чем. Он только «накормил» Мозг газетами и книгами Синей планеты.

— Скорее, — повторил Павлыш, отключаясь.

Ранмакан слышал весь этот разговор. Он мог бы открыть глаза, но предпочел этого не делать. Если ты в плену, то лучше пускай враги думают,

что ты еще не пришел в себя.

— Он уже очнулся, — сказал Павлыш Кирочке. — Только не хочет открывать глаз. Он волнуется. Пульс убыстрился.

— Еще бы, — сказала Кирочка. — Где же Бауэр? Если бы я оказалась на место этого человека, я бы уже умерла от страха.

Ранмакан старался не шевелиться. Но чувствовал, что грудь выдает его. Она не могла удержать в себе вырывающийся воздух и в такт участившемуся дыханию вздрагивала, приподнимая простыню. «Они могут оставить меня для опытов. Я читал, что пьи делают опыты над живыми людьми».

Кто-то вошел в комнату. Ранмакан пытался угадать по шагам кто. Если шаги тяжелые, громкие — солдат, военный; если мягче — штатский. Шаги были почти неслышными. Третий голос присоединился к двум прежним. Бауэр передал Павлышу коробочку лингвиста.

— Вот, — сказал он. — Язык Синей планеты. Правда, пока без тонкостей. Я останусь с вами?

— Оставайся.

Ранмакан постарался представить себе, о чем они говорят. Но не мог. Может быть, этот, вновь вошедший, спрашивает, готов ли пленный к

опытам? К пыткам? И те, прежние, отвечают, что вполне готов?

Бауэр подключил тонкие провода лингвиста к пульту у постели человека.

— Включать? — спросил он.

— Включай.

Бауэр нажал кнопку лингвиста. Ранмакан вдруг услышал:

— Можете открыть глаза. Вы находитесь среди друзей.

2

Голос был невыразительным, ровным, механическим. В голосе таился подвох. Что они еще скажут?

— Вы можете открыть глаза, вам ничего не угрожает, — повторил механический голос. — Вы нас понимаете? Как вы себя чувствуете?

Больше не имело смысла лежать, делая вид, что ты ни при чем.

За прозрачным пологом, нависшим над кроватью, стояли три человека. Вернее, это были не люди, а существа, близкие к ним, и в то же время не люди. Это не были даже пьи, враги страны, враги Манве, враги Ранмакана. Он даже не знал,

откуда эти люди. Может, с дальнего севера? И они странно одеты, очень странно одеты.

— Вы среди друзей, — повторил механический голос. Он, оказывается, принадлежал высокому человеку с курчавыми темными волосами и очень яркими голубыми глазами. Человек был весь в белом, даже перчатки, скрывающие его руки, были белыми, и в перчатках была какая-то странность, которую Ранмакан не смог сразу определить. Человек держал в руках черную блестящую коробочку.

«Может, это микрофон? — подумал Ранмакан. — Этот полог не пропускает звука, и это микрофон. Но почему тогда я слышал, как они говорили между собой?»

— Как вы себя чувствуете? — спросил человек с черной коробочкой в руке.

Ранмакан сказал:

— Хорошо.

И удивился, услышав, как тоненькая маленькая желтоволосая женщина, стоявшая рядом с тем человеком, громко ахнула и засмеялась.

— Спасибо, — сказал Ранмакан, глядя на женщину с желтыми волосами.

Потом он посмотрел на третьего человека. Третий человек — очевидно, тот, кто вошел в

комнату последним, — был пониже ростом, чем человек в белых перчатках. Он был худ, и самыми выразительными деталями его лица был крупный нос с широкими ноздрями и губы, большие и четко очерченные, будто вырезанные по дереву.

— Поднимите руку, — сказал человек в белых перчатках. — Медленней.

Ранмакан поднял руку. Он понял, что человек в белых перчатках тут главный.

— Другую руку, — сказал человек в белых перчатках. Ранмакан подчинился.

— Вам не трудно?

— Нет, — сказал Ранмакан. — Я могу встать?

— Вам придется некоторое время полежать, — сказал человек в белых перчатках. — Вы должны отдохнуть и окрепнуть.

Ранмакан оглядел комнату, в которой он лежал. Это была странная комната. Стены и потолок в ней были светло-зелеными, матовыми, очень гладкими, без единого украшения. Непонятно было, откуда в комнату попадает свет, хотя освещена она была ярко. В комнате было также много приборов. Они стояли на длинном столе за спинами людей, на столике или тумбе в изголовье кровати и с этой тумбочкой составляли одно целое — непонятное переплетение светящихся

дисков, шкал, трубок, шлангов и проводов. Некоторые из них тянулись к кровати, и, проследив их, Ранмакан понял, что они должны оканчиваться у его тела. Худшие его подозрения оправдывались. Он подопытный. Ранмакан снова поднял руку и обнаружил, что к кисти ее прикреплен один из проводов.

— Зачем это? — спросил он, стараясь не показать волнения.

— Приборы следят за вашим здоровьем, — ответил человек в белых перчатках. — Когда вы совсем выздоровеете, мы их снимем.

— Когда?

— Может быть, сегодня, — сказал человек.

И Ранмакан ему не поверил, хотя не стал показывать, что не поверил. Он должен обязательно перехитрить своих тюремщиков.

Маленькая женщина наклонилась к черной коробочке и спросила:

— Вы не голодны?

Коробочка не отличалась богатством интонаций: она сказала эти слова тем же мужским голосом. Ранмакан понял, что коробочка что-то вроде переводчика. И еще он подумал, что эти люди наверняка связаны с военными: ни такого оборудования, ни таких переводчиков в коробке

ему еще встречать не приходилось. Наверно, он на секретной базе.

— Нет, спасибо, я не голоден, — сказал Ранмакан и тут же пожалел о своих словах.

Лучше есть, пока дают. В Манве было плохо с продуктами. Спекулянты подняли на них цены, и Ранмакан питался плохо и скудно. Наверно, у военных на базе по этой части куда лучше, чем в городе.

— Где я? — спросил Ранмакан.

— Мы вам все объясним, — сказал человек в белых перчатках.

Что же такое неладное у него с руками? В чем же дело? Ну конечно, как же раньше не догадался? Не может быть? Как бы невзначай, чувствуя, что за каждым его движением внимательно следят и хозяева этой комнаты, и приборы, которыми он прикован к постели, Ранмакан снова приподнял руку. Так и есть: и у человека в белых перчатках, и у женщин, и у того, третьего, на руках больше пальцев, чем положено иметь человеку. По пять пальцев. У Ранмакана — четыре. Отдельный, длинный, средний и маленький. Четыре. У них — пять. Этого быть не может. Так не бывает. У людей так не бывает.

— Где я? — спросил он снова. Ему стало страш-

но, и он заметил, как замелькали, замельтешили огоньки приборов у кровати.

— Я вас прошу, не волнуйтесь, — сказал человек в белых перчатках. — Мы вам все объясним, как только вы окрепнете.

— Нет! — крикнул Ранмакан. — Нет! Кто вы?

И он уже видел, что у его тюремщиков по-иному, чем должно быть, прорезаны глаза, по-иному лежат волосы, по-иному намечены скулы…

3

— Откуда вы?

— Мы издалека, — сказал человек в белых перчатках.

Павлыш понял, в чем дело, — в пальцах. Больной, может быть, и не заметил бы этого, одень они перчатки с четырьмя пальцами, как у него, и тогда объяснение можно было бы отложить на некоторое время. Павлыш краем глаза поглядывал на приборы. Он знал, что в лаборатории за стеной корона Вас также сидит у пульта и не упустит опасного для жизни этого человека момента. И все-таки он с тревогой следил за приборами.

— Вы сильно пострадали во время войны. Сильно пострадал весь город. Мы стараемся вам

помочь. Постарайтесь мне поверить. А теперь вам принесут пищу. Вам надо подкрепиться. Кирочка, — обратился человек в белых перчатках к женщине, — возьми поднос сама. Понимаешь?

— Одну секунду. — Женщина вышла из комнаты.

Ранмакан поглядел ей вслед, стараясь увидеть, что там за дверью, но увидел только часть такой же зеленой стены коридора.

В коридоре Кирочку ждала тетя Миля. Она не выдержала и прибежала к двери госпиталя и стояла здесь, слушая по внутренней связи происходящее, и надеялась, что ее помощь может понадобиться. Она стояла рядом с кухонным Гришкой и смотрела, чтобы тот по нерасторопности не открыл колпака, под которым стоял куриный бульон и сухарики, — не дай бог, микробы пролезут.

— Ну как он? — спросила она у Кирочки, которая взяла поднос под колпаком из рук Гришки. — Оживает?

— Вы же слышали, тетя Миля. — Кирочка показала подбородком в сторону динамика, в котором успокаивающе журчал голос Павлыша.

— Ну-ну, — миролюбиво сказала тетя Миля, — буду в буфетной. Может, добавка понадобится.

Ранмакан не отвечал доктору. Тот уже представился: доктор Павлыш. Непонятно, странное имя. Его и не произнесешь. Он старался привести в порядок мысли, и мысли никак не хотели приходить в порядок. Ранмакан только понимал, что случилось что-то очень страшное и необычное, если в городе распоряжаются уроды с пятью пальцами. Вошла женщина с желтыми волосами. Она несла поднос, покрытый прозрачным колпаком. На подносе стояла чашка с чем-то дымящимся. Чашка была знакомой (Бауэр настоял, чтобы посуду для кормления пациента принесли из города). Ранмакан понял, что голоден.

Женщина подошла к куполу, покрывающему его кровать, и приставила колпак с подносом к прозрачной стене. Странным образом колпаки объединились, как объединяются мыльные пузыри, если их осторожно приблизить друг к другу. Ранмакан ощутил, как подушка и верхняя часть кровати медленно поднимаются, заставляя его сесть, а сбоку, из стены, вдруг вылез столик и повис у него перед грудью. Поднос, не разорвав пленки купола, проник в замкнутый мир Ранмакана и лег на столик.

— Если вам неудобно есть при нас, — сказал Павлыш, — мы можем уйти.

— Нет уж, — сказал Ранмакан. — Я тут не хозяин.

Он решил пока не задавать вопросов. Вспышка собственного страха была ему неприятна и снижала его шансы обмануть тюремщиков, убежать, скрыться от них. Надо держать себя в руках, будь они хоть злые драконы. Ты жив, Ранмакан, а дальше посмотрим.

Кирочка Ткаченко вышла из комнаты. За ней вышел Бауэр.

— Поднимемся на мостик? — спросил Бауэр. — Там все сейчас.

— Нет, я могу понадобиться здесь.

— Как знаешь.

Павлыш уселся на кресло у пульта. Павлышу за последние дни пришлось пройти три сеанса гипноза, пока он разобрался в принципе действия этих приборов. Теперь все в порядке. Павлыш не смотрел в упор на первого человека планеты, но краем глаза видел его и отлично знал, что творится у того внутри: и как работает сердце, и насколько напряжены нервы. На минутку он отключил лингвиста и спросил по внутренней связи корону Вас, не стоит ли ввести успокаивающего. Тот ответил, что не надо: организм отлично справляется с нагрузкой.

Ранмакан подозрительно взглянул на Павлыша. Тот снова говорил на непонятном языке, таился, значит, замышлял что-то. Ранмакан по натуре был недоверчив.

Недоверчивость — одно из основных качеств бедного человека в большом городе. Ранмакан мало кому верил. Не верили и ему.

Ранмакан допил бульон; он не знал, что бульон был специально обработан, чтобы быть вкусным и питательным для жителя Синей планеты, он об этом не задумывался. Ранмакан взял последний сухарь и, хрупая им, присматривался к Павлышу.

Павлыш убрал посуду. Наступило неловкое молчание. Ранмакан ждал, что скажет доктор. Доктор, глядя на Ранмакана, думал, как это сделать лучше, легче, безболезненней. Перед ним сидел, опершись на подушку, человек с очень бледным, голубоватым лицом и с иссиня черными прямыми волосами. Натянутая на лице кожа оттягивала книзу углы его черных глаз, и оттого выражение лица человека было скорбным. Туго сомкнутые губы также были опущены уголками книзу. Щеки и подбородок были гладкими. «Волосы на лице не растут», — подумал Павлыш.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Ранмакан из Манве, — сказал тот.

В комнату вошла Кирочка Ткаченко. Павлыш уступил ей кресло, а сам отошел на шаг назад, не спуская глаз с пациента и пульта сразу.

— Манве — это город, в котором вы живете?

— Да, это город. Чего спрашивать? Вы и без меня знаете.

— Нет еще, — сказал доктор, и по всему видно — сказал правду. — Сколько вам лет?

— Тридцать, — сказал Ранмакан.

«Значит, тридцать четыре по нашему счету, — подумала Кирочка. — У них год длиннее».

— У вас есть семья, родственники?

— Никого у меня нет, — сказал Ранмакан. Допрос ему не нравился. — Возьмите мои документы и посмотрите.

— Документов ваших у нас нет.

— А зачем вам все про меня знать?

Ранмакан думал, что на такой невежливый, даже наглый вопрос последует вспышка гнева тюремщика. Но тот сделал вид, что не обратил внимания на вызывающее поведение пленника.

— Мы очень мало знаем о вас, — сказал Павлыш. — И нам, очевидно, в будущем придется работать вместе. Вот и хочется познакомиться.

— Так не знакомятся, — сказал Ранмакан. — Вы

все у меня хотите узнать, а про себя — ни слова.

— В свое время сами расскажем. Хорошо, что у вас нет семьи.

— Почему?

— Потому что она погибла бы.

— Как так?

— Погибла бы в той войне, жертвой которой стали и вы.

— Ну, меня не сильно повредило. А что, большие жертвы?

— Да, большие.

— А вы — санитарный отряд, благотворители?

— В какой-то мере мы — санитарный отряд.

— Тогда развяжите меня и отпустите. Я уже здоров. Может, чужую койку занимаю.

— Вы не связаны. Скоро вам принесут одежду, и тогда сможете встать с постели. Но вряд ли вам удастся сейчас уйти отсюда.

— Ага, так я и знал. Я у вас в плену.

— Нет, Ранмакан из Манве, — сказал доктор. — Проблема куда сложнее. Вы в плену у себя. У своего города, у своего мира.

Ранмакан посмотрел на женщину с желтыми волосами. Та сидела не шевелясь и перебирала пальцами (как у них много пальцев!) край белой одежды. Волнуется. Ранмакан чувствовал при-

ближение чего-то страшного, не направленного против него лично, но тем не менее очень страшного; он хотел бы оттянуть это страшное, которое таилось в ответах на его же вопросы, а тогда надо было бы замолчать и ничего не спрашивать, но Ранмакан не мог остановиться.

— Что случилось с городом? — спросил он.

Он не хотел, чтобы ему отвечали, потому что уже знал ответ.

— Ваш город погиб, — сказал доктор.

Ранмакан почувствовал, что за ним следят тысячи глаз, что он, маленький, одинокий, голый и беззащитный, как насекомое, приколотое к листу бумаги, виден всем и подвластен всем бедам. Частично он был прав: на него сейчас смотрели собравшиеся на мостике Загребин, Снежина, Христо, Антипин, и сидящие в лаборатории корона Вас и корона Аро, и десятки приборов, регистрирующие каждый звук, произнесенный первым человеком, каждое движение его век.

— Так, — сказал Ранмакан и веря и не веря доктору. — Город погиб. А люди?

— Люди погибли тоже.

— И что же, я один живой остался?

— Да, вы один.

— Как же?

— Вы разрешите, я отвечу на этот вопрос позже? — спросил доктор. — Это довольно сложно.

— Нет, — сказал с неожиданной яростью Ранмакан. — Вы мне ответите сейчас. Сейчас же!

— Не волнуйтесь. Мы обязательно ответим.

— И сейчас же!

— Хорошо. Но правда, как вы наверное знаете, часто бывает нелегкой.

— Все лучше, чем вранье. Мы проиграли войну?

— Никто войну не выиграл.

— Мир?

— Обе стороны проиграли войну, — сказал доктор. — Никто не выиграл. Все погибли.

— А вы?

— Нас тогда не было на вашей планете.

— Так… А где же были? По небу летали?

— Примерно так. Мы летали по небу. Вернее, мы жили у себя дома, на других планетах.

— Вы что же, не с Муны?

— Если Муна — название вашей планеты, то тогда мы не с Муны. Мы даже не из вашей звездной системы.

— А что вы тут делаете?

Ранмакан задавал вопросы быстро, не успевая осмыслить ответы на них, еще не до конца

понимая, что же произошло, и не до конца веря своим ушам и своим глазам. Хотя все это не было сном, это была реальность, непонятная, хуже любого сна.

— Мы прилетели, чтобы помочь вам.

— Мне?

— Всем вам, кто жил на Муне.

— Вы говорите — все погибли. А много осталось?

— Никого.

— А у них, у пьи?

— Это ваши враги? Тоже никого. Ваши бомбы уничтожили всех людей на планете.

— Этого не может быть!

— Это случилось. Мы узнали об этом слишком поздно. И когда прилетели сюда, никого не застали в живых.

— И я один…

— И вы тоже погибли.

— Так я на Дальнем свете?

— Нет, вы живы. Мы, если можно сказать, воскресили вас.

— Я был мертв?

— Да.

— И сколько времени?

— Больше года.

— Но я только вчера…

Ранмакан осекся. Они говорили правду. Они, конечно, говорили правду, просто такую невероятную правду, что в нее невозможно поверить. И вот он один, и может, это даже не он, не настоящий он…

— Мы надеемся, что вы будете не одиноки. Так же, как мы вернули к жизни вас, мы постараемся вернуть к жизни других людей. Техника и наука Галактического центра…

— Ему надо отдохнуть, — сказала Кирочка.

— Отдыхайте. Мы потом придем, — сказал Павлыш.

Ранмакан не возражал. Он не хотел спать, но он хотел остаться один.

Павлыш и Кирочка вышли из комнаты. Перед уходом Павлыш включил автоматику. Если человек станет буйствовать, автомат усыпит его.

Но Ранмакан не собирался буйствовать. Он закрыл глаза и лежал неподвижно. Только приборы продолжали равнодушно отмерять биение его пульса и дрожь его нервов.

4

На следующий день Ранмакан вместе с Павлы-

шом поднялся на мостик. Загребин включил для него экран, и Ранмакан долго стоял, вглядываясь в расплывчатый за сеткой дождя город, на разрушенные дома и пустые улицы.

Он был последним человеком на планете. Он не знал, можно ли верить пришельцам с их обещанием найти и вернуть к жизни других людей. Ранмакан находился во власти тупого длительного шока; он мог есть, спать, говорить, пользуясь черной коробочкой; он старался верить в то, что, кроме него, не осталось на планете ни одного живого человека, что воздух планеты смертелен для людей, что уже год, как нет в живых ни пухленькой продавщицы в магазине у порта, ни его начальника — впрочем, чего его жалеть? — ни полицейских в синих шлемах, ни соседского парнишки, который построил из фанеры автомобиль и никак не мог придумать, из чего сделать к нему колеса.

Ранмакан старался верить, но все-таки не верил. Он знал и этой уверенностью не желал делиться с пришельцами, что где-то — или далеко на севере, или в горах Ракуны — живут еще люди. Что куда-то не проник ядовитый воздух. Да и как можно отравить весь воздух? Представить себе гибель своей планеты — выше возможностей мелкого таможенного чиновника, которому, в сущности, никогда не приходило в голову, что война сможет прийти так далеко на юг, к маленькому тихому Манве.

Ранмакан вспомнил, что был незадолго до войны в визоре — смотрел ленту, в которой показывали, что после войны все погибнут. Но в той ленте двое оставались в живых — девушка и парень. И они долго шли по опустевшей планете и в конце концов нашли других людей. Конечно же, нашли. Ранмакан вспомнил, ему говорил кто-то, что картину скоро запретили. Страна готовилась к войне, и нельзя было подрывать боевой дух. Но картину он успел посмотреть.

Город лежал перед ним на громадном овальном экране, знакомый и совершенно чужой. Ранмакану хотелось уйти туда и снова войти в магазин и спросить у пухленькой продавщицы, нет ли у нее жвачки, и Ранмакан знал, что продавщица сначала скажет, что жвачки нет и что он, видно, хочет, чтобы пришла секретная полиция, потому что жвачка уже три года запрещена, а потом она обязательно достанет из-под прилавка пакетик, и пакетик этот будет стоить всю недельную зарплату, но неважно — жвачки хватит надолго, дня на три, и продавщица тоже согласится пожевать кусочек: ему не жалко поделиться с такой продавщицей.

Большой светловолосый человек с широкими кистями рук стоял в стороне и пускал изо рта

дым. Ранмакан боялся этого человека больше, чем доктора Павлыша. Он понимал, что этот человек, хоть и смотрит на него без злости, опасен и чужд. Может, это они, пришельцы, и разбомбили Манве, а теперь оживили его, Ранмакана, для того чтобы возить показывать на своей звезде.

Загребин подумал, что надо бы воздержаться от курения в присутствии Ранмакана. Кто знает, что он может подумать о людях: здесь, судя по всему, табака не знали, здесь жевали какую-то гадость.

— Возвращаемся, — сказал динамик. Это докладывала группа Антипина. — В большом замке никого нет.

— Что было в большом замке на холме? — спросил Загребин Ранмакана, который с недоверием прислушивался к словам, раздававшимся со стороны экрана.

— Дворец губернатора, — сказал Ранмакан.

Между домами на экране появился вездеход. Он медленно полз к кораблю.

— Что это? — спросил Ранмакан.

— Наша машина. Искали других людей.

— И не нашли, — сказал уверенно Ранмакан.

Они и не хотят искать. Но ничего. Он убежит. Он обязательно убежит отсюда. Ведь, в конце концов, почему он должен верить им, что воздух

смертелен? Тысячи поколений жили на планете, и он не был смертельным. А тут стал смертельным.

— Не нашли пока. — Загребин посмотрел на Павлыша. — Не пора ли кормить Адама (так называли Ранмакана на корабле, хотя он был слишком худ и мрачен для первого человека)?

— Эмилия Кареновна ждет нас, — сказал Павлыш.

— Пошли, — ответил Ранмакан.

— Он неразговорчив, — сказал Кудараускас Загребину, когда доктор с пациентом вышли.

— А вы бы на его месте?

— Я не мог оказаться на его месте, — сказал Кудараускас. — Я до сих пор уверен, что из нашего эксперимента ничего не выйдет. Потому что он порочен.

— Ладно уж, — сказал Загребин; ему не хотелось спорить. — Вы включили шлюзы?

— Да.

— Не забудьте удвоить время промывки вездехода. Они ведь сегодня в самом пекле побывали, в эпицентре взрыва.

Кудараускас знал, где они были. Он внимательно смотрел, как вездеход разворачивался, останавливаясь у корабля, как из люка тяжело

выскакивают похожие на головастых муравьев Антипин и Цыганков, нагруженные трофеями — невеселыми трофеями мертвого города.

Кудараускас включил шлюз, и космонавты, сказав что-то вездеходу, пошли к открывающемуся люку.

На мостик заглянул Христо Райков и сказал:

— У меня идея, Геннадий Сергеевич.

— Добро пожаловать. Надеюсь, оптимистическая?

— Почему?

— Да вот у Зенонаса тоже все время идеи, только довольно мрачные.

— Не знаю, — сказал Христо. — Наверно, оптимистическая. Я думал: мы все ищем и ищем людей. А если они на улице погибли или в убежище, то их давно крысы погубили. Совсем погубили. А ведь есть место, куда крысы не добрались. В каждом городе есть.

— Я об этом уже думал, — улыбнулся капитан. — Дня два назад подумал. Даже с коронами поговорил. Не получается.

— Да вы же не дослушали.

— Зато понял. Ты имеешь в виду кладбище?

— Конечно. Правильно! Они ведь прятали мертвых в землю. И если земля сухая, песчаная, то

тело могло частично сохраниться. А вы ведь знаете: я геологией интересуюсь. Вот и взял образцы почв. На окраине. Где кладбище. Там песок. И представляете, как удобно. Мы идем по кладбищу и видим: «Здесь похоронен великий физик». Или: «Здесь похоронен известный писатель». И мы уже знаем, кого оживлять. Мы самых лучших, самых умных людей планеты оживим.

— Все правильно, Христо, — согласился Загребин, — Есть два «но». Каждого из них достаточно. Первое: на Муне обычно сжигали мертвых. Под могильными памятниками, которые ты видел на кладбище, лежат урны с пеплом. Это проверено. Достаточно? Или нужно второе «но»?

— Достаточно, — сказал упавшим голосом Христо. — И разве не было исключений?

— Были. Особенно в стороне от больших городов. Но мы еще так мало знаем о Муне! Может быть, когда-нибудь мы вернемся к твоей идее. Сейчас будем искать более простые пути. Согласен?

— Согласен, — сказал Христо.

Когда практикант ушел, Кудараускас, продолжая следить за разгрузкой и дезактивацией привезенного из города, спросил:

— А что вы имели в виду под вторым «но»?

— Это лучше объяснит корона Вас. Дело в том, что аппарат не делает людей бессмертными. Если человек умер от старости, то он возродится таким же старым, каким умер. И умрет, возможно, снова через несколько дней.

— А соблазнительно все-таки найти и вернуть к жизни лучшие умы планеты.

— Соблазнительно. Но пока придется действовать наугад.

5

Тете Миле очень хотелось, чтобы Ранмакану понравились котлеты, весьма неплохие котлеты из филе кур. Таких на корабле давно не ели. Корона Вас обещал делать из каждой курицы десяток — ведь куриный ум никому не нужен, особенно если курицу собираются жарить, но, видно, забыл в суматохе, а напоминать было неловко.

Ранмакан ел не спеша, о чем-то думал. «Хоть бы улыбнулся разок. Это, конечно, горько, когда ты один-одинешенек остался на своей земле, но ведь не пропадешь теперь — мы же прилетели. И других найдем. Как тебя нашли, так и других найдем, девушку тебе подберем. Дети пойдут…»

Ранмакан не спешил доедать обед. Он знал, что

его так не оставят. Им от него еще что-то нужно. Конечно, секретов он не знал, военных тайн тоже, но понимал: придется держаться настороже — неизвестно, что им от него нужно в самом деле и когда наступит такой момент, что его выкинут, а может, и переделают в такие вот котлеты? Может, это и есть котлеты из его предшественника? Того допросили и уничтожили. Вот сидит женщина напротив. Толстая, кудрявая женщина. Хорошо бы, она оказалась другом, помогла бежать отсюда. Но как она может оказаться другом? Ведь ей приказали его, Ранмакана, откормить как следует…

Вошел Павлыш. С ним еще одна женщина, которую Ранмакан раньше не видел. Женщина была высокого роста, вряд ли ниже Павлыша. У женщины были очень пышные и длинные черные волосы, небрежно собранные в пук на затылке, крупные губы и огромные, спрятавшиеся за слишком длинными ресницами глаза.

— Снежина Панова, — представил женщину доктор.

Ранмакан кивнул головой. «Как в зверинце, — подумал он. — Ходят смотреть».

— Я буду занят в ближайший день, — сказал Павлыш. — Сегодня ночью мы улетаем к полюсу. Так что Снежина будет вам помогать.

— Мне можно ходить, куда хочу? — спросил Ранмакан.

— Конечно. Вы же себя хорошо чувствуете.

«Ладно, — подумал Ранмакан. — Буду послушным и добрым. Хорошо, что со мной останется женщина. Ее легче провести. Только бы сбежать с корабля — и потом в горы, к перевалам. Там должны быть свои».

Снежина сказала:

— Я сейчас уйду, не буду мешать. Вы найдете меня в моей каюте. Этажом выше. В крайнем случае, если трудно будет найти, — видите кнопки вызова? Мой номер четырнадцать.

— Хорошо, — сказал Ранмакан.

— Вы не хотите добавки? — спросила тетя Миля.

— Нет, я сыт.

— Погодите, я компотом вас угощу. Из настоящих вишен. Небось не ели никогда?

Ранмакан невольно улыбнулся:

— Я даже такого слова не слыхал.

— Вам можно, доктор разрешил, это ягоды такие. Сейчас.

Тете Миле хотелось поговорить со спасенным. Ведь минутки не найдешь — все доктора да капитан с ним беседуют. А может, ему чего-нибудь

такого хочется, чего они и не догадаются? Вон глаза как бегают, словно у кролика в клетке.

Тетя Миля принесла большую, поллитровую чашку компота из вишен.

Ранмакан набрал полчайной ложки, попробовал.

— Не кисло? — спросила тетя Миля.

— Нет, — сказал Ранмакан.

С сахаром в городе в последние месяцы было очень плохо. Ранмакан уже и не помнил, когда он ел что-нибудь настолько сладкое.

— Спасибо, — сказал он тете Миле.

К человеку, который вкусно и хорошо поел, приходят добрые мысли. И Ранмакану вдруг стала более симпатичной эта толстуха с большим носом. В конце концов, она, может, и не замышляет ничего плохого.

— Как же вы это натворили? — спросила тетя Миля. Она не хотела быть нетактичной, но сказала и испугалась: вдруг обидела человека?

— Что натворили?

Последние ложки компота шли уже через силу.

— Ну, перебили друг друга. Войну такую устроили.

— Это не мы виноваты, — сказал Ранмакан.

— Это наши враги, пьи. Они на нас злодейски напали.

— За что же это?

— Пьи — враги свободы и потому извечные враги нашего государства.

Ранмакан поймал себя на том, что говорит языком предвоенных радиопередач. Но до тех пор пока эти передачи не начались, он своего мнения по военным вопросам не имел. Знал, правда, что пьи пытаются захватить плодородные колонии лигонской державы и из-за них нерегулярно поступает и все дорожает жвачка. Вот вроде и все. Какое ему было дело до пьи? Этим занимались политики. В забастовках он не участвовал, со смутьянами не знался. Ходил на работу, в визор и жевал жвачку.

— Враги, враги… — сказала тетя Миля. — Эти слова давно забыть бы надо. Чего ты-то с ними не поделил?

— Я?

— Ну да, ты вот. Ты-то за что пострадал?

— Это так сразу не объяснишь, — сказал Ранмакан. — Это проблема сложная. Государственная.

6

Павлыш дремал у иллюминатора. Внизу покачивался располосованный белыми барашками океан. Океан покачивался уже третий час, и все так же висело над горизонтом солнце. «Аист» догонял утро и никак не мог войти в него.

Экспедиция летела на остров в океане. Остров лежал неподалеку от Южного полюса планеты, и там, по сведениям первого разведдиска, были замечены какие-то постройки. Остров был окружен льдами, и группа строений на нем казалась неповрежденной. Там могли быть люди. Туда могли не добраться крысы. Поэтому капитан дал согласие на полет, хоть он и должен был занять целый день и ради него приходилось прервать исследование города.

Но и в этом были свои плюсы. Накопилось довольно много материалов — книг, газет, вещей. Если не привести все это в порядок, утонешь в информации. Не распутаешься. На остров полетели Павлыш с Аро и Антипин с Малышом. Снежина занималась с Ранмаканом. Корона Бас вносил кое-какие усовершенствования в свой аппарат. Баков и Лещук, старший механик, стояли ночную

вахту, потом должны были отдыхать. Остальные занялись разбором материалов. Когда катер был готов к полету, Павлыш заглянул в сектор Мозга. Там трудились самодеятельные археологи, искусствоведы, историки… Мозг только успевал анализировать данные и распутывать загадки Мертвой планеты.

Павлыш даже позавидовал тем, кто остается. Кроме того, он беспокоился о Ранмакане. Как бы там Снежина чего не напутала, не наговорила лишнего. Корона Вас обещал не спускать с них глаз, но все-таки…

Все тот же океан. Все те же барашки.

— Возможно, в глубинах океана сохранилась жизнь. Глубинные слои слабо перемешиваются, — сказал корона Аро, повернув к Павлышу темно-зеленое лицо, на котором белыми кружками блестели глаза.

— Может быть, — согласился Павлыш. — У нас нет батискафа.

— Используем ракету. Это технически осуществимо.

— Можно, — сказал Антипин. — Придется, правда, поработать.

— Их цивилизация примерно чему соответствует? — спросил Малыш. — По нашей хронологии.

— Наверно, середине двадцатого века. Тогда тоже создавались запасы ядерного оружия и была опасность всеобщей войны.

На горизонте показалась белая линия льдов. Где-то там, недалеко от кромки, находилась цель полета — маленький гористый остров.

— А сам Ранмакан, что он думает?

— С ним будет довольно трудно, — сказал корона Аро. — Уровень интеллекта невысок, очень подозрителен, не верит, что разумные существа могут помогать друг другу. Видит в нас врагов. Вообще привык видеть во всех людях врагов.

— Уж очень черную картину вы рисуете, корона Аро, — сказал Павлыш.

— Что делать. Это выводы не мои — приборов. Но я думаю, когда он будет не один, положение изменится.

Белые льдины утихомирили океан, и он темно-синими реками и озерами улегся между белых полей.

— Вот он, остров, — сказал Антипин.

Остров был неуютен, мрачен. Черные зубцы скал прорезали лед и снег, и нигде не видно следов жизни. Катер облетел остров вокруг — никаких домов или других строений, только снег между зубцами скал.

— Может быть, ошибка? — спросил Антипин. — Другого острова по соседству нет?

— Нет, это тот остров, — сказал корона Аро. — Все совпадает. Под большой скалой должно быть несколько домиков.

Катер опустился на ровную площадку у скалы и ушел в снег метра на три.

— Все ясно, — сказал Павлыш. — Дома занесло снегом. Так бывает у нас в Арктике.

— А что же делать дальше? — спросил Малыш. — Мы же потонем в снегу.

— Утонуть не утонем, но найти их нелегко. Включи-ка локатор.

Зеленым прямоугольником между ракетой и складами обозначился один дом.

Антипин сказал:

— Спустим трап на крышу.

Через четверть часа Павлыш и Антипин стояли по колено в снегу на наклонной крыше дома. Павлыш разгреб снег, и серая обледенелая поверхность крыши появилась на свет, как лицо на положенной в проявитель фотобумаге.

— Жаль, что двигатель гравитационный, — сказал Павлыш. — А то бы растопили снег отработанными газами, и дело с концом.

— Да, — сказал Антипин. Он подошел к краю

крыши и ощупал ногой карниз.

Карниз не выдержал его веса и обломился. Взмахнув руками, Антипин пропал в снегу.

— Ну вот, — сказал из корабля Малыш. — Второй раз на этой планете проваливается. Что за развлечение себе придумал?

— Ты как там? — спросил Павлыш, осторожно подходя к краю крыши.

— Тут, по-моему, дверь, — ответил Антипин. — Только ее никак не откроешь. Примерзла.

Шлем Антипина покачивался в осыпающейся дыре, пробитой им в насте.

— Погодите, — сказал Малыш. — Я, кажется, могу помочь. Здесь в инструментах должен быть тепловой резак. Ага, вот он. Я луч расфокусирую, получится конус. Слава, поднимись сюда.

Павлыш не сумел поймать брошенный резак, и тот исчез в снегу.

— Не потеряй! — крикнул Малыш. — Второго нету. И лопат не взяли.

— Что такое лопата? — поинтересовался Аро.

— Очень простой инструмент, — сказал Малыш. — С его помощью построены все великие памятники земной цивилизации. Прадедушка экскаватора.

— Понятно, — сказал Аро.

И не было ясно, понятно ему или он думает, что Малыш шутит.

Антипин включил резак сначала немного, потом, когда снег начал съеживаться, открывая сумеречное небо и низкое, у самой земли, солнце, перевел на полную мощность и уверенно двинулся вокруг дома, стараясь не задеть его тепловым конусом и слушая, как зажурчала вода, прокладывая путь в снежном матраце.

Оттаявшая дверь сама приоткрылась, и свежий холодный воздух ворвался в хижину. Павлыш постучал пальцем по стеклу узкого, похожего на бойницу окна.

— Даже стекла целы, — сказал Антипин. — Удивительно, дом засыпан, а окна целы.

— Ты рассуждаешь, как старожил, — сказал Павлыш. Он потянул дверь на себя и включил фонарь на шлеме.

За небольшими сенями была комната с плитой или печью в углу и треугольным столом посредине. На плите стояла кастрюля, наполненная льдом. Ледяные сталагмиты свисали с потолка, низкого и черного. За столом виднелась широкая лежанка, на которую была навалена куча окаменевшего тряпья. Это была очень бедная хижина. Свет чуть-чуть пробивался сквозь бой-

ницы окошек, одинокая табуретка упала когда-то и вмерзла в слой льда, покрывающий пол. Людей нигде не было.

— Рыбаки, что ли, здесь жили? — спросил Антипин.

— Похоже, что дом покинут.

— Зря летали? — спросил Малыш, который прислушивался к разговору.

Диссонансом к обстановке комнаты была повисшая на одном гвозде полка с книгами. Некоторые из них упали на пол и утонули во льду, другие чудом держались на полке, скрепленные морозом.

— Может, здесь жил благородный и бедный отшельник?

— Не мешало найти бы его. А то наш Ранмакан даже книг, по-моему, не читал. Я его спрашивал, а он как-то увиливал от ответа, — сказал Павлыш.

— Может, отшельник ушел куда-нибудь из дома и замерз?

— Растопить снег и лед на всем острове мы не можем, — серьезно сказал Антипин.

— Где же остальные дома? Разведдиск два месяца назад видел несколько домов, — сказал Малыш.

— Добраться до них будет труднее, — сказал

корона Аро. — Боюсь, те дома попали под лавину. Чтобы к ним пробиться, надо пройти завал льда и снега потолще того, что одолели.

— Интересно, такое ощущение, будто в комнате затхлый воздух. А ведь запахов я в скафандре не чувствую.

Антипин передал книгу перегнувшемуся из люка Малышу, а сам обернулся к доктору.

— Ты что?

— Хочу растопить лед у входа. Тут ступеньки. На них что-то вмерзло в лед.

Павлыш отошел на шаг в сторону, утонув по пояс в снегу, и направил луч резака вниз. Через несколько секунд лед поддался тепловому лучу и пополз по сторонам, освобождая широкую воронку. На дне воронки лежала овальная миска с замерзшей кашей.

— Только и всего, — сказал Антипин.

Доктор поднял миску.

Павлыш снова включил резак, поводя им, чтобы растопить лед на большой площади. Через минуту сквозь слой льда уже можно было различить человеческую руку, тянувшуюся к миске.

— Вот он, — сказал Павлыш. — Вот он, наш отшельник.

7

Только успели погрузить тело «отшельника», как на остров налетела метель. Она за минуту снова засыпала хижину и протоптанную вокруг нее дорожку, и следов не осталось.

Катер поднимался в шипучей и яростной толкотне снега и ветра, и пришлось уйти на семнадцать километров вверх, прежде чем фронт облаков поредел и остался внизу мохнатыми шапками снеговых туч. Связь прервалась, но Малыш успел сообщить на «Сегежу», чтобы Вас готовил аппаратуру. Операция «Человек» продолжалась.

Путешествие обратно было ничем не примечательным. Антипин с Малышом занимались исследованием верхних слоев атмосферы, Павлыш пытался разобраться в слипшихся грудах бумаги, бывших когда-то книгами, корона Аро дремал или думал — кто его поймет?

Спускались вслепую. Локатор показал скопище домов внизу, город и диск «Сегежи» рядом с ним.

Облака расступились только у самой земли, катер вошел в луч пеленгатора и мягко подплыл к грузовому люку, — полозья выдвинулись на-

встречу ему из тела «Сегежи», и в узком ангаре пришлось задержаться, пока струи дезактиваторов тщательно промывали «Аиста».

— Ну, как у вас дела? — включил внутреннюю связь Антипин. — Все в порядке?

На мостике был только Кудараускас. Светлые глаза его не выражали никаких эмоций.

— А как у вас? — ответил он вопросом.

— Вроде неплохо. Корона Вас приготовил аппаратуру?

— Вам придется подождать, — ровным голосом сказал Кудараускас. — Аппарат в действии. Он занят.

— Как — занят? Вы нашли еще кого-нибудь?

— Нет, не нашли. По окончании обработки корону Аро просят немедленно пройти в лабораторию. Павлыша тоже.

— Чепуха какая-то. Зенонас, — сказал Малыш, — послушай, что случилось?

— Ничего хорошего. Поскорее выходите из ракеты. Вы нужны здесь.

Кудараускас отключился.

Космонавты выскочили из ракеты, поворачиваясь под струями дезактиватора. Раздеваясь в следующем тамбуре, Малыш сказал:

— Капитана на мостике нет, а вроде бы его

вахта. И Зенонас ничего толком не объяснил…

— Может, что-нибудь случилось с Ранмаканом?

— Вряд ли с ним могло чего-нибудь случиться, — сказал корона Аро мрачно. — По всем данным он типичный представитель здешней цивилизации. Мы даже убрали у него начинающуюся язву желудка. Он о ней и не знал.

— Но все-таки, — настаивал Малыш. — Представьте себе какой-нибудь наш безвредный вирус. И для него — смерть. Или тетя Миля чем-нибудь его по доброте сердечной накормила.

— Малыш, брось свои бредовые идеи, — сказал Павлыш несколько резче, чем следовало. Ему также не понравился Кудараускас с его таинственностью.

— Вы готовы? — спросил Аро.

— Готовы.

Павлыш выключил очистительные установки и открыл дверь в корабль.

У двери уже стояла Снежина. Снежина была бледной, на белом лице горели полные губы, и глаза казались еще больше и чернее, чем всегда.

— Снежка, здравствуй. Что у вас происходит? — спросил Малыш.

— Я слышала, как вы говорили с Зенонасом, —

сказала она. — И я побежала, чтобы вас встретить. На корабле несчастье. И я во всем виновата.

— Что случилось? — Павлыш взял ее за руку. — Не беспокойся. Что же случилось?

— Загребин убит, — сказала Снежина. — И я в этом виновата.

8

В общем, Снежина не была виновата. Кроме ее самой, Снежину никто не винил. Виновато во всем было несколько беззаботное отношение всех космонавтов к проблемам, которые возникли на Синей планете. Уверенность всех в том, что корабль прилетел сюда для благородной миссии, уверенность в том, что люди, которым помогли, должны испытывать в первую очередь чувство благодарности к «Сегеже», была слишком твердой. Даже корона Вас, хотя он знал по показаниям приборов, что реакция Ранмакана на спасение была не такой уж простой, даже он совершенно спокойно относился к возможным последствиям этого воскрешения.

Все члены экипажа были увлечены борьбой за жизнь погибшей планеты, и появление первого живого человека, как только прошла сенсацион-

ность первых часов, было воспринято как вполне естественная вещь. После того как все убедились, что аппарат корон действует и с его помощью в самом деле можно спасти планету, корабль был охвачен деловым возбуждением. Надо было понять, впитать, усвоить все, что возможно, о тех, кого надо спасать. Надо было как можно скорее найти и оживить людей, обследовать и изучить как можно большую часть планеты. На смену подавленности первых дней наконец-то пришло дело, а члены экипажа «Сегежи» были практиками, и теперь надо было выполнить его как можно быстрее и как можно лучше. И радиограмма с катера, говорящая, что найден еще один человек, только укрепила эту уверенность.

С каждым днем покинутая на произвол судьбы планета приходила в большее запустение; каждый день где-то гибли шедевры живописи и литературы, созданные тысячелетиями; каждый день крысы-мутанты пожирали все, до чего могли дотянуться их мелкие и острые зубы.

И поэтому Снежину нельзя обвинять в том, что она не уделяла Ранмакану столько внимания, сколько нужно было бы, если знать его действительные мысли и намерения.

В одном Снежина действительно провинилась

— между ней и Ранмаканом произошел такой разговор.

— А как же вы прилетели к нам безоружными? — спросил Ранмакан. — А вдруг бы вас встретили враги? А вдруг кто-то из пьи остался в живых?

— Вряд ли это реально, — рассеянно ответила Снежина, которой очень хотелось убежать в лабораторию, где, если верить Христо, Мозг расшифровал какие-то очень важные документы.

Снежина, как и другие космонавты, предполагала, что Ранмакан не принадлежал к числу лучших умов планеты и информация его о жизни города была настолько же скудной, насколько скудно мог бы рассказать о Земле мещанин двадцатого века. Разговор с Ранмаканом был скучен, и его стандартные рассуждения о воинственности пьи и отсутствии жвачки на борту «Сегежи» быстро надоедали.

— Вряд ли это реально, — сказала Снежина. — Во-первых, мы бы и не спустились на планету, если бы обнаружили на ней разумную жизнь. По крайней мере, без разрешения Галактического центра.

— А если бы мы вас континентальной ракетой? А? — спросил Ранмакан.

— Зачем?

— А затем, — сказал Ранмакан. — Вот допустим, идете вы по городу, а из-за угла полицейский в вас стреляет. Что тогда?

— Да я же говорила уже, что такого случая быть не могло. Перед тем как опуститься на планету, мы убедились, что жизни на ней нет.

— Ну ладно, а если трезар?

Снежина уже знала, что трезар — крупный хищник, что-то вроде земного тигра, который обитал на планете до войны.

— Для этого на корабле есть оружие.

— Ага, так я и думал. — Голубые тонкие губы Ранмакана сжались в ниточку. — Без оружия вы никуда, хоть и говорите о дружбе и так далее.

Снежина подумала, что все равно уж уйти в лабораторию не удастся. Она достала заготовленный список вопросов к Ранмакану. Придется работать.

— И вашим оружием и человека убить можно? — спросил он.

— Можно, только зачем?

— А вот я буду уже вам не нужен, что тогда?

— Да нет разговора о вашей нужности или ненужности! — возмутилась Снежина. — Вы нам с самого начала не были нужны. Вы себе самому нужны. Своей планете, своему городу. Неужели

вы хотите сказать, что вам все равно, будет ли существовать этот город, ваши знакомые, другие люди?..

— Не знаю, — сказал Ранмакан. — Я о них не думал.

— Знаете что, — сказала Снежина, — давайте поговорим о другом. Мало ли есть тем для разговора? Я вас буду спрашивать, а вы отвечать.

— Опять допрос? — вздохнул Ранмакан.

— Ну хорошо, спрашивайте вы.

— Не хочу, — сказал Ранмакан. — Хочу спать. А где ваши пистолеты? А у вас пистолет есть?

— Пистолет?

— Ну, оружие?

— Нет, ни у кого нет. В оружейной есть и на мостике у капитана. На всякий случай. Это с тех пор, как на Ганимеде ледяные ящеры прорвались на корабль и ни у капитана, ни у команды не оказалось оружия.

— И их всех сожрали? — заинтересовался Ранмакан. — И капитана и команду?

— Двое тогда погибли.

— Ладно, — сказал Ранмакан. — Теперь я пошел спать.

— Счастливо, — сказала Снежина. — Меня вы всегда можете найти или здесь, или у Мозга.

Ранмакан ушел. Снежина не беспокоилась за него. В конце концов, в лаборатории остается корона Вас, который в любую минуту может узнать, где находится Ранмакан.

Виноват был и корона Вас. Он вспомнил об обещании, данном тете Миле, и, вместо того чтобы хоть изредка поглядывать, где же бродит Ранмакан, он принялся оживлять кур. Эта проблема его интересовала не только с точки зрения услуги, которую он мог оказать тете Миле, но и как чисто научный эксперимент. Опытов по производству пищи еще не производилось. Тем более, что короны — вегетарианцы.

Виноват в этой истории был и Кудараускас. Его подвела любовь к абстрактным психологическим исследованиям. Когда на мостик поднялся Ранмакан и принялся бродить по длинному помещению, поглядывая на экран внешнего обзора, Кудараускас начал задавать ему вопросы. Само существование Ранмакана давало ему, полагал Зенонас, определенные преимущества в споре с оппонентами. Позиции его были бы слабее, если бы первым человеком на «Сегеже» оказалось существо, вызывающее всеобщее уважение и любовь. Ранмакан не стремился ни к тому, ни к другому. Он даже не проявлял большой бла-

годарности за то, что его вернули к жизни. И Кудараускасу хотелось поближе познакомиться с чиновником Муны, чтобы найти в нем, в его мировоззрении, черты, приведшие к гибели целую планету. Кудараускас сам не очень верил в концепцию, рожденную в минуту запальчивости и сформулированную по принципу: вы так считаете, тогда я займу противоположную точку зрения.

Поэтому Кудараускас, как только Ранмакан появился на мостике, всем своим видом показывая, что не собирается покидать его, принялся задавать Ранмакану вопросы, невинные на вид, но с двойным дном.

Ранмакан, с недоверчивостью относившийся к любым вопросам, не хотел раздражать отказом беловолосого штурмана и потому коротко и сухо отвечал на них, сам тоже спрашивал что-то, малозначащее и тоже на самом деле полное вторым значением. Спросил он и об оружии. Этот вопрос Кудараускаса заинтересовал. Кудараускас воспринял его как свидетельство агрессивности жителей Синей планеты.

Он повторил то же, что говорила Ранмакану Снежина, и Ранмакан не поверил Кудараускасу так же, как не поверил Снежине. Однако про себя

даже удивился сговору пришельцев.

— И сильно бьет? — спросил Ранмакан.

— Лучевой пистолет? Нет. Метров на сто, это же средство защиты.

— У нас есть пистолеты и пулеметы, бьющие без промаха на три километра, — сказал Ранмакан.

Он употребил в разговоре другую меру длины, по лингвист у него на груди перевел меру в земные понятия. Лингвист передавал местное звучание слов только в тех случаях, когда понятию не было эквивалента в земных языках.

— Но я же повторяю, — сказал спокойно Кудараускас, —это оружие чисто оборонного значения. И должен раскрыть секрет: оно еще не употреблялось за все время моей работы на «Сегеже». Был, правда, случай на Ганимеде.

— Я знаю, — сказал Ранмакан, — когда ледяные ящеры ворвались в корабль.

— Откуда знаете? — удивился Кудараускас.

— Мне Снежина сказала, — ответил Ранмакан и выругал себя за неосторожность.

Но Кудараускас не заподозрил ничего неладного в том, что Ранмакан уже со вторым членом экипажа говорит об оружии. Он отнес этот интерес к общей направленности разума Ранмакана и отметил это как аргумент в будущем споре с

капитаном и Аро.

— А какая точность выстрелов? — спросил Ранмакан.

— Не помню, — сказал Зенонас. — Сейчас поглядим.

В это время капитан зачем-то отлучился с мостика, и Кудараускас остался наедине с Ранмаканом. Он встал, подошел к стене и открыл небольшую дверцу в ней. В нише, на полке, лежал лучевой пистолет.

— Сейчас посмотрим, — сказал Кудараускас, — хотя это не имеет значения. Рассеивание… Точность попадания… Видите, как прост в обращении?

Ранмакан внимательно осмотрел пистолет, но тут Кудараускаса кольнуло какое-то неприятное предчувствие. По крайней мере, он сам так говорил потом Бауэру. Он положил обратно пистолет, захлопнул шкафчик и внимательно поглядел на Ранмакана. Но тот как будто потерял уже к пистолету всякий интерес. Он снова подошел к экрану и стал смотреть на застланный мглой дождя город.

— Сегодня никто туда не поедет? — спросил он.

Он находился в странном состоянии: с одной стороны, его план неожиданно облегчался тем,

что тюремщики даже не запирали шкафчика с оружием, но, с другой стороны, вдруг это ловушка? Ранмакан не хотел ждать развития событий. Страх, охвативший его в тот момент, когда он раскрыл глаза в госпитале «Сегежи», не отпускал. Он руководил всеми его действиями.

— В город? Сам Загребин собирался съездить туда на Еже с Бауэром. На самую окраину. Там, в начале улицы, здание редакции. Вы знаете?

— Я этот район плохо знаю, — сказал Ранмакан. — Когда они приедут?

— Скоро, через полчаса. Ага, вот и Загребин. Геннадий Сергеевич, вы когда собираетесь в город?

— Вахту сдам Бакову, и поедем. А вы что, Ранмакан, хотите с нами?

— Я там еще не был… после войны, — оживился Ранмакан.

— Тогда вместе поедем. Вы нам поможете.

Загребин вызвал по внутренней сети корону Вас. Тот очнулся от блаженных дум и ответил, что не имеет ничего против, если Ранмакан съездит в город.

Тут уже был виноват сам Загребин. Он должен был осторожнее относиться к Ранмакану. И корона Вас тоже. Но и тот и другой как-то упустили из виду то, что Ранмакан — представитель циви-

лизации, отставшей на несколько сотен лет от Земли и Короны. С другими мыслями, с другими рефлексами и совсем с другим отношением к людям. Только Кудараускас подумал об этом, но абстрактно. Подозрения его были настолько неоформленны и необоснованны, что вылезти с ними значило только воскресить в памяти капитана недавний спор и показаться не с лучшей стороны. И Кудараускас промолчал.

9

Вынуть пистолет из шкафчика и спрятать его в кармане сшитой роботами по местным образцам одежды оказалось нетрудным. Капитан вышел вниз подготовить Ежа к поездке, а Кудараускас углубился в какие-то свои расчеты.

Дальнейшее было еще проще. Управление скафандром оказалось автоматическим. Ранмакан прошелся несколько раз в скафандре по коридору и сказал капитану, что чувствует себя хорошо.

В скафандре было слышно все, что говорили другие люди, также одетые в скафандры. Кроме того, можно было поддерживать связь с кораблем.

— Будете нашим гидом по городу, хорошо? —

сказал капитан, грузно забираясь в вездеход.

— Хорошо. — Ранмакан улыбнулся. Свобода была близка.

— Я даже и не надеялся, что вы захотите с нами поехать, — сказал Загребин. — С местным жителем куда удобнее. Я не хотел вас просить, боялся, что вам будет тяжело…

— Ничего, — ответил Ранмакан. — Поехали. — Он спешил. В любой момент Кудараускас или Баков могли обнаружить пропажу пистолета, и тогда все погибло.

В кабине Ежа, устроившись сзади Бауэра и Загребина, Ранмакан незаметно расстегнул скафандр сбоку и вынул из кармана пистолет. Кабина вездехода была слабо защищена от радиации. Но Ранмакан не верил (как не верил многому из того, что ему говорили на «Сегеже») и даже тому, что доза радиации, прорвавшейся к его телу за те секунды, пока бок Ранмакана был незащищен скафандром, была опасной для жизни.

У одного из первых домов улицы, ведущей к центру — она называлась улицей Торжества, — вездеход остановился.

— Мы тут немного задержимся. Мы не предполагали, что вы поедете с нами, — сказал Загребин. — Так что возьмем газеты и потом направимся к

центру. Не возражаете?

Ранмакан не возражал. Он подождал, пока Бауэр и Загребин скрылись в узкой высокой двери редакции, и бросился бежать вдоль улицы, надеясь спрятаться в каком-нибудь подъезде.

Движимый каким-то шестым чувством, интуицией много повидавшего человека, капитан, входя в редакцию, задержался на пороге и обернулся. И увидел, что Ранмакан убегает.

— Ранмакан! Стойте! Что вы делаете?

Капитан бросился за Ранмаканом. Он понимал, что человек без корабля, без защиты скоро погибнет в этом мире.

Ранмакан этого не понимал. Он обернулся, выхватил пистолет и в упор, с пяти шагов, всадил в лицо и грудь капитану половину мощности пистолета.

Такого удара не выдержал даже скафандр высокой защиты. Прозрачная броня его почернела, обуглилась, и, высоко подняв от немыслимой боли толстопалые руки, капитан упал на мокрую, выщербленную ветрами мостовую.

Бауэр уже стоял в дверях. Второй выстрел был направлен ему в лицо, но штурман за какую-то долю секунды успел нырнуть в проем двери, и синий дым, окутавший ее, тут же скрыл Глеба от следующего выстрела.

Ранмакан остановился. Что делать? Теперь он беглец, он враг могучего корабля и могучих пришельцев. Правда, у Бауэра оружия нет…

Ранмакан выстрелил в гусеницу Ежа. Еж, движимый инстинктом самосохранения робота, отпрянул в сторону, но его настиг следующий выстрел. Гусеница оплавилась, и Еж завертелся на месте.

— Что случилось? — кричал Баков, и голос его бился в ушах Ранмакана, как неумолимый преследователь. — Что случилось! Загребин! Бауэр?

Ранмакан побежал вдоль улицы, петляя, будто его могли увидеть с корабля, свернул в проходной двор и через узкие переулки повернул к холмам. Город они могут сжечь, мстя Ранмакану. В холмах его не найдут.

— Ранмакан напал на капитана, — наконец услышал он голос Бауэра в шлеме. — Капитан ранен или убит. Еж поврежден. Срочно нужна помощь. Я буду преследовать его.

— Ни в коем случае, оставайтесь на месте! —

приказал Баков. — Окажите помощь капитану. Откуда у Ранмакана оружие?

— У него наш лучевой пистолет. Что он сделал с мастером! Скорее!

— Спускаем Великана!

Ранмакан плутал по проходным дворам и переулкам, ища выхода к холмам. Он не мог поверить, что о нем в этот момент забыли, что его никто не преследует. Скафандр не успевал подавать достаточно воздуха для бешено сжимающихся легких. Ранмакан задыхался. Ему не хотелось снимать шлем: сняв его, он будет лишен возможности слушать разговоры по внешней связи. Но шлем с каждым шагом все тяжелее давил на голову, все труднее становилось дышать…

Спрятавшись за углом крайнего дома, Ранмакан отвинтил шлем и бросил его на мостовую. Прозрачным мячом шлем покатился к луже, занимавшей середину мостовой, и поплыл по ней, подгоняемый поднимающимся ветром. Надвигался ураган. Снег с дождем бил Ранмакану в лицо и пытался остановить. Но тот был доволен, что погода испортилась: теперь его труднее будет найти.

Начался подъем на холм. Ранмакан убавил шаги — все равно он уже не мог бежать — устал.

С пистолетом он не расставался. Дальше от корабля, дальше от плена и от мести пришельцев…

Ранмакан был обречен на скорую и мучительную смерть. С каждым шагом новые тысячи рентген радиации врывались в его легкие. Спасти Ранмакана мог только аппарат короны Вас. Но Ранмакан бежал от него.

Скалы сомкнулись над тропинкой. Ранмакан присел, чтобы перевести дух. Ветер сюда не долетал. Ранмакан спрятал пистолет в карман. Он чувствовал себя здоровым и сильным. Теперь главное — найти своих и рассказать им о пришельцах. Должен же где-то существовать свой привычным мир, мир порядка и закона.

А тем временем Бауэр тащил к кораблю обугленное тело капитана, тяжелое и неповоротливое в скафандре высокой защиты. Он не обходил луж и камней. Он задыхался, он спешил. Только он не снимал скафандра, хотя и его шлем не справлялся с подачей воздуха.

У последнего дома его встретил вездеход Великан.

Ураган разыгрался к тому времени, и Бауэр увидел вездеход только тогда, когда спрыгнувший с него механик Лещу к крикнул ему:

— Давай помогу!

Глава четвертая
ВТОРАЯ НЕУДАЧА
1

В лаборатории — некому было запретить — собралась большая часть экипажа. Корона Вас не начинал работы до появления Аро и Павлыша. Без них он не мог справиться с аппаратурой. Вас понимал, что теперь, когда тело капитана, охлажденное и готовое к оживлению, находилось на операционном столе, время перестало играть решающую роль в спасении капитана. Корона Вас это понимал: он объяснил это Бакову, принявшему командование кораблем, и Снежине, но те все равно отсчитывали минуты до возвращения катера, и им все равно казалось, что с каждой минутой уменьшаются шансы на то, что Загребин вернется на мостик, постучит сигаретой о край пепельницы и скажет вахтенному штурману: «А вот у нас в училище был такой случай…»

Когда Кудараускас сообщил в лабораторию, что катер снизился, Баков приказал Зенонасу не торопить их с дезактивацией. Все должно идти по плану. Если поторопишься, в лабораторию могут попасть вирусы или остаточная радиация. Это

решение далось Бакову нелегко, но он теперь был капитаном корабля, и первой его обязанностью было вернуть к жизни мастера, по крайней мере, сделать все, чтобы тот вернулся к исполнению своих обязанностей. Сформулировав так свою задачу, Баков принялся проводить ее в жизнь. Правда, освободить лабораторию от заинтересованных лиц он не смог — не решился. Он только спросил Вас, не мешают ли ему работать люди, и тот сказал, что не мешают.

Снежина встала у дверей рядом с Бауэром. Павлыш и Аро прошли к приборам. Лицо и грудь капитана были прикрыты тканью, и из сплетения приборов и креплений виднелись только большие, покрытые веснушками кисти рук.

— Все будет в порядке, — сказал Бауэр Снежине. Он очень хотел, чтобы все было в порядке.

— Прошу лишних уйти, — сказал Павлыш. — Пожалуйста, уйдите. Помощи от вас никакой, а разговариваете.

— Мы не будем разговаривать, — сказала Снежина.

— Пойдем, — сказал ей Бауэр. — Экран на мостике. Павлыш тоже волнуется.

А когда они поднимались на мостик, он сказал Снежине:

— Я ведь тоже мог вполне оказаться на этом столе. Мое счастье, что Ранмакан плохо управлялся с пистолетом.

— Вполне достаточно, чтобы убивать, — сказала зло Кирочка Ткаченко. — А вдруг с Геннадием Сергеевичем что-нибудь случится?

Бауэр открыл дверь на мостик и вдруг улыбнулся.

— Чего ты? — удивилась Кирочка.

— Как быстро люди приспосабливаются к новым условиям жизни! Еще месяц назад случись такое, корабль был бы во власти безнадежного горя. Погиб капитан. А теперь: как бы чего не случилось?! То есть говоришь о мастере как о пострадавшем в катастрофе, по абсолютно живом человеке.

— Не мели чепухи, — обиделась Кирочка. Ей сейчас не хотелось философствовать. — Конечно, капитан будет жить.

Кудараускас включил экран лаборатории и, пока члены экипажа рассаживались, спросил:

— А где Ранмакан?

— Кто знает, — сказал Бауэр.

— Надо будет догнать его. Он погибнет.

— Я бы его снова не оживляла. Должно же быть наказание, — сказала Кирочка.

— Постарайтесь понять, — возразила Снежина. — Он просто нам не поверил. Решил: мы враги.

— А вдруг он сумасшедший? — спросил Кудараускас. — Не в нашем смысле, а сумасшедший, как и все другие жители планеты. Охваченный стремлением убивать.

— Мы привезли еще одного человека, — вспомнил Бауэр. — С дальнего острова. Завтра-послезавтра увидишь, что и здесь люди бывают разные.

— Ты уже уверен?

— Я давно уверен.

Биологи включили аппаратуру. С мостика экран показывал их сверху, как показывают операции в хирургическом театре для студентов. Все замолчали.

Открылась дверь, и тихонько вошла тетя Миля.

— Я с вами посижу, — шепотом сказала она. — Одной нехорошо.

— Садитесь, конечно. — Зенонас подвинул ей кресло.

По внутренней связи раздался голос Лещука из машинного отделения:

— Зенонас, подключи нас к лаборатории. Ничего не слышим.

— Там пока слышать нечего, все идет как надо,

— сказал Зенонас. — Включаю.

Еще через десять минут Вас склонился над колпаком операционного стола и сказал Павлышу:

— Кожные покровы начинают восстанавливаться.

— Ну вот, — сказал Бауэр.

— Сердце, — сказал Аро. — Пульс семьдесят, наполнение нормальное.

— Будет жить, — сказал Павлыш громче, чем следовало говорить в операционной.

— Подождите, — остановил его Вас. — Не надо шуметь раньше времени. Я полагаю, что экран можно отключить. Через несколько минут операция будет закончена, и еще через два часа мы разбудим капитана Загребина в госпитале. Вы сможете его навестить.

Корона Вас отключил экран.

…Через два часа капитан, смущенно улыбаясь, лежал в госпитале на той самой койке, которую так недавно занимал его убийца, и принимал импровизированный парад экипажа. У изголовья его стоял корона Вас и похлопывал от удовольствия губами широкого рта. Он радовался не только тому, что капитан жив, здоров и ничем не отличается от прежнего Загребина, но и тому, что пришедшая одной из первых тетя Миля пожала

короне руку и сказала:

— Спасибо вам, доктор. Без вас мы бы осиротели.

Малыш, когда подошла его очередь, приблизился к Вас и спросил у него шепотом, придерживая оттопырившийся карман.

— Курить мастеру можно?

— Конечно, — сказал Вас. — Если Павлыш разрешит. Он же здесь хозяин.

Павлыш благодушно кивнул головой. Малыш вытащил из кармана любимую пепельницу мастера и пачку сигарет.

— Вам можно, — поставил он пепельницу на тумбочку у кровати.

Загребин посмотрел на сигареты, будто вспоминая, зачем они могли ему понадобиться. Потом вспомнил и ответил:

— Спасибо, как-то не хочется.

Малыш даже вздрогнул. Такого с капитаном «Сегежи» просто быть не могло. Малыш подозрительно посмотрел на обоих биологов. Во взгляде его было ясно написано: «Что вы сделали с мастером?»

— Когда восстанавливали легкие, очистили их от никотина, — объяснил корона Вас. — Возможно, поэтому.

Но Малыш продолжал смотреть на Вас в упор, и тогда тот, догадавшись, сказал:

— Нет, больше никаких расхождений со старым Загребиным не будет. Не должно быть.

— Может, все-таки закурить? — спросил Загребин. — Нет, не хочется.

Корона Вас был прав. Во всем остальном капитан остался таким же, как прежде. Только бросил курить. И Снежине, которая вечно забывала сигареты, не у кого было их просить на мостике в вахту Загребина.

Павлыш потом как-то говорил Снежине, что он не заметил, чтобы Вас специально очищал легкие капитана от никотина. Тем более, если учесть, что курение — наркотическая привычка и закрепляется она в мозгу, а не в легких. Просто-напросто корона Вас не выносит табачного дыма, уверял Павлыш, и при этом он очень деликатное создание и никогда вслух своих мнений не высказывает. Вот и отключил потихоньку клетки, ведающие у капитана страстью к курению.

2

На поиски Ранмакана Еж вышел на следующее утро. Кудараускас уговаривал Бауэра взять с со-

бой оружие, но тот отказался. Кудараускас даже поспорил с ним.

— Ты пойми, — говорил он. — Пойми меня правильно. В крайнем, самом крайнем случае ты убьешь его — мы его оживим снова. А так ты рискуешь и своей жизнью, и жизнью Малыша, который едет с тобой.

— Антипин соорудит силовое поле на вездеходе. Это первое. А второе — тебе приходилось умирать? Хоть пол-раза, хоть четверть раза? Ты думаешь, это просто, умер, и все? А впрочем, не веришь мне, поговори с Загребиным. О и тебе скажет: убей и оживи. Так и скажет. И еще чего-нибудь скажет.

Кудараускас представил лицо капитана и ответил:

— Я не спорю. Если силовое поле будет, пожалуйста.

Отъезд Ежа задерживался. Антипин с роботами мастерил установку. Бауэр углубился в карты, чтобы выяснить возможный маршрут Ранмакана. Решили сначала осмотреть порт и склады — родные места Ранмакана. Если там его не найдут, придется перенести поиски на холмы.

— Меня что волнует… — сказал Малыш Бауэру, когда они спускались к машине. — Ведь он же

должен есть и пить. Никаких запасов такого рода в скафандре нет. Значит, он, чтобы съесть что-нибудь, снимет шлем и получит смертельную дозу.

— Надеюсь, он не найдет ничего съестного на этой чертовой планете, — ответил Бауэр.

Ему совсем не хотелось ехать на поиски убийцы, но он сам вызвался в них участвовать, потому что считал себя (как, впрочем, и большинство членов экипажа) виноватым в случившемся. Бауэру намного интереснее было бы присутствовать при оживлении «отшельника». Но он надеялся, что Ранмакан спрятался где-нибудь в порту и тогда они с Малышом успеют вовремя вернуться.

Больше всего надежд возлагалось на пластилитовый детектор. Он мог за несколько сот метров обнаружить следы вещества, из которого был сделан скафандр. Детектор был специально изготовлен для тех случаев, когда с человеком на чужой планете почему-то нарушалась связь и требовалось его найти. А связь с Ранмаканом пропала сразу после его бегства. Он не отвечал на вызовы корабля.

Баков стоял у экрана, смотрел, как растворяется в струях дождя «горбатая» машина, и, когда она скрылась за домами, сказал:

— Осторожнее. Может, включите поле сейчас

же? Он ведь может подстерегать.

— Мы его раньше учуем, — ответил Бауэр. — Работает детектор.

Баков включил второй экран. В лаборатории проходило оживление. Баков подумал, что это чудо становится уже будничным делом.

— Как у вас дела? — спросил он лабораторию.

— Потребуется больше времени, чем обычно, — сказал корона Вас. — Перед нами глыба льда.

Тогда Баков вызвал госпиталь и спросил тихо у тети Мили, как себя чувствует Загребин.

Тот услышал вопрос и ответил сам:

— Даю врачам еще час — самое большее, пусть тогда выпускают, а то сам сбегу. И, в чем есть, примчусь к вам на мостик.

Баков сдержанно улыбнулся и пригладил усы. В том, что капитан так хорошо себя чувствует, он признавал и свою скромную заслугу. Во время вынужденного отсутствия главы корабля все хозяйство работало нормально. Так что он обеспечил капитану отдых. И он сказал:

— Отдыхайте, Геннадий Сергеевич: Бауэр и Цыганков выехали на поиски Ранмакана. В лаборатории успешно идет оживление привезенного Павлышом человека.

— Пора подумать, Алексей Иванович, о том,

чтобы построить купол под частью города. Будем переносить работу наружу. Нас, оживленных, с каждым днем будет все больше.

— Ну, вы не в счет, — сказал Баков. — Насчет купола я скажу Антипину. Он у нас главный конструктор. Энергии много понадобится.

— Хорошо, я отключаюсь, — сказал Загребин, — и сейчас начну уговаривать Эмилию Кареновну, чтобы она помогла мне добраться до моей каюты. А вы об этом никому ни слова. Ясно? Это приказ. Наябедничаете докторам — заставлю стоять вахту вне очереди.

— Слушаюсь. — Баков улыбнулся.

Последние слова капитана явно были шуткой. Капитан выздоравливал от смерти.

3

Когда «отшельник» открыл глаза, Павлыш сидел у его кровати и силился одолеть первую страницу романа, найденного в хижине на острове. Из этого следует, что Павлыш делал уже некоторые успехи в освоении языка, которым пользовался «отшельник» (тот же язык был и в городе Манве). Последние полчаса Павлыш провел в секторе Мозга, впитывая под гипнозом

сложнейшие окончания двадцати трех падежей.

Павлыш почувствовал, что «отшельник» очнулся, потому как на пульте замигали предупреждающие сигналы. «Отшельник» лежал не двигаясь, не говоря ни слова. Глаза его были больше и светлее, чем у Ранмакана.

Павлыш медленно отложил книгу так, чтобы «отшельник» увидел ее название, улыбнулся и включил лингвиста.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Спасибо, — ответил «отшельник». — Я долго был без сознания?

— Да, — сказал Павлыш.

Человек наморщил лоб, стараясь вспомнить что-то. Потом провел рукой по черным волосам.

— Они у меня перед смертью выпали, — сказал он. — У меня не было волос.

— Да, — согласился Павлыш, не зная, как объяснить это человеку.

Он опасался враждебной реакции, шока. Он понял, что надо быть предельно осторожным. Павлыш покосился на пульт. Пульс «отшельника» был нормальным. Другая шкала указывала на усиленную мозговую деятельность. Но это было естественно.

— Я умирал от лучевой болезни, — сказал «от-

шельник». — От острой формы. До нашего острова не дошел газ.

— Газ? — спросил Павлыш.

— Да. Вы не знаете? Пьи пустили газ, который убил на материке тех, кто мог спастись от радиации. Так погибли люди в бомбоубежищах. Хотя, я полагаю, газ использовали обе стороны. А я умирал от лучевой болезни. Кто вы такие?

— Мы ваши друзья, — сказал Павлыш. — Уверяю вас, мы ваши друзья.

— Мне хотелось бы верить вам, — сказал «отшельник». — Друзей осталось мало. Как вам удалось спастись? Последняя подземная радиостанция кончила работать за неделю до того, как я… как я потерял сознание. Я потерял сознание?

— Да, — сказал Павлыш.

— Вы не договариваете. Кроме того, вы принадлежите к расе, которую мне не приходилось встречать. А я много путешествовал.

— Почему вы так думаете?

Павлыш был в варежках.

— Это можно сказать и по разрезу глаз, и по… Вы пользуетесь каким-то механическим переводческим устройством?

«Отшельник» показал на черную коробочку лингвиста.

— Вы же видите, я читаю ваши книги.

— С трудом. Книга была открыта на первой странице. Я подумал даже, что вы вообще не можете читать, а этот шаг предпринимали, чтобы успокоить меня. Неприятно же очнуться в незнакомой обстановке. Меня зовут Девкали из Лигона.

— Доктор Павлыш, — представился Слава. — Лигона мы еще не знаем. Это где?

— Вы выдали себя, — сказал спокойно «отшельник». — Вы плохой конспиратор. Я бы вам дал сто очков вперед. Лигон — столица нашей империи. Вы не с Муны. Вы пришли из космоса. А может, вышли из-под земли. Были и такие легенды о государстве, ушедшем под землю.

— Вы правы, мы пришли из космоса, — сказал Павлыш.

— И опоздали?

— И опоздали.

Павлыш чувствовал растущую симпатию к этому человеку. Павлышу захотелось включить связь и сказать всем, в первую очередь Кудараускасу: «Вот видите, мы все-таки победим». С этим человеком ничего плохого не случится. Рассказать ему все?

— Вы хотите сказать... — начал человек. И за-

молчал. Приборы отметили усиление нервного напряжения в организме. — Вы хотите…

— Да, — сказал Павлыш. — Планета убила себя.

— Все?

— Все погибли.

Павлыш почувствовал себя виноватым. Это было нелепое чувство. Его испытывает человек, который должен прийти к хорошим людям и сказать матери, что сын ее попал в катастрофу. Его испытывает почтальон, приносящий похоронную с войны…

— Тогда еще один вопрос, — сказал человек медленно. — Когда это произошло?

— Немного более года назад.

— Более года назад? И я был мертв более года?

— Да.

— Ваша цивилизация может побороть смерть?

— Вопрос несколько сложнее, — сказал Павлыш. — Существует Галактический центр. Наша планета вошла в контакт с Галактическим центром недавно, всего несколько лет назад. Прибор, который возвратил вас к жизни, изобретен на одной из планет Галактического центра. И изобретатели его, совсем непохожие на людей, находятся на нашем земном корабле.

— Расскажите все по порядку, — сказал Девка-

ли. — Не беспокойтесь, я себя хорошо чувствую.

— Может быть, вы хотите подкрепиться?

— Потом, — сказал Девкали. — Сначала расскажите все. И как вы узнали о нашем существовании, и как прилетели сюда — все.

4

— Мне очень трудно поверить в то, что вы рассказываете, — сказал наконец Девкали.

— Ранмакан не поверил.

— Это неудивительно. Я просто более подготовлен к этой встрече. Он погибнет?

— За Ранмаканом пошел наш вездеход. Часа два назад. Я не знаю, нашли ли они его. Я был занят с вами. Вы с ним поговорите, когда он вернется.

— Если не считать Ранмакана, я единственный человек на планете?

— Да. Вы первый. Мы уверены: придут другие. Мы их найдем.

— Откуда в вас такая уверенность? Ведь в городе вы вряд ли найдете достаточно сохранившиеся тела, чтобы их можно было бы вернуть к жизни.

— Есть много других городов.

— Спасибо за такую уверенность. Я хочу задать еще один вопрос. Личного характера.

— Вы можете спрашивать что захочется и сколько захочется. И не только у меня — у всех членов экипажа.

— Почему вы привезли с острова именно меня? Почему не взяли тела других моих товарищей. И еще: когда вы их привезете?

— К сожалению, мы этого сделать не сможем.

— Как так?

— После вашей смерти лавина накрыла остальные дома. Это случилось в промежуток времени между прилетом разведдиска и нашей экспедицией. Масса льда и камней раздавила остальные дома и, возможно, даже снесла их в океан. Ваш дом единственный, который, хоть и был засыпан снегом, сохранился.

— Вы хотите сказать, что от всего поселка…

— Да.

— Оставьте меня, пожалуйста, — сказал Девкали.

— Я уйду, — сказал Павлыш. — Но почему мой ответ вас так взволновал. Там были близкие вам люди?

— Когда-то, года четыре назад, на этот остров попало, правда не по своей воле, пятнадцать человек близких мне людей. Перед войной их оставалось четверо. В том числе моя жена, Пирра.

Пирра была для меня все, без нее я вряд ли прожил бы эти годы на острове. Тех, кто умирал, мы вывозили на санях к проруби и хоронили их в океане. Мы голодали и болели снежной лихорадкой. Я не умер потому, что рядом со мной была Пирра. Я не мог умереть потому, что она должна была жить. Вы меня понимаете? Может быть, то, что я говорю, для вас пустой звук? Может быть, в вашей совершенной цивилизации, — Девкали усмехнулся, — в вашей совершенной цивилизации подобные чувства уже устарели?

— Нет, — сказал Павлыш. — Не устарели.

— Тогда вы должны понять меня. После взрывов и радиационных облаков мы заболели. Мы знали, что́ это, но мы надеялись тогда, что кто-то остался жив на планете, что мы, в стороне от путей и больших материков, переболев, останемся в живых. И вернемся. Пирра лежала в хижине, под самой скалой. Я еще мог передвигаться. Было холодно. Мы топили печь кусками опустевших домов, но с каждым днем все труднее было нарубить дров. Одного из оставшихся четверых я смог похоронить в море, другой остался лежать в своей хижине. Я знал, что если останусь жить, то останусь жить вместе с Пиррой и благодаря ей. Она ни разу не пожаловалась… Простите.

— Говорите дальше, — сказал Павлыш. — Может, вам станет легче.

— Это сейчас уже не играет роли. Я пошел, вернее, я пополз в ту хижину, около которой вы меня нашли. Там еще оставалась каша. И я должен был накормить Пирру. Тогда я почему-то решил, что, если это сделать, мы останемся живы. Я знаю, что такое лучевая болезнь, и все-таки тогда, на острове, я должен был принести ей эту миску... И я ее не принес.

— Наверно, слова покажутся банальными, — сказал Павлыш. — Но ваше горе — только часть горя вашей планеты. И ваш долг теперь вместе с нами вернуть ее к жизни.

— Вы правы. Конечно, вы правы. Не знаю... Простите.

— Вам надо отдохнуть, — сказал Павлыш. — В случае чего нажмите эту кнопку. Спите.

Павлыш вышел в коридор. Там стояла Снежина.

— Я слышала разговор, — сказала она. — Я все слышала. Я больше не могу. Я хочу тихо водить ракеты на Титан и возвращаться домой. Я не могу...

— Прекрати истерику, Снежка, — сказал Павлыш, — это нервы. Впрочем, знаешь что, отнеси

ему бульон. Может, отвлечется, новое лицо…

Снежина взяла поднос у дежурившего у двери робота. Через две минуты она вышла.

— Я поставила бульон около постели. Он ничего не хочет.

— Он еще чего-нибудь сказал?

— Он сказал, что у нее были такие же волосы! — Снежина, ссутулясь, быстро пошла по коридору к своей каюте.

— Ну вот, — пробурчал Павлыш себе под нос и отправился к капитану.

С капитаном был очень короткий разговор.

— Попытка — не пытка, — сказал Загребин.

Потом капитан соединился с Баковым, и тот, выслушав его, отдал приказание автоматам готовить к пуску «Аиста». Он вызвал Антипина, чтобы тот повел катер. Антипин погрузил в катер взрывчатку и смонтировал на нем мощный лазер.

Перед отлетом Павлыш заглянул на минутку в госпиталь. Девкали лежал, отвернувшись к стене. Приборы показывали, что он не спит.

Павлыш прошел к тамбуру. Через несколько минут «Аист» отделился от корабля и взял курс на остров. У Павлыша был один шанс из тысячи, но он хотел использовать этот шанс.

Примерно через час Девкали нажал кнопку

звонка и попросил принести бумагу и ручку. Снежина принесла ему и то и другое и не стала задавать вопросов.

Еще через час Девкали попросил выключить свет, и корона Вас, препоручив наблюдение за его здоровьем автоматам, вышел из лаборатории, чтобы встретить измученных бесплодными поисками Ранмакана Бауэра и Малыша. Вас принес им к тамбуру свои любимые стимуляторы.

Когда он вернулся в лабораторию, приборы перемигивались тревожными огоньками. Сердце Девкали перестало биться. Он был мертв.

В госпитале, включив свет, Вас увидел, что Девкали повесился. Рядом лежала записка. Пока корона Вас обследовал Девкали, Мозг перевел записку. Там было написано:

«Простите за все. За неоправданные надежды, за предательство, которое я совершаю по отношению к собственной планете. Но бывают такие случаи, когда один человек становится тебе дороже многих. Очень многих и себя самого. Когда-то давно-давно я обещал Пирре, что я не буду жить без нее. Она улыбнулась: тогда мы не думали, что когда-нибудь умрем. Еще раз простите. И, надеюсь, вы выполните мою последнюю просьбу — не оживлять меня снова. Я просто не хочу жить. Я верю, что вы еще найдете многих людей, которых сможете оживить. И моя планета будет вам благодарна. Я же заранее благодарен вам за то, что вы дали мне умереть. Еще раз простите.

Девкали из Лигона».

— Корона Вас, — сказал Загребин, прочитав записку. — У меня к вам просьба. Вы уже собираетесь готовить лабораторию?

— Да, — сказал Вас, прочтя записку. — Это ужасно. Разрешите я уйду к себе. Разумеется, я не буду…

Кудараускас, стоящий рядом, ничего не сказал.

Загребин посмотрел на него, ожидая фразу о том, что цивилизация… Но Кудараускас не думал об этом. Он только вспомнил, как на космодром приехала жена Антипина. Маленькая робкая женщина с пепельными гладкими волосами. Она сказала:

«Я тебя буду ждать. Хоть всю жизнь. Я не могу жить без тебя».

Антипин тогда смущенно хмыкнул и сказал:

«Ну что может со мной случиться? В космосе безопасней, чем на людной улице».

5

Шансов было мало. Так мало, что Павлыш и не очень рассчитывал на успех. И все-таки оставалась возможность, что домик, в котором была Пирра, не был свален в море лавиной. Остальное было не так страшно.

Павлыш не стал говорить о своем полете Девкали. Да и не стоило возбуждать ложную надежду и затем загубить ее через несколько часов.

Остров был таким же, точно таким же, как и три дня назад. Так же торчали из снега черные пальцы скал, и ровный снежный покров долинки у моря уходил вверх откосом лавины. Катер утоп-

тал площадку в стороне от хода лавины, затем Антипин с Павлышом выгрузили тепловое оборудование и очистили от снега долину с хижиной, у которой нашли Девкали. Широкий ручей пробил себе дорогу к океану и разливался по льду, снег с которого сдуло ураганом. Было не очень холодно, вода замерзала не сразу и покрывала лед у берега широкой блестящей пленкой. Выглянувшее на минуту большое желтое солнце отразилось в пленке воды, и та засверкала вечерними красками горного озера.

Потом началась самая трудная часть работы. Слежавшаяся гора снега, льда и обломков скал была покрепче камня. Павлыш с Антипиным попытались выяснить положение засыпанных хижин, пользуясь мелкой и плохо различимой съемкой разведдиска, — всю гору растапливать и резать было бессмысленно. Для этого требовался ядерный взрыв. Но Антипин рассудил, что лавина, прошедшая совсем рядом с уцелевшей хижиной, сдвинула остальные дома ближе к морю, у которого язык лавины заканчивался невысоким обрывом. Именно у океана, со стороны лавины, обращенной к долинке, Антипин и начал бурение.

Бур ломался. Он ломался раз шесть за четыре

часа, и Павлыш несколько раз предлагал:

— Давай, Иван, положим заряд, взорвем этот край.

Антипин отмалчивался.

Если починка бура затягивалась, он усаживался поудобнее, разбирал лазер и говорил Павлышу:

— Почитал бы чего-нибудь…

Павлыш доставал книгу, которую он читал в момент пробуждения Девкали, и снова принимался осиливать первую страницу. Он верил, что дальше дело пойдет легче.

Потом Антипин собирал бур, шел к выходу из ракеты и говорил Павлышу:

— Давай энергию. Теперь я вроде бы все понял. Будет работать.

Бур снова ломался через полчаса. Но за эти полчаса они успевали выпилить еще несколько глыб льда и породы, расплавить их и столкнуть на припай. Припай проломился у берега, и темные трещины паучьими лапами далеко разбежались по льду.

Потом они добрались до бревна. Такого же, как и те, из которых была сложена хижина. Бревно было ободрано льдом.

— Хороший знак, — сказал Павлыш. Он устал, приходилось работать обычной киркой и даже

оттаскивать глыбы руками, как в каменном веке.

— Перекусим, — сказал Антипин и полез обратно в ракету. — После обеда работается веселей.

— Ты очень спокойный и правильный человек, — сказал Павлыш. Как только ему предложили покинуть поле боя, ему захотелось вдвое яростней бороться со льдом и скалами.

— А я правду говорю, — сказал Антипин. — Да и на связь пора выходить. — Его лицо посерело, и на курносом носу собрались капельки пота.

Уже совсем стемнело — трехчасовой полярный день кончился, но сумерки обещали продлиться еще долго.

Пока обед грелся, Антипин связался с «Сегежей». Загребин — он уже вышел на вахту — спросил их, как успехи. Павлыш сказал про бревно и про то, что часа два-три они еще поработали бы. Хоть надежд немного.

Загребин сказал:

— Вот что, Павлыш. Вы уж лучше не спешите. Переночуйте и с утра еще покопайтесь в этой горе. Ваше присутствие на корабле пока не требуется. Понятно, что я сказал?

— Понятно-то понятно, — ответил Павлыш. — Но я думал, если часа через три ничего не по-

явится, отправиться обратно.

— Не спешите, — повторил Загребин. — Было бы неплохо, если бы нашли. Да, если что надо — еду ли, энергию, — пришлю резервный диск. Если людей нужно, тоже пришлю.

— Что-нибудь случилось с Девкали? — спросил Павлыш, почуяв неладное. По инструкции, резервный диск не должен покидать корабль, за исключением случаев чрезвычайных.

— Ищите, — сказал капитан. — Это очень важно. До связи.

— Ну и что скажешь? — спросил Павлыш Антипина.

— Ясное дело, случилось что-то, — сказал Антипин. — Сворачивай обед, пошли в тамбур. Где твой шлем?

— Может, мне выйти на связь еще раз?

— Ага, вот твой шлем, — сказал Антипин. Больше механик ничего не сказал: он вообще был не очень разговорчив.

В темноте работали под светом прожекторов катера. Спать не хотелось. Нашли еще несколько разбитых и растрепанных бревен, кастрюлю, расплющенную в лепешку, какие-то тряпки. Каждая находка была как птица, как плывущий по волнам кокосовый орех или пальмовый лист,

указывающий, что берег где-то неподалеку. Но где?

Потом эти знаки исчезли. С час работали, не находя ничего. Громадная полость образовалась в теле лавины.

К утру вернулись в ракету и снова вышли на связь. Загребин не спал. Павлыш сказал:

— Мы, Геннадий Андреевич, сделали дырку до центра планеты. И ничего нет. Будем возвращаться. Не возражаете?

— Возвращайтесь, — сказал Загребин. Помолчал немного и добавил: — Вот что, я все понимаю, наверно, вам надо вернуться. Девкали умер. Повесился. И вот такую записку оставил…

Капитан прочел записку Девкали. Потом сказал:

— Я на прошлой связи не хотел вам говорить. Тогда вы только начинали работу. Теперь, судя по вашему сообщению, надежд не осталось. Возвращайтесь, что делать… До связи.

— До связи, Геннадий Сергеевич, — сказал Павлыш и посмотрел на сумрачного, заросшего суточной щетиной Антипина.

Антипин кивнул:

— Мы еще поработаем.

Солнце выползло на край горизонта и снова

пропало за облаками, когда за бревнами они нашли изломанное лавиной тело женщины.

И тогда они, перетащив его на катер, улеглись спать, с трудом заставив себя задраить двери и потратить пять минут на дезактивацию. Они спали до вечера и не отвечали на запросы «Сегежи».

— Павлыш, Антипин! Павлыш, Антипин! Что с вами? Высылаем спасательный диск, — повторял Баков.

— Верните свой диск спать, — сказал Павлыш, не открывая глаз. — Хочется спать. Всем хочется спать.

И, не сказав больше ни слова, он снова уснул и проспал еще четыре часа.

6

Снова было пробуждение. Еще борясь с черной водой смерти, Девкали осознал себя. Организм его боролся за жизнь, но сознание упорно цеплялось за спокойствие, за сон, за ровную бесконечность. Уже почти очнувшись, он услышал голос Пирры, которая звала его обратно к жизни, но он сопротивлялся и этому голосу, понимая, что голос — только иллюзия, рожденная его мозгом или созданная техникой пришельцев.

— Девкали, очнись, я здесь, — слышал он голос Пирры.

Потом голос Павлыша:

— Это труднее, чем в прошлый раз. Он не хочет жить. — Павлыш говорил на лигонском языке, хотя говорил еще плохо.

— Девкали, — снова сказала Пирра.

Голос ее был очень похож на настоящий, живой голос Пирры.

Потом откуда-то издали прозвучал механический голос:

— Введите стимулятор. Я оставил его на пульте, слева.

Девкали почувствовал укол и почти немедленно понял, что совершенно жив и здоров и может открыть глаза. И с пониманием этого возникло озлобление. Не открывая глаз, он сказал:

— Я все равно уйду. Сколько раз…

— Девкали, — сказала тогда Пирра. — Не будь ребенком.

Этого они не могли бы сделать. Это могла сказать только сама Пирра. И Девкали, не смея поверить голосу, открыл глаза.

Пирра смотрела на него золотыми, влажными глазами, улыбалась и сердилась одновременно. Это с ней бывало, когда у них делали последний

обыск и сыщик достал из-под шкафа много месяцев назад забытый там мяч для игры в продо и приложил его к уху — проверить, не бомба ли это замедленного действия. «Бомба, — сказала тогда Пирра, — сейчас взорвется». Девкали смотрел на Пирру.

— Ну вот, — сказал Павлыш. — Я пойду, у меня дела в лаборатории. Срочные дела.

7

Тело Ранмакана нашли на восьмой день после убийства капитана. В тридцати с лишним километрах от «Сегежи», среди холмов. По следам удалось узнать, что в последние два дня он брел обратно к кораблю, но заблудился, потерял силы.

Ранмакан был без скафандра и без пистолета. И то и другое он, видно, выбросил в пути. Также он потерял и коробочку лингвиста. Правда, сам Ранмакан этого не помнил.

Когда его во второй раз вернули к жизни и он стал вторым в Галактике дважды воскресшим человеком, он уверил Бакова, что ни с пистолетом, ни со скафандром не расставался.

Очевидно, он потерял все это уже в бреду, не владея собой.

За вторичным оживлением Ранмакана никто не наблюдал, никто не волновался, удастся ли опыт с ним. И, увидев его на следующий день бредущим опасливо по коридору, Кирочка Ткаченко громко и отчетливо сказала Глебу Бауэру:

— Будь моя воля…

— Понял, дуся, — ответил Глеб. — Сегодня он треть населения планеты. Правда, худшая треть. Может, его еще удастся сделать человеком.

Глава пятая
КУПОЛ НА ОКРАИНЕ МАНВЕ
1

Капитан Загребин не любил сумерек. Длинных весенних сумерек, полных глубоких синих теней и особенной напряженной тишины. Он не любил их даже на Земле. Здесь же, на Муне, лишенной птичьего гомона и шелеста листьев, сумерки казались ему особенно удручающими. В последние дни ему снова хотелось курить, и в сумерках он часто подходил к прикрепленной под экраном пепельнице и рассеянно постукивал по ней ногтем указательного пальца. Кудараускас, который поспорил с Павлышом, что капитан вернется-таки к старой привычке, незаметно улыбался, слыша этот стук.

Чтобы разогнать сумеречное настроение, капитан отходил от экрана, поворачивался — руки в карманах — к главному пульту и, глядя в затылок трудолюбивому Кудараускасу, говорил:

— Зенонас, кстати, я вам не рассказывал, как у нас на третьем курсе?..

Если даже Кудараускас и слышал уже эту историю, он не говорил об этом, предпочитал ее

выслушать снова. Он считал рассказы мастера простительной слабостью, лишась которой, тот придумал бы себе другую, может быть, опаснее для окружающих. Например, начал бы собирать камни, как Фукс с «Нептуна». Потом в одном бы оказались бактерии, которые слопали весь урожай мандаринов на Земле и обошлись в год работы нескольким сотням биологов, а капитану Фуксу — в диплом капитана дальнего плавания.

Капитан отвечает за груз своего корабля.

Корона Аро любил сумерки — сумерки напоминали корону, далекую от звезд, спрятавшуюся, чтобы не замерзнуть под толстым слоем облаков. Аро приходил на мостик, спрашивал разрешения капитана и садился на пол у локатора, обернув хвост вокруг себя. Аро смотрел на серое небо большого экрана с искренним удовольствием и слушал истории, происходившие с капитаном в богатом событиями космическом училище. Корона Аро был неразговорчив, но неразговорчивость эта проистекала от скромности. Он стеснялся своей громоздкости, стеснялся того, что приходится пользоваться лингвистом, отчего он упускал «душу» разговоров. Аро предпочитал слушать.

На пустыре за городом машины расплавили почву на круге диаметром в полкилометра и

над гладким непроницаемым полом возвели прозрачный купол. Девкали с Малышом ездили несколько раз на Еже в город и привезли множество необходимых для жизни предметов. Предметы росли горой у шлюза купола и ждали очереди на дезактивацию.

Строительством первого дома ведали два пьи. Пьи уступали жителям Манве в росте, и кожа их при свете фонарей казалась чуть зеленоватой. Оба пьи были охотниками. Война застала их высоко в горах, и они укрылись от взрывов в пещере, где и умерли от лучевой болезни. Пещеру случайно нашел Антипин во время разведочного полета к столице пьи, за четыре тысячи километров от Манве. У членов экспедиции появилась уже привычка, условный рефлекс, заглядывать на всякий случай в самые невероятные места, — каждый новый житель планеты Муна доставался после долгих трудов, поисков и неудач. Иногда казалось, уже не найти больше никого, и все-таки обязательно наступал день, когда, возвращаясь из очередного полета, разведчики радировали:

— Передайте Вас, пусть готовит аппаратуру.

И наступал праздник.

Уже шел третий месяц, как «Сегежа» приземлилась у Манве, но праздничных дней было всего

шесть.

О том, чтобы очистить планету от радиации, не приходилось пока думать. Это была задача не под силу «Сегеже» и даже самой природе, — пройдет еще много лет, прежде чем люди смогут снова ходить куда хотят и когда хотят по улицам и холмам планеты Муна.

— Мы наблюдаем с вами рождение совершенно новой цивилизации, — сказал корона Аро. — Был Адам, потом появились еще двое — они были больше похожи на настоящих Адама с Евой, — теперь люди будут плодиться и умножаться. Я правильно цитирую Библию?

— Честно говоря, я ее не читал, — сознался капитал. — Я сначала опасался, что могут быть какие-нибудь раздоры между лигонцами и пьи. Все-таки враждующие народы.

— Они уже не враждующие народы, — сказал Аро. — Они не народы.

— Они должны стать одним народом.

— Ранмакан откуда-то достал жвачку, — сказал Кудараускас, который теперь с особым вниманием следил за жизнью Адама планеты.

Ранмакан отталкивал его чем-то, и в то же время характер его гипнотизировал Зенонаса. Зенонас обязательно должен был знать, где нахо-

дится и что делает сейчас Ранмакан.

— Это ему Девкали привез из города, — сказал Аро.

— Она не вредна? — спросил Кудараускас.

— Не вреднее курения. Легкое наркотическое средство.

— И все-таки, может, не стоило завозить ее в купол? — спросил Загребин. — Поговорить с Девкали? Курение — очень вредная привычка.

— Не надо, — сказал Аро. Он поднялся и подошел поближе к экрану. Хвост вяло волочился за ним по полу. — Это не наше дело.

— Не наше? — спросил несколько агрессивно Кудараускас. — Неужели мы дадим им вернуться к прежнему?

— Пока нет ничего, что указывало бы на такую опасность, — сказал Аро, глядя, как на экране маленькие фигуры людей суетились вокруг роботов, втаскивавших балки перекрытий на строящийся дом.

— Сначала жвачка, старая привычная жвачка, потом другие не менее привычные наркотики и поступки. Потом нас попросят удалиться потому, что мы уже сделали свое дело. И все начнется снова.

— Вы очень удобный оппонент, Зенонас, —

сказал Аро. — На вас можно проверять свои сомнения. Вы неправы хотя бы потому, что на ближайшие годы люди планеты зависят от нашей помощи. Они не смогут покинуть купола.

— Я не говорю о завтрашнем дне, — сказал Кудараускас. — Я стараюсь смотреть в будущее.

— Мы туда заглянуть не сможем. Пока, — сказал Загребин. — Но, по-моему, нет оснований для пессимизма. Самое трудное позади. Самое трудное было вернуть к жизни первых людей. Теперь они сами заботятся о себе и, насколько понимаю, не собираются быть нашими нахлебниками. Поговорите с Девкали.

— Девкали — особый случай, — сказал Кудараускас. — Он и до войны был исключением.

— Ну, не таким уж исключением…

— И все-таки таких, как он, которых боялись настолько, что ссылали на далекий остров, — таких было немного.

— Павлыш много разговаривал с Девкали, — сказал Аро. — Если Девкали занят, поговорите с Павлышом. Он вам расскажет о нем и Пирре много интересного.

— Да я и так знаю.

Вошел Малыш. Сказал:

— Через пять минут отправляем капсулу по

галактическому каналу связи. Дополнений не будет?

— Совсем забыл, — спохватился Аро. — В аппарате выгорели кристаллы настройки. Если их не пришлют нам грузовым кораблем в ближайший месяц, мы пропали. Мы не сможем продолжать работу.

2

Пирра кормила пса. Это был пес охотников-пьи: его Малыш нашел в той же пещере. Пса переселили под купол первым, раньше людей. Псу под куполом не нравилось — было скучно и ничем не пахло. Он подбегал к стене, чуть матовой у основания, и вглядывался в дождливый мир снаружи. Псы на Манве, длиннохвостые, длинноногие (кстати, не хищники, а грызуны), не лают. Пес попискивал и царапал лапой стенку купола. Когда утром в купол приходили на работу люди, пес встречал их у тамбура, катаясь от радости по гладкому стекловидному полу. Пирра приносила ему из кухни объедки, и пес подолгу копался в них, отыскивая для себя экзотические и соблазнительные кушанья.

— Ешь, пес, — говорила Пирра, — Малыш най-

дет тебе компанию. Малыш обещал.

Пес не знал, что такое компания, но все равно вежливо мотал головой, продолжая копаться в объедках.

— Здравствуй, Пирра, — сказала Кирочка Ткаченко, незаметно подойдя сзади.

В руках у Кирочки был пакет с удобрениями, а сзади стоял понурый робот, переданный для огородных работ. Может быть, робот и не был понурым, но это сказал о нем корона Вас, и все поверили Вас и с тех пор говорили, что робот опечален, что ему не хочется копаться в земле на маленьком, насыпанном в дальней стороне купола питомнике.

За огород отвечала Пирра. Когда-то до ареста Пирра была агрономом. Теперь она сама нашла и принесла на «Сегежу» семена и ветви некоторых растений. Вас оживил их.

Девкали и Пирра уже были знакомы с коронами. Они сами попросили об этом. Корона Аро, менее занятый в лаборатории, нередко разговаривал с Девкали, хотя все равно лучшим другом того оставался Слава Павлыш. У них вообще были отношения особого рода. Девкали считал Павлыша своим трижды спасителем. А Павлыш втайне гордился тем, что они с Антипиным не вернулись на «Сегежу», когда уже не осталось никаких надежд…

Кирочка с Пиррой подошли к огороду, окруженному невысоким забором, чтобы пес не забрался на плантации.

Пес бежал за ними и делал вид, что его планта-

ции совершенно не интересуют. Это была явная неправда, и потому женщины захлопнули дверь перед его носом. Пес раза два пискнул и тут же, забыв о Пирре, побежал к строителям.

Первый дом был уже почти готов. Дом был одноэтажный, длинный, с высокой покатой крышей. Он был разделен на две половины: на одной жили Девкали с Пиррой, на другой было несколько комнат, которые занимали пьи, Ранмакан и сутулая пожилая прачка из пригорода Манве. Прачка тосковала по своей большой семье, погибшей в один миг во время взрыва, и по ночам стонала во сне, несмотря на успокаивающие лекарства, которые ей давали Вас и Павлыш.

Девкали с одним из охотников-пьи красил дом. Стремянку держал Малыш. Он ждал очереди покрасить. Окраска домов и заборов, как известно, еще со времени Марка Твена вызывает в наблюдателях желание включиться в этот процесс. Малыш от таких наблюдателей ничем не отличался. Он пришел под купол с полчаса назад, чтобы проследить, как роботы монтируют связь, но, на его счастье, робот сломался, и Антипин, углубившийся в его чрево, уверял, что раньше, чем к обеду, машину в строй не вернет. Чем хуже, тем лучше, — Малыш уговорился с Девкали,

что подменит его, как тот устанет, тем более что Девкали обещал Павлышу позаниматься с ним лигонской фонетикой.

Второй охотник-пьи — настолько маленький, что ростом уступал Малышу, — сколачивал разобранный при перевозке стол. Работа охотнику нравилась. Он мурлыкал какую-то заунывную песню, набрав, совсем как плотник на Земле, полный рот гвоздей с треугольными шляпками.

Только Ранмакан не участвовал в строительных работах. И тому были причины. Ранмакан широкими шагами мерил соединительный туннель между «Сегежей» и куполом и думал. Кудараускас неосторожно намекнул ему, что каждое слово, написанное первым жителем Муны, представляет неоспоримый интерес для Галактики. И Ранмакан обдумывал свои мемуары. Лучшим местом для этого был длинный соединительный туннель. Туннель был прозрачным, и Ранмакану казалось, что он гуляет по открытому полю. Кроме того, в туннеле был хорошо слышен стук дождевых капель, и это организовывало мысли. Для творческого процесса полезно было смотреть на дальние холмы, хотя с ними у Ранмакана были связаны очень тяжелые воспоминания — именно там он бродил, разуве-

рившись, что может встретить хоть кого-нибудь. Однажды ему показалось, что он увидел человека в скафандре; он бросился к нему по осыпи, сбрасывая вниз камни, но человек оказался бредовым видением. Когда Ранмакан добежал до скалы, там уже никого не было…

3

Ранмакан принес первую часть своих мемуаров в каюту к Кудараускасу. Мемуары были написаны от руки, ровным канцелярским почерком, и, когда Ранмакан ушел, Зенонас прошел в сектор Мозга и уговорил вахтенного механика Кирочку Ткаченко отдать ему ровно пять минут времени Мозга, чтобы тот перевел мемуары. За это Зенонас пообещал дать их почитать Кире, конечно, с разрешения автора. В последнем Зенонас не сомневался. Ранмакан уже намекнул ему, что собирается писать продолжение и, может быть, даже роман о последних днях жизни планеты Муна.

Машина расшифровывала текст минут десять. Текст был не длинным, но мозг еще плохо разбирался в индивидуальных почерках. Кирочка недвусмысленно поглядывала на часы, а Куда-

раускас делал вид, что ничего не замечает, и рассказывал, как он завоевал первенство Вильнюса по эспадрону.

Вернувшись к себе в каюту, Кудараускас восемь раз выжал шестидесятикилограммовую штангу, потом позанимался десять минут с гантелями. Ему очень хотелось немедленно усесться за рукопись, но именно поэтому он не пропустил ни одного упражнения. Затем возникло желание лечь с мемуарами на диван. Это тоже было слабостью. Кудараускас сел на жесткий стул, включил настольную лампу и начал читать:

«Мемуары-воспоминания Ранмакана из Манве, бывшего таможенного чиновника, а ныне первого человека, возрожденного к жизни с благородной и бескорыстной помощью пришельцев, представителей Галактического центра, а также планет Земля и Корона.

Часть первая, посвященная моей первой жизни.

Я родился тридцать лет назад в городе Манве, в семье таможенного чиновника, и имел трех братьев, с которыми потерял связь, потому что один ушел в армию, вто-

рой умер от весенней горячки, а третий уехал искать работу в Лигон. Мой отец и мать тоже умерли в положенное им время. Их участь была счастлива, потому что им не пришлось уйти в дом стариков по достижении шестидесятилетнего возраста. (Чтобы было известно: в Лигоне существовало правило, по которому потерявших трудоспособность бедняков низших каст забирали в дома стариков, после чего связь с ними прерывалась, а старики умирали от голода и плохого обращения.)

Я кончил обязательные три класса, положенные для детей чиновников восьмого разряда, и был определен на таможню в ученики писаря. Моя карьера была несколько замедленна, потому что я поддался совету своего товарища, который неразумно призвал меня участвовать в забастовке. После этого моего товарища выслали из города, а меня, простив ввиду молодости и наивности, оставили учеником на три лишних года. С тех пор я не участвовал в забастовках и волнениях и не был замечен в связях с врагами нашего

государства.

Я все время жил в Манве и только один раз ездил в город Лигон, где расположена столица нашего государства и где живет наше правительство Разумных. Там я видел много интересного, а также наблюдал, как Разумные выходят из сенатского дома при звуках оркестра. Теперь я должен рассказать об удивительном приключении, имевшем место во время моего пребывания в Лигоне.

Однажды, когда я возвращался ночью в гостиницу и был в хорошем расположении духа, на меня напал грабитель и отнял у меня пальто и витой браслет. Я заявил об этом в полицию, но, к сожалению, вещи не были возвращены, а я был вынужден платить за переписку жалобы по форме на гербовой бумаге.

После окончания этого приключения я вернулся в Манве, наш мирный город, лежащий на берегу моря. Мне приходилось видеть во время моей работы различных людей, особенно моряков, которые приезжали в наш город. Я записывал вещи, отобранные у них при осмотре старшими

таможенными чиновниками. Так я впервые увидел настоящих пьи, которые в то время еще не были нашими смертельными врагами, а были союзниками в борьбе против колмаев. Однако уже тогда мне не понравились пьи за их небольшой рост, цвет кожи и умственную ограниченность.

Вечером я ходил в визор, смотрел картины, особенно если там были шпионы пьи или колмаи и их били и побеждали наши во имя Свободы и Разумности.

Среди моих друзей были состоятельные люди и даже сын владельца лавки, что у самого входа на второй причал. Его звали Бессмертным, потому что отец давал ему в детстве пить настойку белого корня. Бессмертный входил в отряд Охраны собственности и имел форму с кантами. Если бы я не был сыном таможенного чиновника, я бы тоже входил в отряд. Когда били бунтарей на площади у замка, я ходил смотреть и тоже кидал в них камнями, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь вспомнил про мою забастовку...»

На этом месте Кудараускас прервал чтение. Он

аккуратно подчеркнул строку, в которой говорилось о белом корне, — надо узнать подробнее. Потом подчеркнул и фразу о бунтарях.

Кудараускас знал по справочнику, сделанному Мозгом на основе прессы, книг и расспросов людей, что Лигонское государство управлялось по сложным и древним традициям. В республике сохранялось множество наследственных каст, разделенных социальными барьерами. За чистотой каст следила полиция, а в последние десятилетия, полные сложной борьбы внутри общества, — специальные отряды, составленные из людей средних и высших каст. Кастовая система несколько раз находилась на краю гибели — ее подрывали силы, рожденные развитием техники и науки: рабочие заводов, интеллигенты низших каст. Избыток давления снимался войнами, которые вел Лигон. В армию в первую очередь попадали недовольные, которые составляли отряды смертников.

Девкали, по происхождению патриций (так перевел это слово лингвист), был одним из руководителей неудавшегося восстания на золотых приисках в горах за Лигоном. Когда восстание было подавлено, а участники его либо казнены, либо отправлены в смертники, Девкали и еще

четырнадцать человек (включая Пирру), принадлежавших к высшим кастам, сослали на верную смерть на необитаемый полярный остров. Казнить их было нельзя — члены высших каст не могли быть ни казнены, ни посажены в тюрьму. Их можно было только переселить в другое место. Что и было сделано.

«Я вспоминаю, —

продолжал свои мемуары Ранмакан, —

как однажды ко мне пришел Бессмертный и сказал, что я хороший чиновник и когда я проработаю еще несколько лет, то мне разрешат жениться на девушке из седьмого чиновничьего разряда и наши дети тоже перейдут в седьмой разряд. Я был очень благодарен, а Бессмертный сказал, что мои услуги нужны стране, которой угрожают новые заговорщики. Он мне велел пойти к учителю Паону и сказать, что я люблю читать книги, и потом брать их и читать. А если учитель скажет, что я могу быть полезным, то вопросов лишних не задавать, а сказать при случае, что я недоволен правительством

и моим заработком. Я очень испугался и сказал, что я всем доволен. Бессмертный сказал, что я дурак, — это метод борьбы с врагами. И я согласился, но, когда я возвратил учителю первую книгу, он спросил меня, о чем она была, и я сказал, что против правительства, потому что я ее не читал. А учитель засмеялся и сказал, что это была хрестоматия для отрядов охраны Разумности. И он сказал, что из меня никогда не получится провокатор. Потом я рассказал об этом Бессмертному, и тот на меня разозлился и сказал, что таким, как я, не место в седьмом разряде чиновников. А учителя все равно потом арестовали и сделали ему операцию, после которой он мог работать только в шахте, где добывали уран. И он, конечно, пропал.

Потом начались угрозы со стороны пьи. Они наши враги. Я их встречал и видел в порту. Они производят неприятное впечатление. Они молятся живому богу, что является гнусным суеверием, и еще они приносят в жертву живому огню пленных и детей. У них нет атомных бомб, а

те, которые есть, не взорвутся. Я слышал, как говорили на улице, что пора всех зеленых варваров прижать к ногтю. И я тоже согласился, и мы пошли жечь их. Дом послов. Мы сожгли дом, и в газетах писали про то, что мы — благородные патриоты.

Перед войной были еще непорядки на военном заводе в нашем Манве, потому что рабочих перестали выпускать домой. Тогда несколько рабочих сожгли на нефтяных кострах, а еще некоторых отправили в отряды смертников. Но оставшиеся все равно не хотели работать. Тогда их куда-то увезли, наверно, на урановые рудники, а вместо них привезли крестьян с гор. Крестьяне работали плохо, и меня и еще других чиновников восьмого и седьмого классов мобилизовали работать на заводе после окончания рабочего дня. Мы очень уставали и тоже работали плохо. Мы боялись, когда была тревога, но убежище было далеко от нашего цеха, и мы редко бегали туда. Потом говорили, что пьи изобрели смертельный газ, которого достаточно, чтобы уничтожить все

живое, но у нас были такие бомбы, что мы тоже могли уничтожить все живое. Потом началась война, начались настоящие тревоги. Однажды, когда загудели ревуны, я побежал в склад, где меня потом нашли благородные пришельцы.

Во второй части я расскажу о том, как я попал на корабль пришельцев и стал самым первым человеком на нашей планете и как я думал, что эти пришельцы, ныне уважаемые мной люди, пришли, чтобы с помощью пьи покорить нас и лишить нас свободы».

Кудараускас отложил рукопись и лег спать. Вахта начинается в шесть, и надо успеть хорошо выспаться.

Во сне Кудараускас видел, как Ранмакан забрасывает камнями бунтарей на площади и среди бунтарей почему-то оказался и он, Кудараускас.

4

— А я знаю этого Бессмертного, то есть знал, — сказал Девкали. — Тогда он был еще совсем молоденьким негодяем. Лет двадцати. Нас привезли

в Управление секретной полиции. И пытали.

— Разве вас можно было пытать? — удивился Павлыш. — Ведь тело патриция — неприкасаемо.

— Вы не дали договорить, Слава. Пытали Торна, учителя Свемаи, то есть тех, кто из низших каст. Но пытали их в нашем присутствии. Представьте подвал, надвое разгороженный решеткой. По одну сторону мы — четырнадцать отщепенцев, предателей своей касты, по другую — негодные бунтари, простолюдины. Их пытали. Мы смотрели. Знаете, порой лучше, когда пытают тебя самого. Еще три дня назад ты сидел с ними — я имею в виду учителя Свемаи, — сидел с ним в бараке и отчаянно спорил: выпускать заложников или нет? Я настоял. Заложников выпустили. Заложники потом провели солдат через тайный перевал. Так вот, три дня назад это был Свемаи, и ты никогда не думал, что он может так кричать… Бессмертный был одним из добровольцев-палачей. Я запомнил его имя. Я думал, что когда-нибудь с ним встречусь.

— Вы знали, что будет война? — спросила Снежина.

Она вела Великана. Рядом с ней сидела Пирра, остриженная и тонкая в пришедшемся ей впору

скафандре Малыша.

— Мы надеялись, что ее все-таки не будет. Не будет большой войны. Страх окажется сильнее жажды разрушать. Но в мире накопилось столько оружия, что началась цепная реакция бешенства. На наш остров не заходили суда — он был помечен на картах как запретная зона. Зона испытаний ядерного оружия. Хорошо еще, что ни одна ракета не приземлилась нам на голову. Но у нас был приемник. Мы нашли его сломанным в хижине: раньше здесь жили промышленники, охотники за морскими драконами. Среди нас был один инженер. Он умер дня за три до войны. Он починил кое-как приемник. Приемник иногда…

— …если ему хотелось, — вставила Пирра.

— …если у него было хорошее настроение, доносил до нас отрывки последних известий или музыкальные передачи. В последнее время передавали в основном боевые марши. Мы по тону передач понимали, что в любой момент может начаться война, — в эфире копилась умело разжигаемая ненависть. Мы не могли даже рассчитывать на то, что сами доплывем до земли. Три тысячи километров льдов и океана.

Вездеход задрожал, карабкаясь по каменной россыпи к седловине. «Сегежа» осталась далеко

позади, и вокруг теснились холмы, кое-где покрытые плесенью, мхом и мертвыми стволами деревьев.

— Деревья погибли от газа, — сказала Пирра. — Пьи прибегли к нему, когда поняли, что терпят поражение, — их основные центры были уничтожены. Газ погубил и тех, кто остался жив в бомбоубежищах.

— Да, мы летали к столице пьи, — сказал Павлыш. — Ее не существует. Вы там бывали?

— Нет, мне не давали заграничного паспорта, — ответила Пирра.

«На Земле Пирру приняли бы за учительницу алгебры — она суховата, размеренна и как-то подчеркнуто интеллектуальна. Ей бы пошли очки в тонкой оправе, — думал Павлыш. — И рядом Снежина — вся несколько преувеличенная: слишком пышные волосы, слишком мягкие губы, слишком большие глаза и вообще слишком красивая...»

— Вчера Лещук еще одно бомбоубежище нашел. На окраине, за портом, — сказала Снежина.

— Наверно, построили перед самой войной. Раньше в том районе был ипподром — собачьи бега, — сказал Девкали.

— Да, перед самой войной, — Ранмакан так и сказал. Он с Лещуком ездил на Еже и показал

место.

— Ну и что?

— Там была подземная площадка для ракет. Ракеты были выпущены. А под базой, на глубине метров сорока, находился бункер со всем необходимым для жизни и даже запасами жидкого воздуха.

— Не может быть! Неужели все-таки нашли их? — Пирра прижала ко рту сухой кулачок. — И они погибли?

— Они умерли не сразу — бомбоубежище не пропустило газ и защитило их от взрывов. Они умерли позже. Радиация снаружи не спадала, воздух истощался. Им стало страшно. Они дрались между собой. Там была жуткая битва. Несколько человек пережили ее — они умерли позже, когда радиация все-таки проникла в бункер. А может, когда кончился воздух. Еды у них было достаточно.

— Представляешь… — сказала Снежина, не оборачиваясь; вездеход осторожно крался по краю обрыва. — Уже всех на планете убили, а сами живут. Вот страшно-то им было.

— И вы будете их оживлять? — спросил Девкали. В голосе его звучало сомнение в необходимости такого шага.

— Там были крысы, — сказал Павлыш. — Очень много крыс. Ведь продовольственный склад.

— Я, конечно, не могу указать вам, кого возвращать к жизни, кого нет, — сказал Девкали. — Тем более, что нас очень мало. Но мне хотелось бы, чтобы наша планета жила в будущем хорошо. Вы меня понимаете?

Пирра протянула ему руку, и Девкали накрыл ее своей ладонью.

— Я согласен, — сказал Павлыш. — И наверно, если бы дело дошло до оживления, капитан бы поговорил с вами.

— А я не согласна, — возразила Снежина. — Я думаю, что на всей планете наберется едва ли сотни три-четыре людей, которые не имеют права жить. Другие хоть и были преступниками, убийцами, когда родятся вновь, волей-неволей станут другими людьми. Ведь раньше вся их жизнь, все воспитание толкало к таким поступкам.

Никто не поддержал Снежину. И ей непонятно было, соглашаются с ней или нет.

— Долго еще? — спросила Снежина, чтобы нарушить молчание.

— Нет, километров пять осталось, — сказала Пирра. — Жалко, дорога так разрушена, мы бы уже были там.

— Ранмакан сказал мне как-то, — заговорил снова Павлыш, — что не знает, можно ли ему жить с вами в одном доме. Все-таки разница в кастах. Большая, он сказал, разница.

— И вы рассмеялись?

— Улыбнулся, а что?

— А ведь он до сих пор свои вещи, правда их пока немного, не перенес с корабля. Для него жить в одном доме с патрициями — второе крушение мира, причем он должен принять в этом крушении активное участие. Войну за него придумали. Переехать в один дом с патрициями он должен сам, своими руками совершить тяжкий грех. А вдруг вернется старая власть? Что тогда?

— Ну, не так уж он глуп, чтобы понимать, что старая власть не вернется. Тем более после визита в бункер.

Вездеход снова въехал на прилично сохранившийся отрезок дороги и мягко побежал по брусчатке.

— Сейчас будет поворот. За ним ворота, — сказала Пирра. — Когда-то эти холмы были очень красивы. Зеленые, веселые, птицы поют.

— Ну, у вас в саду под куполом тоже птицы есть.

— Только одна птица. Корона Вас восстанавли-

вал ее по частям скелета, и она разучилась петь. Может, еще научится.

За поворотом дороги обнаружилась ветхая, серая от дождей и ветров арка. На ней надпись на лиговском языке. Павлыш и Снежина уже могли прочесть ее:

«Горный ботанический сад».

5

Поездка в Горный ботанический сад была нужна всем обитателям купола. Очистка воздуха требовала много энергии, которая была нужна для других дел. А кроме того, «Сегеже» не вечно сидеть на планете. Она улетит. Люди останутся здесь. Значит, нужно, чтобы купол сам себя снабжал чистым, незаряженным воздухом, по крайней мере до тех пор, пока сюда не прибудут стационарные дезактиваторы.

На совещании у капитана, посвященном этой проблеме, Пирра вспомнила, что когда-то проходила практику в Горном ботаническом саду. И там работал старик биолог: выращивал кустарник с повышенной активностью жизненного цикла; кустарник активно поглощал углекислоту

и вырабатывал кислород. Старик предполагал использовать его в шахтах и в цехах с плохой вентиляцией, — выделение кислорода растением прекращалось только в полной темноте. Достаточно было слабого источника света, и маленькая кислородная фабрика начинала работу. Тогда, до войны, растение ученого никому не понадобилось — в шахтах трудились и умирали рабочие самых низших каст, а их в Лигонской республике было много. Пирра сказала, что помнит дорогу к Горному ботаническому саду, помнит, где должны находиться делянки с тем кустарником. Если их, конечно, не выкорчевали за те годы, что прошли со дня ее ареста.

Выехали затемно и до ботанического сада добрались к одиннадцати часам, — дорога была плохая да и сад находился сравнительно далеко от города. Он располагался в глубокой, защищенной от ветров долине, в которой, по словам Пирры, сохранялось несколько реликтовых видов растений. Это и определило выбор такого отдаленного места для ботанического сада.

— Здесь жили энтузиасты, — сказала Пирра, когда вездеход остановился у небольшого белого дома с выбитыми стеклами. — Они получали гроши, их презирали патриции. В общем, здесь

было интересно.

За домом начинался густой зимний лес. Вернее, это был мертвый лес, но Снежине он показался зимним, только сбросившим листья и готовым снова распуститься, как только пройдут холода. На некоторых деревьях еще сохранились привязанные проволокой таблички с их названиями, и забытая лесенка у одного из них как бы напоминала: хозяева здесь люди и они должны вернуться.

— Я сначала загляну в дом, — сказала Пирра.

— Я с тобой, — сказала Снежина.

Женщины вошли в дом. Снежина уже привыкла к тишине и гулкой пустоте домов планеты. Но этот дом показался ей не таким мертвым, как дома в городе. В одной из комнат у стены стояло два длинных стола, уставленных пробирками и банками с семенами. На стене висели застекленные гербарные листья; срезы стволов в углу были еще свежими, не посеревшими от времени.

Пирра подняла с полу толстую тетрадь, развернула ее.

— Тетрадь наблюдений, — сказала она. — Это его тетрадь, того старика. Как же его звали? Вот удивительная вещь — почерк его запомнила, а имени не помню. Последняя запись… — Пирра

перелистала тетрадь. — Последняя запись… Она уже сделана не им. И последние страницы заполнены другим почерком. Наверно, с ним что-то случилось еще до войны. Может быть, он умер. Или уехал. Хотя это все равно. Тетрадь нам пригодится. По крайней мере, мы теперь знаем, что они работали над этим кустарником до последнего дня. Старика здесь любили. Вздорный был старик, но очень добрый и мудрый.

— Что нового? — спросил, подходя к узкой дыре окна, Павлыш.

— Сейчас идем, — ответила Пирра. Она раскрыла гербарную папку. —Так и думала. Вот этот лист — видишь, узкие, раздвоенные на концах листочки — это то, что нам нужно. Даже если мы не найдем самой делянки, корона Вас сможет восстановить растение?

— Сможет, — сказала Снежина. — Корона Вас — волшебник. И умница.

— Только очень страшный, — созналась Пирра. — Я сначала его боялась.

Они шли по узкой аллее. Иногда Пирра останавливалась и надламывала сучок; сучки были сухие и с треском поддавались пальцам. Пирра бросала сучки на землю.

Над аллеей массой ветвей навис лесной вели-

кан; вокруг него земля на несколько сантиметров была покрыта длинными сухими иглами. Пирра подобрала несколько шишек и проверила, сохранились ли в них семена. Положила шишки в карман скафандра и потом сказала Девкали:

— Напомни на обратном пути взять банки с семенами из лаборатории.

— Хорошо вам, ботаникам, — сказал Павлыш. — Раньше сажай зернышко в землю и жди неделями, пока оно вырастет, если прорастет. А с помощью корон: сдал семена в лабораторию — через полчаса заходи за саженцами.

— Как раз у нас основная работа все равно останется неизменной, — возразила Пирра. — Саженец мы получим, а остальное — наше дело. Пока из него вырастишь дерево, все равно годы пройдут. Да и одним деревом не обойдешься — у нас впереди знаешь сколько работы. Это вам, врачам, теперь делать будет нечего.

— Ну уж, — обиделся Павлыш. — Ты что же думаешь, теперь всех будем убивать и потом восстанавливать?

— Но новую печень вы же сможете сделать. Новое сердце.

— Со временем. Все равно и нам работа останется. Ангину лечить в аппарате Вас не будешь.

— Что такое ангина?

— Простуда, болезнь горла.

— А, что-то вроде нашей дыхательной лихорадки?

— Я еще не знаю, я только принимаюсь за вашу медицину.

Деревья расступились. Впереди, поделенное на ровные четырехугольники, лежало большое поле, ограниченное крутыми склонами долины. Некоторые из делянок щетинились сучьями кустов, другие стояли голыми или чуть прикрытыми сухой травой.

— Ой! — раздался сзади голос Снежины. Она отстала и еще не вышла из тени деревьев.

Павлыш резко обернулся.

Снежина сидела на корточках у большого ствола и махала рукой остальным, чтобы спешили к ней.

Спрятавшись между толстых корней мертвого дерева, из сухого песка долины тянулся тонкий стебелек с белой головкой цветка.

— Живой, — прошептала Пирра.

— Совершенно и абсолютно живой, — сказала Снежина. — Я подула на него, и он на секунду сложил лепестки.

— Лесной висан, — сказала тихо Пирра. — Я

сейчас запла́чу. Не срывай его. Пусть растет.

— Конечно, пусть растет, — сказала Снежина. — Я только подула на него. Он сложил лепестки, а потом опять расправил, будто поздоровался со мной.

— А планета хочет помочь нам, — сказал Девкали. — Она не совсем мертва. Помнишь, Пирра, как я первый раз принес тебе букет лесных висанов?

— Летом будет больше цветов, — сказал Павлыш уверенно.

6

С делянки возвращались не спеша. Может, оттого, что видели живой цветок, может, оттого, что так легко и быстро нашли нужный кустарник, настроение у всех было хорошее. Девкали тащил ворох сухих сучьев и корней и допрашивал Павлыша, пишут ли на Земле стихи, а если пишут, то пользуются ли рифмой. Пирра тихонько напевала что-то, и Снежина подумала, что она еще не видела Пирру смеющейся, а наверно, когда она засмеется, то станет очень красивой. Она хотела было сказать об этом Пирре, но та вдруг остановилась и сказала:

— Если пойти по той аллее, то мы придем на

кладбище. Здесь было маленькое кладбище. Ботаники предпочитали и жить и умирать здесь. Здесь не было крематориев, как в городах. Подождете меня секунду? Я взгляну, не похоронен ли здесь старик. Я никак не могу вспомнить, как его звали. А это очень нужно. Правда?

Пирра повернула в боковую аллею. Остальные последовали за нем. Кладбище открылось через сто шагов — это была небольшая поляна, окруженная большими деревьями. На поляне несколько могильных холмиков, над каждым камень или диск с лучами. Пирра прошла мимо ряда холмиков. Остановилась у крайнего.

— Конечно, — сказала она. — Его звали Кори, учитель Кори из Лигона. Он умер перед самой войной.

— Это хорошо, — сказал Девкали, — что он не дожил до нее.

До лаборатории было уже недалеко. Пирра провела к ней по узкой тропинке, мимо хозяйственных пристроек.

— Здесь песок? — спросил вдруг Павлыш.

— Да, песчаные почвы. Не все растения могли здесь жить. Приходилось ходить в соседнюю долину за перегноем. Очень тяжелые корзины были, как сейчас помню.

Павлыш отстал и отошел немного в сторону. Разгреб листья под деревом и посмотрел, сухой ли песок под ними. Под листьями был перегной сантиметра три, потом песок.

Женщины и Девкали ушли вперед. Павлыш распрямился, отряхнул ладони и хотел было идти, как увидел человеческие следы.

Первой его мыслью было удивление — как они могли сохраниться больше года? В тех местах, где земля была покрыта листьями, следы были слабо различимы. Но чуть дальше на прогалине след отпечатался четко и глубоко. Это был свежий след.

Павлыш осторожно огляделся. Все тихо, только уже довольно далеко, у здания лаборатории, слышны голоса женщин.

Недавно здесь был человек. Может быть, он даже видел их. Ведь ночью был дождь. Нет, это невероятно. Совершенно невероятно. Павлыш хотел позвать Девкали, но вдруг почувствовал, что ему страшно. Страшно крикнуть, потому что Он может услышать; страшно за своих товарищей, потому что они не знают, что кто-то, не боящийся смертельной радиации, ходит по Мертвой планете. Кто это? Друг? Может быть, какие-то люди смогли приспособиться к радиации, обладают

иммунитетом к ней? Нет, этого быть не может. И потом… потом, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться: человек был здесь совсем недавно. Возможно, видел людей и не подошел. Спрятался, притаился.

Павлыш решил никому не говорить о своем странном открытии. Лучше быстро уехать отсюда, не рисковать — они не вооружены, с ними две женщины. Сначала надо посоветоваться с капитаном.

Павлыш еще раз огляделся и быстро пошел по тропинке к лаборатории.

Его уже ждали. Пирра укладывала в вездеход банки с семенами и листы гербария. Снежина подавала ей их из окна лаборатории.

— Куда ты запропастился? — спросила она, увидев Павлыша. — Мы уж думали, ты попал в лапы к духу леса. Есть, оказывается, легенда, Пирра рассказала, что здесь живет привидение: оно ходило по ночам вокруг лаборатории.

«Ну вот, еще не хватало», — подумал Павлыш.

— Кстати, Слава, — спросила Снежина, — ты почему спрашивал про песок? Ты просто так не спрашиваешь.

— А, ты об этом, — сказал Павлыш, довольный, что разговор отошел от опасной темы. — Я думал,

что песок хорошо сохраняет ткани. Мумифицирует их. Значит, если старик умер всего год назад, была надежда его вернуть к жизни. Ну ладно, поехали.

— Постой, постой, ты ведешь себя уж так нелогично, дальше некуда! — возмутилась Снежина. — Так это же светлая мысль, надо немедленно проверить. Девкали, знаешь, где лежат носилки? В нижнем багажнике. Достань.

— Нет, нет, — сказал Павлыш. — Надо возвращаться. Уже поздно.

— Почему? Только первый час. Мы отлично до темноты успеем обратно. Нашел, Девкали?

— Да, — сказал тот, выбрасывая из вездехода носилки.

И Павлыш понял, что он не может придумать никакой причины, которая бы оправдала немедленный отъезд. Сказать правду? Но что-то удержало его от этого. Может быть, то, что ему могут не поверить, не принять всерьез. Может, потому, что тогда Снежина — а с нее станется — решит немедленно пойти туда и исследовать следы.

Когда раскапывали могилу, Павлыш старался не становиться спиной к лесу, и волнение его было столь очевидно, что Снежина даже спросила:

— Что, жутковато стало?

— Нет, — ответил Павлыш. — Просто я не думаю, что моя догадка была правильной, — песок может быть влажным.

— Сейчас все узнаем, — сказала Снежина.

Догадка Павлыша была правильной. От этого ему стало еще хуже. Носилки с маленьким высохшим телом старика нес он с Девкали, а женщины, несмотря на уговоры Павлыша, все время отставали. И руки были заняты. Павлыш все оборачивался, и Снежина, смеясь, говорила:

— Не бойся, не потеряемся.

— Кстати, крупных хищников на планете сейчас нет, — добавила Пирра. — Хотя мы их разведем снова. В ограниченных количествах.

Ничего не случилось. Также в тишине вернулись к вездеходу. Также, без всяких приключений, добрались до «Сегежи».

Павлыш говорил, шутил, слушал, как Снежина рассуждает о том, будут ли на обед взбитые сливки, а сам, чуть отвлечешься на секунду, снова видел глубоко отпечатанный в почве след, такой свежий, что края его не оплыли и виден каждый рубец подошвы.

7

— А теперь, Павлыш, успокойся и подумай. Первое: не показалось ли тебе все это?

— Нет, Геннадий Сергеевич, не показалось.

— Вторая возможность, — сказал Загребин. — Может быть, эти следы были оставлены в прошлом году, а над ними нависают ветви или ствол дерева защитил их от непогоды?

— Нет, — сказал Павлыш. — И вообще не стоит тратить время на придумывание причин, почему этих следов не было. Я знаю, что они были. Свежие следы.

— Вы неправы, Павлыш, — сказал Баков. — Мы обязаны рассмотреть все варианты. Абсолютно все. То, что вы рассказали нам сейчас, очень странно.

— Я знаю, что странно, — сказал Павлыш. Он прошелся по каюте, остановился около модели каравеллы над письменным столом и провел пальцем по бушприту. — Я отлично понимаю, что на вашем месте я бы также старался перебрать все варианты. Но поймите, я их уже перебрал. Следы были.

— Хорошо, Слава, — сказал Загребин. — Мы вам

верим. Что из этого следует? Честно говоря, не знаю. Объяснить этого пока не могу.

— Объяснить можно, — возразил корона Аро. — И вы это объяснение знаете не хуже меня, капитан. На планете, которую мы считаем мертвой, есть люди, которые пережили конфликт. Вопрос не в этом — важнее узнать, кто они, войти с ними в контакт.

— А почему они не хотят вступить с нами в контакт? — спросил Баков.

— Ну, этому можно найти множество объяснений. Они могут, во-первых, и не подозревать о нашем присутствии. Горный сад находится в ста километрах от Манве. Во-вторых, они могут бояться нас. Кто мы такие? Пришельцы из космоса? Враги, пьи, выжившие в войне и пытающиеся оккупировать их страну? Или какие-нибудь другие загадочные существа, опять же, вероятнее всего, враги.

— Значит, — спросил капитан, — из этого следует, что, считая нас врагами, они могут предпринять враждебные действия?

— Могут, — сказал корона Аро.

В каюте было тихо. Только Павлыш быстро шагал по каюте из угла в угол по одной и той же прямой, и пластик чуть поскрипывал под

каблуками. Из-за полуоткрытой двери доносились далекие голоса. Загребин, который знал обо всем, что происходит на борту, легко распутывал клубок голосов и шумов корабля: высокий гортанный голос принадлежит Ранмакану, — он научился играть в нарды и опять спорит с Малышом, своим постоянным партнером. Вот вспыхнула скороговорка тети Мили, — она отчитывает робота. Бухнула штанга, — Кудараускас закончил серию физических упражнений…

— Значит, так, — сказал Загребин. — Вы, Алексей Иванович, с Антипиным посмотрите, что можно сделать для обеспечения полной безопасности корабля и купола. На гравитационное поле энергии не хватит?

— Нет, мы не можем включить главный двигатель.

— Ну, подумайте. Рисковать мы не можем. А после ужина соберем экипаж и, я полагаю, жителей планеты. И поговорим. А пока я считаю разговор законченным.

Павлыш попрощался и сразу ушел. Он считал, что капитан слишком спокойно отнесся к новости. Даже не приказал немедленно снарядить разведдиск, который попробует выяснить, куда же ведут следы.

Корона Аро спросил:

— А тот кустарник, о котором говорила Пирра, привезли?

— Да, привезли. И еще привезли его автора. Совсем забыл вам сказать: корона Вас ждет в лаборатории.

Корона Аро закинул хвост на плечо и молча последовал за Павлышом.

— Ну и как? — спросил Баков, оставшись вдвоем с капитаном. — Может быть, послать диск в ботанический сад?

— Я уже думал, — сказал Загребин. — У нас нет сигареты?

— Я не курю.

— Да, забыл, извините. Я уже думал, но сейчас пятый час. Через час стемнеет. Мне не хочется начинать поиски в темноте.

— Хорошо, я пойду поговорю с Антипиным.

И Баков покинул каюту. Капитан Загребин постоял посреди комнаты, размышляя, не могла бы заваляться пачка сигарет где-нибудь в нижнем ящике письменного стола. Но потом, вспомнил, что сам приказал роботу выбросить все, что может напомнить табак. И робот проделал эту операцию очень тщательно. Капитан вздохнул и пошел все-таки к Снежине Пановой, надеясь,

что ее нет в каюте. Он знал, что сигареты лежат у нее под зеркалом, похожим на Луи-Филиппа. Лучше взять сигарету потихоньку. Может быть, желание курить пройдет и не придется давать повода насмешникам позлословить над слабой волей капитана Загребина.

8

После ужина в кают-компании собрались члены экипажа и жители купола. Наверно, в последний раз они смогли все уместиться в этой небольшой комнате. «Пройдет еще сколько-то времени, и не только кают-компании, но и всей «Сегежи» не вместить жителей этой планеты, — подумал Загребин. — А может быть, уже и сейчас «Сегежа» не вместит всех жителей планеты? Может быть, где-то под землей или под водой живут тысячи людей, которые сами решили свою судьбу и не хотят никакой помощи извне?»

Неожиданное собрание нарушило привычную жизнь экипажа. Беспокойство усилилось еще и потому, что все видели, как Антипин с Баковым объехали на вездеходе купол, о чем-то посовещались, и потом наружу вылезли роботы, которые установили на некотором расстоянии от купола

сигнальные башенки, зажигавшиеся, как только что-либо или кто-либо приближался к кругу, образуемому ими. Внутри круга уместились купол и «Сегежа».

— Сегодня, как вы знаете, — сказал Загребин, когда все уселись, — наши товарищи ездили в Горный сад…

Загребин поведал о том, что видел Павлыш, потом сказал о мерах безопасности, принятых им. После него говорил Павлыш. Он еще раз повторил рассказ о следах и от себя предложил послать к Горному саду разведдиск.

Бауэр просто не поверил Павлышу. Он сказал, что все-таки следы могли сохраниться с прошлого года; Кудараускас предположил, что эти следы оставлены роботом: какой-нибудь из роботов-разведчиков побывал уже в саду. Кудараускаса подняли на смех: следы роботов не были похожи на человеческие. Их доктор Павлыш спутать не мог.

Пирра сказала, что если следы — реальность, то они принадлежат военным. Только у них были тайные бомбоубежища, где можно было спрятаться от радиации. При словах Пирры Ранмакан побледнел. Он ничего не сказал, но подумал, что все-таки к власти снова могут прийти настоящие

хозяева Лигона. Нельзя сказать, что он хотел этого возвращения. При новой власти, которую для него олицетворяли капитан Загребин и Девкали, жилось лучше и никто не напоминал Ранмакану, что он — низшая каста и должен не делать того-то и того-то, но уважение и почтение к военной машине было в Ранмакане настолько глубоким, что он всерьез испугался, как бы его не наказали настоящие хозяева, когда вернутся к власти. Бывшая прачка огорчилась: она не любила военных, и если бы ей один из них попался в руки, она бы его, наверно, задушила. Она не могла простить им смерти своих близких. И прачка беззвучно молилась Солнцу, чтобы молодому доктору изменило зрение и чтобы это были вовсе не следы, а случайные ямки. Охотники-пьи мало разбирались в политике и не хотели в ней разбираться. Они ждали того дня, когда воздух снова станет чистым. Снежина вспомнила, как было в том саду, и в душе поблагодарила Славу за то, что он тогда ничего не сказал. Она бы умерла со страху, если бы увидела таинственные следы. Девкали, обидевшийся на Павлыша за то, что тот не рассказал о следах сразу — тогда можно было бы многое узнать на месте, — подумал, что если это виновники войны, он бы сделал все, чтобы

не пустить их в купол. Новая планета не должна знать этих людей.

Решили послать с утра диск в Горный сад и выяснить, были ли в самом деле следы, а если и были, куда они ведут. Может, удастся вступить в контакт с их обладателем. Договорились, пока не выяснится эта тайна, поодиночке в город не ходить. И разошлись. В конце концов большего придумать пока было нельзя.

Диск слетал в сад, по следов не нашел. Ночью в горах прошел дождь.

В ближайшие две недели ничего не произошло, и все, кроме Павлыша, стали понемногу забывать о следах в Горном саду. Но Павлыш видел их, стоило ему закрыть глаза. Он знал, что они были.

Глава шестая
ПОХИЩЕНИЕ
1

Профессор Кори из Лигона оказался сухим ехидным стариком с тонким длинным носом и белым пуховым венчиком вокруг желтой лысины. Профессор за два дня вошел в курс дела, с удовлетворением отметил присутствие на корабле своей бывшей ученицы, поблагодарил ее за спасение образцов кустарника, что он оценивал куда выше, чем спасение своей персоны, и взял в свои руки озеленение купола.

Знание того, что он полтора года провел в могиле, нисколько не обескуражило профессора.

— Я — деловой человек, — говорил он. — Я столкнулся с двумя фактами: первый весьма прискорбный — эти идиоты все-таки добились своего и устроили бойню. Я всегда думал, что наши петиции не смогут их удержать. Они устроили бойню и уничтожили все, что другие люди строили пять тысяч лет. Другой факт, с которым я столкнулся, — отрадный. А именно: к счастью, нас заметили раньше, чем пропали всякие следы от нашей работы. Заметили и пришли нам на

помощь. Мое собственное воскрешение — частность, хотя также приятная. Мне очень обидно было умирать, не окончив опытов со своими детишками. Кстати, если бы наши идиоты не загубили планету, никто не стал бы возиться с моим оживлением. Сколько мне осталось жить?

— Не знаю, — отвечал корона Вас. — Наверно, с нашей помощью вы проживете еще несколько лет.

— Неужели, оживляя человека, вы не можете обновить ему сердце?

— Нет, — говорил корона Вас. — Наш аппарат может спасти человека, погибшего от несчастного случая, от болезни. Но, возвращая человека в жизнь, мы возвращаем его таким, каким он был перед смертью. Вы умерли от лихорадки. Вирус, убивший вас, на наследственные клетки никак не повлиял. Возрастные изменения в них зарегистрированы. Изношенность вашего сердца — тоже. Мы можем спасти человека, но не можем пока подарить ему бессмертие.

— Замечательно, коллега, на бессмертие я но претендую, — говорил профессор Кори из Лигона. — Дорогой мой, не откажетесь ли вы помочь мне пересадить рассаду на дорожки у жилых домов? Я этого не могу доверить вашим железным ро-

ботам.

Корона Вас с удовольствием шел возиться с рассадой. Его пребывание под куполом было узаконено. Как-то Девкали собрал всех своих единоплеменников и рассказал им о том, что на корабле живут не только люди, но и существа, на людей не похожие. Девкали опасался отрицательной реакции со стороны охотников или прачки. Но те восприняли эту новость спокойно. За последние недели с ними случилось столько невероятных вещей, что невероятной новостью больше или меньше уже не играло решающей роли. Первое время короны старались поменьше встречаться с жителями Муны, потом, когда обе стороны друг к другу привыкли, Вас, более общительный, почти совсем переселился под купол, отлучаясь только поговорить о жизни с тетей Милей и вырастить новую порцию рассады для опытов Кори.

Но эта спокойная и почти идиллическая жизнь продолжалась всего несколько дней, видимое однообразие которых было нарушено прилетом грузовой ракеты из Галактического центра, которая доставила запасные части к аппаратам, почту и первую очистительную установку для воздуха. Кроме того, с ракеты сгрузили материал

для второго, большего купола, сооружение которого должно было начаться, как только появится достаточное количество людей. Ракета улетела. И дня через два после ее отлета экспедиция, работавшая в развалинах Лигона, обнаружила заваленное наглухо бомбоубежище, в которое крысы не нашли доступа.

2

Снежина проснулась оттого, что услышала детский смех. Какой-то мальчишка кричал полигонски:

— Отдай мой мяч или я проткну тебя мечом!

Потом он, видно, все-таки проткнул кого-то мечом, потому что жертва его страшным басом начала молить о пощаде. Мальчишка заливался смехом и топал ногами. Потом голос его утонул в суетливом шуме голосов, которые, если Снежина правильно поняла, давали советы плотникам, как вставлять раму.

Снежина лежала некоторое время, прислушиваясь к голосам, стараясь угадать за ними знакомые лица. Открывать глаза не хотелось. Как только откроешь их — значит, проснулась, значит, пора вставать, а Снежина по любила

вставать по утрам: она считала, что каждый человек имеет право на десять минут между сном и явью, когда можно не спеша досмотреть сны и закончить их как хотелось бы. Откуда могли идти голоса? Ну конечно, из динамика внутренней связи. Кто сейчас на вахте? Кажется, Кудараускас. Значит, он включил шум купола вместо будильника.

Десять минут еще не истекли. Снежина подумала о том, что еще две недели назад Кудараускас, включив купол, донес бы до корабля только шаги роботов и тихий голос Ранмакана. Снежине показалось тогда, что жители Муны чем-то напоминают ей бронтозавров, живых, но в то же время чужих на своей планете. Уж очень они были одиноки среди бесконечности разрушенных городов, пустых полей и тоскливости радиоактивных дождей. Кучка людей, спасенных за недели поисков, ошибок, разочарований, была ничтожно мала. И вдруг — сразу шестьдесят человек!

Старики и старухи, шестеро детей — скоро надо будет школу открывать; два молоденьких солдата — бывшие охранники бомбоубежища; патриций, случайно погибший в компании простолюдинов; два брата-старика — все эти люди проходили в момент оживления трагедию знакомства со сво-

им собственным, уже чужим миром, пытались понять, что же делать дальше, как приспособиться к этой жизни.

Правда, теперь это проходило проще и спокойней, чем вначале. С одной стороны, в бомбоубежище люди прятались семьями, семьями они и вернулись к жизни; с другой, их встречали Пирра, Ранмакан и Кори — соотечественники, уже прошедшие через все, что ждало «новеньких», и готовые помочь.

И все-таки… Снежина вспомнила «голодный бунт».

3

Этот бунт произошел на второй или третий день после начала оживления людей из Лигона. Тогда под куполом набралось человек двадцать новичков, встречавшихся как после долгой разлуки, еще не осознавших целиком, что же произошло, но вместе с тем полных недоверия ко всему миру, включая друг друга. К тому же эти люди были давно и привычно голодны.

Если до этого обед готовили Ранмакан с Пиррой — они справлялись (с помощью тети Мили и кухонного робота), не тратя много времени,

— то на этот раз, пока кухня под куполом не была оборудована, обед, приготовленный на корабле в двух больших котлах, выкатили роботы. Образовалась нестройная очередь военных времен, заранее уверенная, что последним пищи может не хватить и, вернее всего, не хватит. Здоровый черный парень, бывший солдат, первым пробился к столу, схватил полную тарелку, присев за край длинного временного стола, в несколько глотков уничтожил суп и бросился снова к котлу, где произошла какая-то заминка. Нервная очередь сбилась в кучу вокруг робота, и Пирра тщетно пыталась успокоить растрепанную женщину с двухлетним малышом на руках. Малыш плакал, женщина кричала, вокруг раздавались несмелые, злые возгласы. И в этот момент солдат с пустой тарелкой врезался в толпу как таран.

Супа было больше чем достаточно, но парень нарушил закон голодной очереди, и очередь моментально сплотилась против него. Пирра, отброшенная от бака, спряталась за спину робота, — люди дрались за котлом, который покачивался, грозя вылить горячую жидкость. Патриций, не желавший драться, но тоже понявший, что супа не хватит, схватил со столика охапку ломтей хлеба и бросился бежать к дому. За ним погнался

другой мужчина…

Бауэр, увидевший эту сцену с мостика, растерялся. Он никогда еще не видел, как люди дерутся из-за пиши. Он испугался, что кто-нибудь задавит ребенка. Глеб метнулся от экрана к пульту, но спокойные ряды кнопок не подсказали ему никакого решения. Тогда он нажал сигнал тревоги и подключился к каюте спящего Загребина.

Капитан вскочил, как подброшенный батутом, с постели и сонными глазами уставился на Бауэра. Глаза постепенно наполнялись мыслью, капитан хрипло спросил:

— Что?

И пока Бауэр, торопясь, объяснял, в чем дело, Загребин уже совсем пришел в себя и, нс дав штурману закончить, сказал:

— Дай сирену.

Повернулся на другой бок и заснул. Капитан не спал всю ночь — на его вахте монтировали очиститель воздуха.

«Странно, — подумал Бауэр, — мастер никогда не сталкивался с голодными бунтами. Не больше меня знает о них. И все-таки совершенно спокойно и быстро нашел единственное решение. И, главное, заснул снова».

Бауэр включил ревун.

Низкий гул заполнил купол, повис над городом — страшный крик громадного зверя, крик войны и приближающейся воздушной смерти. И в тот же момент застыли люди у котла и инстинктивно подняли головы. Только суп, льющийся из наклонной тарелки, отбивал струйкой зигзаги на земле да с легким мягким стуком рассыпались по земле оброненные патрицием ломти хлеба.

Бауэр опустил ручку сирены. Все в порядке.

Бунт не повторился. Но на следующий день, когда людей стало еще на восемь человек больше, случилась новая беда. Очередь, пришедшую за обедом, охватил другой вид массового психоза, причина которому была та же — страх. Кто-то взял вторую порцию супа, потом вторую порцию мяса. Его примеру последовал сосед, и вот уже началась оргия. Люди жадно хватали хлеб и мясо, глотали бульон, матери засовывали кусочки в рот плачущим детям. Эту оргию никто не останавливал и никто не мог бы остановить. Внешне все выглядело почти благопристойно — люди ели.

Вечером Павлышу пришлось покинуть лабораторию. Он переключился на слабительное и болеутоляющие капли. Девкали между тем уверял пострадавших, что пришельцы и в мыслях не имели их травить. Виной всему их собственная

жадность. Ему не верили.

На мостике капитан разговаривал с короной Аро о том, как снять с людей эту смесь подавленной истеричности и апатии — настроение переселенческого лагеря, вокзала, с которого не уходят поезда. Аро советовал ждать и положиться на человеческую натуру. Он говорил, что с уверенностью в завтрашнем дне придет и спокойствие.

Вошел профессор Кори.

— Если я и помешал, — агрессивно сказал он, — то все равно вам придется меня выслушать.

— Садитесь, — сказал Загребин, указывая на кресло. — Вы пришли вовремя.

— Я хотел бы поговорить сейчас не с вами, а с моими соотечественниками, — сказал Кори. — И со всеми сразу. Я не могу бегать, как Девкали, из комнаты в комнату. Да это и не поможет. Включите, пожалуйста, внешнюю связь.

Кори напыжился, и венчик седых волос вздыбился нимбом вокруг блестящей лысины. Не очень удачно перешитый прачкой костюм Малыша топорщился у него на груди и кособочился у ворота.

Загребин подошел к пульту, включил внешнюю связь и протянул профессору микрофон:

— Пожалуйста.

Кори подошел к микрофону и, набрав в легкие побольше воздуха, быстро заговорил высоким голосом:

— Люди, с вами говорит профессор Кори из Лигона. Вы меня видели, вы меня знаете. Мне стыдно за вас и за нашу планету. Мало того, что вы разрешили своим правителям убить себя, вы показываете сегодня людям, пришедшим нам на помощь, что вы недостойны этой помощи. Я, профессор Кори из Лигона, говорю: с завтрашнего дня мы начинаем новую жизнь. Мы вспомним, что наши предки были гордыми людьми и не дрались ради куска хлеба. И пусть завтра кто-нибудь посмеет броситься на еду, как паршивая собака. Я ударю его по лицу. Все… Извините меня, — сказал Кори капитану, дождавшись, пока тот выключил внешнюю связь. — Я люблю своих соотечественников, вы должны простить их.

И Кори, не дожидаясь ответа, выбежал из помещения. Только щелкнула дверь, и каблуки профессора, удаляясь, отстучали что-то сердитое по ступенькам трапа.

Нельзя сказать, что с этого дня обитатели купола резко изменили свое поведение. Этого никто и не ожидал. Но когда дня через два один из вновь

прибывших слишком быстро принялся хлебать суп, то несколько пар глаз обернулись к нему. И когда он украдкой просеменил на цыпочках к котлу, патриций, проявивший неожиданную склонность к демократии, остановил его.

— Не спеши, — сказал он. — А если будешь брать еще суп, то не больше половника. Организм у тебя новый, может не выдержать, лопнешь.

Бежавший огрызнулся, но шаги замедлил. Он, не оборачиваясь, прислушивался, что скажут остальные. Остальные молчали. Молчание это было сочувственным к словам патриция, и новенький почувствовал это…

Снежина открыла глаза. В самом деле пора вставать. Загребин освободил ее от вахт — она входила в группу купола. И там ее ждали проблемы — всякие проблемы, большие и маленькие, ожидаемые и совсем неожиданные. К ожидаемым относились проблемы еды и одежды. Корабельных запасов уже не хватает, и скоро придется выкручиваться собственными силами. Были маленькие: у единственной кормящей матери кончилось молоко и надо было нажать на Павлыша, чтобы он заготовил побольше питательной смеси для малыша. Таких проблем Снежина могла насчитать десятки; разрешить их

было совсем нелегко.

Снежина зажмурилась, чтобы сконцентрировать волю в одном действии, и сбросила ноги с кровати. Пятки ударились о мягкий ковер. Теперь надо поднять голову. И Снежина подняла голову, показала язык своему изображению в зеркале и включила дистанционное управление душем — пускай греется, пока она доберется до кабинки.

4

Робот, который тащил за собой толстую змею запасного тормозного парашюта, задел клумбу у швейной мастерской — первого промышленного предприятия Муны. Кори увидел это безобразие, догнал робота, который затаскивал парашют в дверь, и принялся честить его на двух языках. Робот покорно слушал; швеи сгрудились у окна, чтобы не пропустить этого увлекательного зрелища, а Ранмакан, который сам вызвался руководить швейной мастерской, вышел к дверям и молча водил в воздухе руками, заклиная прекратить ссору. Ранмакан отъелся, стал солиднее и осторожнее.

Робот был простой рабочий, но он догадался, что игнорировать гнев старика невозможно. Он

отпустил конец парашюта и отправился пересаживать цветы. Профессор обогнал его и велел отправляться обратно в корабль. Потом стал восстанавливать клумбу сам. Ранмакан стоял над ним и наблюдал за его уверенными, точными действиями.

— Вам хорошо, — сказал наконец Ранмакан. — У вас есть специальность. А я таможенный чиновник.

— И таможенные чиновники пригодятся, — сказал Кори. — Да притом, пока вы тоже неплохо устроились.

— Да, это пост шестой или даже пятой касты, — сказал Ранмакан. — Но меня могут его лишить.

— Это еще почему?

— Будут более достойные люди.

— А вы работайте лучше, и не будет более достойных. Вместо того чтобы стоять надо мной и разговаривать, могли бы втащить парашют — женщинам без вас не справиться.

— Я начальник, — сказал Ранмакан просто.

И ясно было, что втаскивать парашют он не будет.

— Ах, так, — сказал Кори. Он быстро переходил из одного настроения в другое. — Ах, так! — Кори поднялся и быстро прошел к двери, перед которой

лежал толщиной в туловище человека червяк парашюта.

Кори перебрался через него и исчез в темноте прихожей. Ранмакан неуверенно последовал за ним и остановился, увидев, как червяк зашевелился и начал вползать в темную щель. Профессор громко кряхтел — в парашюте было килограммов пятьдесят весу. Одна из женщин, наблюдавших эту сцену из окошка, всплеснула руками, сказала что-то своим подругам и побежала на помощь профессору. Остальные последовали за ней. Червяк пополз резвее и скрылся в доме. Ранмакан все еще раздумывал, что бы ему предпринять. Ситуация была сложной и неправдоподобной. Профессор принадлежал ко второй касте, и заниматься такой плебейской работой, как перетаскивание тяжестей, ему было абсолютно воспрещено тысячелетними традициями. Когда Ранмакан пробовал понять взаимоотношения людей на «Сегеже», он пришел к выводу, что все они там, за исключением, может быть, тети Мили, принадлежат к высшим кастам своей планеты. Вместо низших каст они взяли с собой роботов. Никакие разубеждения Кудараускаса не могли поколебать Ранмакана. Они были ему не нужны. Когда мир можно объяснить удобной

схемой, очень не хочется отказываться от нее и искать какие-то сложные и ненужные в повседневной жизни объяснения.

Поэтому то, что робот тащил парашют, было понятно. То, что этим занимался профессор Кори, было абсолютно непонятно. Ранмакан признал формально, что под куполом все равны и каст нет, но в душе он делил человечество на касты и относил себя к одной из низших, хотя не к той, к которой принадлежал до войны, а к следующей на пути вверх. Он беспокоился, что его могут лишить права заведовать мастерской, и с подозрением поглядывал на новичков: нет ли среди них патрициев, способных и желающих занять его место?

Пока все было в порядке. Новых патрициев не было. Старые, Девкали, Пирра и Кори, занимали уже хоть и неопределенные, но все-таки явно руководящие места, а единственный патриций, спасенный в Лигоне, предпочитал ничего не делать и рассуждать о возможностях демократии. Ранмакан подошел к профессору, для того чтобы развеять свои опасения, и в результате еще больше запутался и решил, что недовольный им Кори может сообщить пришельцам о недостойном поведении Ранмакана. Но Ранмакан

— первый человек на Муне, Адам, как называют его пришельцы, и он не может сидеть вместе с женщинами, шить или подносить им иголки с нитками. Нет, этого не будет. Женщины, конечно, согласны с демократией: они принадлежали к самой низшей из каст, да и мужья их тоже, и дети. Им нечего терять. Ранмакан же был чиновником, каким-никаким, но чиновником, представителем того мещанского слоя, который, с завистью глядя на вышестоящих, судорожно цепляется за свои маленькие привилегии, поднимающие его над другими, но имеющими привилегий вообще.

Профессор Кори, тяжело дыша, вышел из мастерской.

— Вместо того чтобы здесь стоять, — сказал он Ранмакану, — помогли бы разрезать шелк на большие куски. Не кроить же из целого парашюта…

— Я позвоню на корабль, пусть пришлют второго робота, — упрямо сказал Ранмакан. Он продолжал цепляться за свои привилегии. — Робот сделает это лучше меня. А сам я должен писать мемуары.

— Ах да, — ехидно улыбнулся Кори. — Мемуары. Сам Кризинзи из Плонги склонился бы перед вашими талантами.

— Штурман Кудараускас очень высоко оценивает мою работу.

— Тьма с вами, с писателем и с вашим штурманом. Но я бы на вашем месте подумал о том, что мы обязаны работать. Ра-бо-тать. Понимаете? Пусть «Сегежа» улетает — у нее свои дела. А мы будем править планетой. Мы останемся одни, — вам это приходило в голову?

— Куда они улетят? — спросил Ранмакан. — Зачем им улетать?

Ранмакана устраивало присутствие людей. Он опасался (это было еще одним из многочисленных опасений Ранмакана), что, как только «Сегежа» поднимется над планетой, ему снова придется опуститься на свое место и, может, еще и сесть в тюрьму за сотрудничество с чужими.

— Им нельзя улетать, — сказал Ранмакан.

— Это еще почему? — удивился профессор Кори. — Как только они смогут обеспечить работу очистительных аппаратов, а мы наладим снабжение пищей, мы останемся одни. Мы обязаны остаться одни.

— Что вы бормочете одно и то же: «Одни, одни»! — разозлился Ранмакан. — Кто вас обязывал оставаться одними? Я? Эти женщины?

— Совсем недавно вы протестовали против

прихода людей.

— Это мое личное дело. Тогда я был один. Еще неизвестно, как бы вы себя повели на моем месте!

Кори хотел ответить, но передумал, махнул сухой ручкой и ушел — к своим цветам и деревьям, с помощью стимуляторов вымахавшим метра на три в высоту. Кори подумал, что пора бы возродить кое-каких насекомых; надо поговорить с короной Вас. Кори подошел к своему столу, спрятавшемуся в самой гуще кустарника, раздвинул срезы, бумаги, приборы, сел. Сердце работало неважно. К сожалению, корона Вас вернул ему старое сердце. Снова умирать очень не хотелось. Не стоило возиться с парашютом. Хотя он сделал правильно. По крайней мере, женщины в мастерской поняли правильно. Они говорили ему: «Учитель, отойди, без тебя справимся» — и не рассуждали, патриций он или простолюдин. А Ранмакана еще учить и учить. А может, он и умрет, в глубине души мечтая перейти в четвертую или даже во вторую касту. Нет, на вторую у него не хватит воображения. Надо поехать в Горный сад — посмотреть, как там дела. Не распустились ли еще кое-какие растения. Ведь перед войной шли работы, связанные с влиянием

радиации на рост растений. Там получились интересные мутации. Если бы не газ, уже сейчас могли быть результаты.

Ранмакан тоже вернулся к себе в швейную мастерскую. В наспех сколоченном домике было два стола. Один большой, общий — на нем работали женщины, пять женщин. И стол в углу поменьше. За ним сидел Ранмакан. Он, когда нужно было, выходил на связь с мостиком или Большим домом; он вел переговоры с роботами, когда те притаскивали что-нибудь с корабля; он должен был вести бухгалтерию, планировать, когда и что понадобится мастерской.

Ранмакан сел за стол, тоже отодвинул в сторону бумаги и задумался. Он ощущал иронические взгляды женщин и их шепоток, содержащий какие-то, возможно, нелестные для него высказывания. Но он был выше этого. Он смотрел вперед, не замечая женщин. Он раздумывал, сказать ли капитану о том, что вчера ночью, когда все уже спали, он видел у крайнего дома чужого человека в защитной одежде. На человека упал луч прожектора, и тот, ослепленный им, задержался на секунду, перед тем как нырнуть за угол. Лица Ранмакан не разглядел. Он в запале разговора с Кори чуть не проговорился, что на планете есть и

другие люди и что Павлыш был прав. Но потом не сказал, удержался. Могло так случиться, что тот человек или люди — законная власть. Они могли оказаться сильнее корабля. А если так, то знание того, что другие уже подошли близко к «Сегеже», могло пригодиться Ранмакану.

5

Загребину не хотелось отпускать Кори в Горный сад. Существование неразгаданной тайны смущало капитана. «Тем более, — рассуждал он, — если бы те, неизвестные, хотели встретиться с нами, они бы давно могли это сделать». Правда, оставалась возможность, что Павлыш ошибся. Она была логична и успокоительна. Капитан не хотел себя успокаивать. И даже, согласившись с профессором, что тому необходимо побывать в Горном саду, капитан послал за день в Горный сад разведдиск с металлоискателями и биолокаторами на борту. Диск не обнаружил ничего подозрительного.

— Вот что, — сказал Загребин Антипину, который уезжал в сад вместе с Кори и Снежиной. — Из Ежа не выходить. Доедете туда, вездеход остановишь не у домика, как в прошлый раз, а прямо

в саду, у делянок. В машине обязательно кто-то остается, для того чтобы держать остальных в поле видимости. На вездеходе лазер в боевой готовности. Если увидишь опасность, не стрелять; немедленно сообщайте нам и бегите оттуда со всех ног. Не думая о гордости и так далее. Ясно?

— Ясно, Геннадий Андреевич, — сказал Антипин. — Куда уж яснее. Второй купол завтра начнем надувать?

— Завтра. Вернешься, выспишься, и начнем. В саду старайся не применять оружия. Даже если кому-то из вас покажется это абсолютно необходимым. Решаешь ты и только ты. У тебя трезвая голова. Потому и едешь. Ясно?

— Ясно, — снова ответил Антипин, которого волновали совсем другие проблемы. — Почти весь дезактиватор придется истратить. Под купол попадут два крайних дома — там работы много. Когда будет следующая грузовая ракета? Надо сообщить, чтобы дезактиватор не забыли.

— Теперь не скоро, недели через две, — сказал Загребин. — Там на месте не отвлекайся. Задумаешься о куполе, и что-нибудь случится.

Антипин чуть улыбнулся, и кончик курносого носа дрогнул. Он никогда не отвлекался настолько, чтобы забыть о деле.

Роботы поставили на Ежа защитные козырьки. Теперь вряд ли его можно пробить даже прямым попаданием снаряда или лучевым зарядом.

Перед отъездом Снежина нашла Павлыша и повела его в купол. Там заболел один из ребятишек. Павлыш осмотрел его, приказал роботу притащить лечебный излучатель, — мальчику не хватало солнечного света. Снежина ждала доктора, разговаривая о строительстве амбулатории с охотником-пьи. Потом, когда доктор кончил облучение и робот уехал, Снежина попросила Павлыша зайти еще раз к ребенку вечером. Может, это и не нужно с точки зрения медицины, но очень желательно с общечеловеческих позиций.

— Убедительно ты говоришь, Снежка, — сказал Павлыш. — Ладно, зайду. Что-то сад сильно разрастается. Скоро будет не купол, а джунгли.

— Кори с Вас этого, по-моему, и добиваются.

— Жалко, что нет живности в нашем саду.

— Тут есть одна птица, но не поет. Смотри, вот она.

Птичка с длинным голубым хвостом и двумя парами крыльев, расположенных, как у бабочки, одни за другими, мелькнула между деревьями.

— Послушай, Снежка, — сказал Павлыш. — Ты в самом деле будь осторожнее. Я же видел там

следы.

— Ну, знаю, — сказала Снежина. — Знаю, сама с тобой была и никаких следов не видела. Ты не показал. Не волнуйся, мы будем осторожны.

— Серьезно, — сказал Павлыш. — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

— Это как понимать? Не так, как к остальным?

— Нет, — сказал Павлыш.

— Значит, хуже, — уверенно сказала Снежина.

И тогда Павлыш, чувствуя, что краснеет, попытался ей что-то объяснить. Она вдруг сделала такие большие глаза, и Павлыш почувствовал, что он в них уместился целиком. Сейчас Снежина хлопнет ресницами, и он там в них останется навсегда. Снежина хлопнула ресницами, и Павлыш, зажмурившись, протянул руку вперед, чтобы нащупать границы тюрьмы, в которой он очутился. Рука его натолкнулась на пальцы Снежины. И Павлыш хотел еще что-то сказать, но не всегда придумаешь, что сказать. И он сказал:

— Я зайду вечером к мальчику.

Снежина улыбнулась одними глазами.

И тут подошел Девкали с толстым патрицием и одним из новеньких и сказал:

— Здравствуйте, Слава. Знаете, Снежина, мы сейчас собрались и официально отменили касты.

Ведь мы имеем на это право?

— Вы имеете право на все, — сказала Снежина. — Вы хозяева своей планеты.

— Нет, не на все, — сказал патриций, который оказался, в общем, славным человеком. — Мы не будем больше воевать. Мы запретили войны. Декретом. Удивительно, правда? Никогда не думал, что придет день, когда я буду отменять войны декретами.

— Теперь у вас есть правительство? — спросил Слава.

— Как вам сказать, — ответил Девкали. — Вот Ренци из Плоции, он раньше был шахтером…

Новенький наклонил голову. Он был коренастым человеком с большими руками, ступнями и шишкастой большой головой. Маленькие глаза спрятались под очень густыми рыжими бровями. Глаза были очень светлыми и яркими.

— Потом Пирра, профессор Кори и Ус-са-ян-ка — один из охотников-пьи. Что-то вроде Совета. А правительства пока нет. Мы идем к капитану говорить об этом.

— Мы официально можем выразить благодарность кораблю за помощь, оказанную нашей планете, — сказал патриций. — Я не избран в Совет. Знаете, всякие чувства сохранились против

патрициев, но я юрист по образованию и люблю поговорить. Вы еще этого не заметили?

— Заметила, — сказала Снежина. — Ну, до свидания. — Это уже относилось к Павлышу. — Тебе тоже пора. И мы уезжаем.

И как бы в ответ на ее слова из-за корабля выбрался на землю Еж, и Антипин, разглядев Снежину под куполом, дал сигнал.

— Ой, — сказала Снежина, — я опоздала. Мне же еще скафандр надевать.

И она побежала вперед к кораблю, оставив Павлыша в одиночестве, совсем позабыв о нем, будто три минуты назад не протянула руку ему навстречу. Павлыш пошел в лабораторию, размышляя и сомневаясь, как ему и было положено, — может быть, Снежина и не думала, а все случилось так, нечаянно? Ведь может так быть?

А Снежина, отлично знавшая, что случайностей такого рода не бывает, собралась вдвое быстрее, чем делала это обычно, и, стоя у выходного люка, пожалела, что в тамбуре нет зеркала.

Вездеход развернулся и шустро пополз к холмам.

На мостике капитан, проверяя связь, спросил:

— Как себя чувствуете?

Снежина ответила раньше Антипина. Она

сказала:

— Мы себя отлично чувствуем.

— Ну-ну, — сказал капитан. — Чуть что — сообщайте. Канал свободен.

Снежина спросила:

— Делегация уже приходила?

— Какая делегация?

— Значит, сейчас придет, — сказала Снежина, — Представители правительства планеты Муна.

Капитан повернулся к двери. Именно в этот момент дверь открылась, и делегация вошла на мостик.

— Добрый день, садитесь, пожалуйста, — сказал капитан. — Где нам лучше разговаривать? Здесь или в кают-компании?

— Если вы не заняты, лучше в кают-компании, мы здесь будем мешать, — сказал деликатный Девкали.

Капитан спустился вниз и когда вернулся через час на мостик, спросил у вахтенного штурмана, все ли в порядке с Ежом. Тот ответил, что все в порядке. Антипин только что выходил на связь.

Потом Антипин сообщил, что вездеход достиг заповедника. Остановились на делянках и даже нашли целую колонию цветов. Еще через пятнадцать минут связь с Ежом прервалась.

6

Капитан был на мостике, когда Бауэр сказал:

— Молчат… Видно, со связью что-то не в порядке.

Но и Бауэр и капитан знали, что со связью все в порядке. Что-то случилось с людьми в вездеходе.

— Диск, — сказал капитан.

Бауэр, ходивший с Загребиным и раньше, предугадал слова капитана. Рука тянулась к кнопке запуска.

Корабль чуть вздрогнул. В открывшийся люк вылетел глаз корабля — диск с телевизионной камерой на борту, уже налетавший много тысяч километров над планетой. Бауэр включил небольшой экран слежения. По нему проплывали серые с зелеными подпалинами вершины холмов и оловянные ленточки ручьев в долинах. Разведдиск шел быстро, и Бауэр с трудом угадывал прерывистую полосу дороги. По экрану побежали серые неровные полосы.

— Опустите его пониже, вошел в облака, — сказал капитан.

Бауэр перевел диск в бреющий полет и сказал:

— Придется здесь его вести медленнее, как бы

на вершинку не налететь.

— Угу. Две минуты вряд ли играют роль, — сказал капитан. — Они могут сейчас быть и не в заповеднике, а ближе по дороге. Проверим весь путь.

Бауэр кивнул головой. Вошел Баков.

— Что-то случилось? — спросил он, заметив светящийся экран.

— Нет связи, — сказал Загребин. — Разведдиск пошел.

— Я этого боялся, — сказал Баков, хотя этого и не следовало говорить.

Никто ему не ответил.

На экране, с трудом узнаваемом сверху, промелькнула арка у входа в заповедник. Бауэр снял скорость, и, снизившись к самой крыше лаборатории, диск повернул к серой путанице ветвей — к лесопитомнику.

Посреди поляны стоял вездеход. Крышка люка была открыта настежь. Бауэр опустил диск еще ниже, и тот завис над открытым люком. Вездеход был пуст.

Бауэр, не отпуская пальца с кнопки управления, обернулся к капитану.

— Покружи над землей, над самой землей, — сказал Загребин.

Около вездехода не было следов. Трава стояла прямо, будто люди покинули вездеход по воздуху. Каждая травника была видна на экране ясно, словно под увеличительным стеклом.

Нет, кроме следа гусениц — следа самого вездехода, никаких других следов к машине не вело.

— Мистика какая-то, — вздохнул Бауэр, когда диск завершил второй круг над вездеходом.

— Никакой мистики, — ответил капитан, — пройдись диском по следам гусениц.

Цепочка следов, оставленных рубчатыми подошвами, различалась кое-где поверх следа гусеницы.

— Все ясно, — сказал капитан. — Смотрите, как стоит машина. Она уткнулась в кусты, в откос. Дальше хода нет. Раньше она стояла посреди поляны. Потом что-то случилось со Снежиной и Кори, и случилось это уже в кустах. Тогда Антипин подвел машину к кустам, выскочил, пробежал несколько шагов обратно по гусеничным следам и тоже свернул в кустарник. Все это произошло так быстро, что он не успел или не

счел нужным выйти на связь. Теперь проверим. Ага, видите, следы ведут к кустам.

Диск сначала летел над прогалиной в кустах, и следы были ясно видны сверху. Потом кусты сомкнулись. Сквозь голые ветви капитан первым разглядел маленькую колонию голубых цветов. Некоторые ветви вокруг были обломаны.

— Ясно. Они с поляны увидели цветы и пошли к ним.

— А Антипин наблюдал за ними с вездехода.

Диск снова поплыл над переплетением ветвей. Свежие обломы указывали путь биолога и Снежины; они вышли к маленькой поляне, на которой тоже росли цветы. Правда, здесь цветы были вытоптаны, и следов было великое множество. Они вели к расщелине среди скал и исчезали на щебне.

— Вызови Павлыша, — приказал капитан Бакову.

Павлыш прибежал на мостик через полминуты. Можно было подумать, что он ждал вызова у самой двери.

— Слава, — сказал капитан, — приглядитесь к следам. Похожи на те?

— Да, — сказал Павлыш. — Это они.

— Готовим большой катер, — решил капитан.

— Командир катера Баков, команда — Павлыш, Цыганков, Лещук, Райков, корона Аро. Из местных жителей — Девкали. За вооружение и защиту корабля отвечает Баков. За ходовую часть — Лещук. Подготовка и сборы — пятнадцать минут. Приступайте.

Когда Баков ушел, капитан сказал Бауэру:

— Глеб, подними диск повыше, на полкилометра или еще повыше. Может, наши увидят.

— А вы уверены, что похитители — жители этой планеты? — спросил Бауэр, глядя, как уходит вниз и уменьшается домик лаборатории на экране.

— Вот это новая идея. Уверен. А что?

— Уж очень это невероятно. Живые люди здесь, после всего, что произошло.

— Нельзя спрятать на планете звездный корабль, — сказал Загребин, отвергая версию Бауэра. — После тебя на вахту выйдет Кудараускас. Вместо Бакова.

— Я не устал, Геннадий Сергеевич.

— Мы не знаем, сколько продлятся поиски.

— Надеюсь, с ними ничего плохого не случилось?

— Не знаю, — сказал капитан. — Не знаю! Кто может знать? Такая тихая планета! Ни одной живой души!

7

Катер выкатился до половины из распахнувшегося грузового люка.

— Что-то сегодня наши друзья очень активны, — сказал патриций.

— Да. И взяли с собой Девкали, — ответил Ранмакан, который давно уже почувствовал неладное.

Не сходить ли ему, пользуясь давним знакомством, к Кудараускасу? Но вдруг Кудараускас не на борту? У других спрашивать не хотелось. Ранмакан был немного обижен на своих соотечественников за то, что они не избрали его в Совет. Он имел на это все права — он был первым человеком на планете. Вернее всего, это интриги капитана и особенно Бауэра. Бауэр простить ему не может тот выстрел. А сам капитан? Может ли он простить? Нет, придется отказаться от надежд на карьеру.

— Ранмакан, — сказал шахтер Ренци, из новых начальников, принадлежавший к самой низкой касте.

Еще совсем недавно он ни за что не осмелился бы обратиться к Ранмакану просто так. Он должен был сказать: почтенный Ранмакан. Все-таки

две касты разницы. Но теперь он — власть.

— Что? — спросил Ранмакан как можно равнодушнее.

— Сегодня твоя очередь идти в город с грузовым роботом. Ты помнишь, надо взять из хозяйственного магазина госпожи, как ее там звали…

— Госпожи Вапрас, «Торговля привозным товаром».

— Да, ты должен взять все по списку. Список у тебя?

— Может, сегодня и не надо будет идти?

— Как так не надо? — Шахтер сложил на груди сильные большие руки. — Ты же сам вызвался. Нам нужна посуда и нужна большая плита. У нее должна быть.

— Может, они не захотят, чтобы я ехал. — Ранмакан кивнул головой в сторону «Сегежи».

— Почему? Договорились еще вчера. Робот ждет.

— Все-таки сходили бы на мостик и спросили.

— Мне незачем из-за всякого пустяка ходить на мостик. Я не имею привычки зря крутиться на корабле.

Последнее содержало в себе намек на визиты Ранмакана к Кудараускасу, которыми тот оправдывал свои частые отлучки. Шахтер не любил

Ранмакана. Но Ренци отлично понимал, что таким чувством, как нелюбовь члена низшей касты к мелкому чиновнику, места быть не может. Понимал, но не любил. Все равно.

— Скафандр в тамбуре. Знаешь где. — Ренци отошел.

— Придется ехать, — сказал всегда готовый улыбнуться и, если надо, посочувствовать патриции. — Хотите, я составлю вам компанию?

— На тебя ни один скафандр не налезет, — сказал Ранмакан. Этого патриция он и за патриция не считал. Ранмакан решил все-таки зайти в большой дом и оттуда связаться с мостиком — можно ли ехать?

Капитан взял в каюте у Снежины пачку сигарет. Он курил и чувствовал, как кружится с непривычки голова, и злился на себя, что оказался слабее, чем сам предполагал и чем предполагали члены экипажа.

— Ранмакан говорит, — сообщил Бауэр. — Спрашивает, не отменен ли визит в город за какой-то плитой.

— А что, договаривались?

— Да. Мы еще вчера выделили для этого грузового робота-тележку.

— Пускай едет. Это ведь недалеко? Мы никого

ему не можем дать в сопровождающие?

— Больше нет свободных скафандров. Осталось только по одному на членов экипажа. Запасные надели Девкали и Кори.

— Найди-ка мне шахтера Ренци. Он знает. Если он не возражает, пошлем. В конце концов, мы здесь для них, а не они для нас.

Шахтер Ренци сказал, что сам только что напомнил о поездке Ранмакану. Пускай займется делом. Магазин за два квартала отсюда. Связью Ранмакан пользоваться умеет.

— Добро, — сказал капитан, которого в тот момент куда больше волновала проблема Горного сада.

Ранмакан выслушал все переговоры, кликнул грузового робота-тележку, снабженную тремя парами членистых рук и чем-то вроде головы спереди, и пошел к выходу из купола. Тележка послушно покаталась в шагах трех сзади. Она остановилась перед тамбуром. Ранмакан открыл люк в кладовку со скафандрами и тут вспомнил, что робот в тамбур не пролезет.

— Чего стоишь? — спросил он его. — Разве не знаешь, что тебе в грузовой тамбур надо? Первый раз, что ли?

Тележка ничего не ответила. Она вообще не

могла говорить. Кроме того, она привыкла получать приказы, а приказа пока не было.

— Ах ты, тьма тебя раздери! — возмутился Ранмакан. — Отправляйся к грузовому люку, выезжай наружу и жди меня там.

Тележка дала задний ход. Ранмакан закрыл за собой крышку люка. У выхода из купола Ранмакан вскарабкался на тележку, к ней он привык, а пешком ходить не любил, если не было к тому крайней необходимости, и поехал.

Ранмакан любил собирать трофеи и таскать их в купол. Ему казалось, пока он искал и выуживал из домов и магазинов когда-то цепные, а теперь никому не принадлежащие вещи, что он берет их себе. Правда, в куполе все равно приходилось их сдавать Пирре, главной хозяйке, но и там оставалась возможность удовлетворить гордыню. Иногда Пирра говорила:

«Ранмакан, вы гений. Где вы только могли это достать?»

И тогда Ранмакан скромно улыбался и отвечал:

«Стоит поискать, и всегда найдешь».

Сейчас Ранмакан ехал на тележке, и настроение у него было совсем не такое боевое, как обычно. Что-то случилось. И это происшествие

было связано с поездкой в Горный сад, где раньше Павлыш нашел следы. Два и два сложить легче легкого. Это Ранмакан делать умел. Не иначе, как профессор встретился там со своими. Но что было дальше? Ничего хорошего. Если бы все было нормально, зачем посылать туда большой катер? Может, нашли еще бомбоубежище. Тогда бы капитан сказал об этом Ренци, надо было бы срочно строить новые дома, и так еще половина людей живет под навесом. Хорошо еще, что в куполе дождя не бывает. Нет, тут что-то неладно…

Ранмакан привычно переводил рычаг робота, и тот полз по улицам. Ранмакан уже привык к виду мертвого Манве. Он по нему не единожды ездил, ходил и даже бегал — убегал тогда, тысячу лет назад, от капитана, вернее, от убитого им капитана. Да, кстати, ему в голову пришла светлая мысль: теперь же не будет убийств. Как можно судить человека за убийство, если убить невозможно. Хотя, может, оживляющий аппарат заберут себе патриции и никому не будут его давать? А есть еще и другой выход — не просто убивать, а сжигать людей, чтобы и следа не осталось.

Ранмакан остановил робота перед магазином привозных товаров госпожи Вапрас. Витрина магазина была выбита, но в глубине комнаты

виднелась большая плита, которую Ранмакан заметил во время последнего визита в Манве.

Ранмакан сказал роботу:

— Подожди меня здесь, — и вошел в магазин.

Там вроде ничего не изменилось. Тихо. Также стоят столбиками вложенные одна в другую миски, также громоздятся кастрюли… Крыса испуганно метнулась через комнату. В тишине магазина Ранмакану почудилось что-то угрожающее. Ему захотелось убежать к роботу, спрятаться под защиту его длинных рук. Может, включить рацию и связаться с кораблем? И что сказать?

Ранмакан нажал головой на кнопку вызова и сказал:

— «Сегежа»? Я Ранмакан. У меня все в порядке.

— Кто, кто? — спросил резко Бауэр.

— Ранмакан. Я в городе.

— Ах да, совсем из головы вылетело. И как у вас дела?

— Хорошо, — сказал Ранмакан и отключился.

Он не знал, что как раз в этот момент вышел на связь катер и Баков докладывал о ходе поисков пропавших товарищей.

Ранмакан обиделся на Бауэра. Ну и злопамятный же, даже разговаривать не хочет! Ранмакан огляделся. Все тихо. И все-таки тревожное, сосу-

щее чувство в желудке не оставляло. Ранмакан вдруг подумал: «Черт с ней, с плитой, найду другую» — и повернулся, чтобы выйти из магазина, как услышал голос:

— Здравствуй, Ранмакан. Не бойся, не вызывай корабля. Посмотри налево.

Ранмакан обернулся налево, отступая к выходу. Из-за груды кастрюль вышел Бессмертный собственной персоной. Бессмертный, старый друг, сильно изменился — похудел, постарел, поредели длинные жирные волосы, но то же круглое лицо и те же ясные голубые глаза над приплюснутым носиком и толстыми яркими губами. Те же мальчишеские веснушки на носу и на щеках и та же вечная простоватая улыбка.

— Ты узнал меня, Ранмакан? — спросил Бессмертный, подходя ближе. — Приятно встретиться после долгой разлуки.

— Здравствуй, — сказал Ранмакан. — Здравствуйте, господин Бессмертный.

— Только помни, дружище: как только ты нажмешь кнопку связи, я тебя прикончу. — Бессмертный широко ухмыльнулся. — Не бойся, — добавил он, — мы же с тобой старые друзья.

Только тут Ранмакан понял, что Бессмертный тоже, как и он, одет в скафандр. Скафандр не

облегал его, как скафандр Ранмакана, а болтался широкими прозрачными складками и был похож на старый водолазный костюм. Сходство с водолазом дополняли тяжелые башмаки. Через плечо висел автомат.

— Нам надо поговорить. — Бессмертный жестом радушного хозяина указал Ранмакану на стул. Сам сел на ящик так, чтобы наблюдать одновременно за Ранмаканом и за улицей.

8

Катер Бакова осторожно опустился на поляну, рядом с пустым Ежом. Некоторое время никто из катера не выходил. Локаторы обследовали окрестные склоны холмов в поисках подозрительных объектов, биощупы проверили, нет ли поблизости людей, и только когда Баков полностью убедился, что высадка безопасна, Малыш и Райков перебежали к покинутому вездеходу. Лазер катера повернулся вслед за космонавтами, прикрывая их.

Малыш и Христо Райков взобрались в вездеход. Все там было на местах. Будто покинули его минуту назад. На заднем сиденье лежало несколько сорванных цветков. Малыш про себя выругал

Антипина за то, что тот разрешил тащить радиоактивные цветы в кабину. Потом чистил вездеход. Малыш был неправ. Вездеход все равно приходилось дезактивировать после каждой поездки — люди в нем скафандров не снимали.

— Может, какой-нибудь знак, записка? — без особой уверенности спросил Баков, когда Малыш рассказал ему о том, что увидел.

— Ясное дело, нет.

Решено было поднять катер и перелететь на площадку на склоне холма в том направлении, куда вели следы. Пока катер будет медленно передвигаться по воздуху, под ним по следам пойдут Малыш и Райков.

— Все-таки вы рассказывали, — говорил Малыш, медленно пробираясь сквозь кустарник, — тут они нашли эти цветочки. Христо, будь другом, сделай два шага в ту сторону и посмотри, нет ли параллельных следов. Нет? Идем дальше. Вот поляна. Ну, как у тебя, Христо? Сколько, ты говоришь?

Баков обернулся к Лещуку.

— Почему не слышен Христо?

— Одну минутку.

Голос Христо появился в кабине.

— Они здесь ждали, — говорил Райков. — Не-

сколько человек. А потом побежали в твою сторону. Видишь?

— Вижу, — сказал Малыш. — Следы глубже.

— Отсюда из кустов вездеход виден? — спросил Баков.

— Сейчас посмотрю. Нет, не виден, — сказал Малыш.

— Ага, они надеялись, что Антипин не заметит. Потом они оттащили наших в кусты и ждали Антипина. Видно, услышали, что он бежит. Так попасться!

— Он никогда не воевал, — заметил Девкали.

— Все равно, ему же говорили. Следуйте дальше.

Сверху было видно, как две фигуры в скафандрах показались из кустов и медленно начали взбираться на пологий холм.

— Хуже видно, — сказал Малыш. — Но видно.

Фигурки вступили на светлую сверху полосу каменной осыпи. Катер чуть обогнал их и спустился на площадку, в стороне от их пути. Обе головы показались над краем площадки. Разведчики поравнялись с катером. Малыш поднял руку и помахал ею.

— Может, вас сменить? — спросил Баков.

— Зачем? Вот только следы потеряли на осы-

пи.

Христо, который обогнал Малыша, сказал:

— Посмотри-ка. Здесь мох и снова видно.

Малыш подошел к нему поближе.

— Правильно идем, — сказал он. — Только бы дождь не начался. Нам бы собаку.

— Под куполом есть одна, — сказал Христо.

— Она без скафандра подохнет.

Разведчики поднимались все дальше и удалялись от катера.

Вот их заслонил большой камень, потом они появились снова. Баков не хотел выпускать их из виду.

— Подними корабль, — сказал он Лещуку. — Поищем другую точку для посадки.

Катер взмыл вверх, и фигуры разведчиков опять стали видны.

— Следов нет, — сказал Малыш. — Камни пошли.

Разведчики остановились перед узкой ложбиной.

Катер поднялся еще выше. Сверху было видно, как ложбина сужалась, превращалась в узкую расщелину, терялась среди громадных обломков скал.

— Нам тут за ними будет трудно наблюдать,

— сказал Баков.

— Другого выхода нет, — заметил корона Аро.

— Идите, — сказал Баков Малышу. — Только очень осторожно. Кто-нибудь может прятаться за скалами, а нам сверху не видно.

Разведчики поднимались медленно. Сверху казалось, что они топчутся на месте, — подъем был довольно крут и в скафандрах идти нелегко.

Малыш и Райков забрались в верхнюю часть расщелины, где стенки почти смыкались у них над головами, и Баков уже приготовился спуститься еще ниже, чтобы зажечь прожектор, как Малыш сказал:

— Ну вот, я так и думал.

— Что?

— Пещера.

— Не входите туда.

— А мы и не входим. Что будем делать дальше?

— Туда не пройдет малый разведдиск? — спросил корона Аро.

— Нет. Лаз меньше метра в диаметре, даже робот не пройдет.

— Возвращайтесь назад, — сказал Баков после паузы.

— Зачем? — спросил Малыш. — Все равно придется идти в пещеру.

— Но не вдвоем, — сказал Баков, — Пойдет еще доктор…

— И я, — сказал Девкали. — Я могу пригодиться.

— И Девкали, — сказал Баков. — Готовьте прожектор.

Обратный путь по расщелине занял куда меньше времени. Минут через десять Малыш с Райковым, запыхавшиеся, взобрались обратно в катер. Доктор напоил их стимулятором, а тем временем Баков связался с «Сегежей» и рассказал о последних событиях.

На самой «Сегеже» ничего не произошло. Лишь Ранмакан вернулся с большой плитой, чем привел в восторг женщин.

9

Малыш, доктор, Девкали и Райков поднялись к входу в пещеру. За ними шел робот, тащивший большой прожектор и стационарный геологический лазер. Катер снова взмыл в воздух и повис над ложбиной.

Вход в пещеру был почти круглым, и его можно было заметить, только подойдя вплотную: дыра была прикрыта скалой. Малыш включил фонарь

на шлеме и посветил внутрь. Луч ушел в темноту и рассеялся там.

— Большая пещера, — сказал Павлыш.

Павлыш до этого не сказал ни слова за всю поездку. При других обстоятельствах Малыш обязательно бы обратил внимание на этот странный факт и довел бы его до сведения окружающих. Но сейчас он не заметил необычной молчаливости доктора, а если и заметил, то не обратил на нее внимание.

Малыш наклонился и осветил нижнюю кромку лаза. Кромка была исцарапана. Некоторые из царапин были совсем свежими.

— Наверно, они здесь. Предупредить о нашем приходе?

— Как?

— Дать сирену.

— Подожди, — сказал доктор. — Вернее всего, они и так знают, что мы здесь.

Доктор приказал роботу подойти к самому входу.

— Ты хочешь поставить большой прожектор?

— Да.

— Отсюда мы вряд ли чего увидим. Сначала все равно кому-то придется войти в пещеру. Я пойду первым.

И Малыш, не ожидая продолжения дискуссии, пригнувшись, нырнул в лаз. Как только темнота охватила его, он прижался к стенке, — лаз сразу за входом расширялся. Малыш прислушался. Ничего подозрительного. Горизонтальный столб света врывался в пещеру и растворялся в темноте. Через несколько секунд свет пропал — что-то темное заслонило вход. Павлыш толкнул Малыша и встал рядом. Он быстро дышал и спросил шепотом:

— Ничего не заметил?

— Все в порядке. Дурачье мы. Если бы они хотели, то перестреляли нас, как цыплят. Я пройду чуть вперед.

Малыш, нащупывая стенку перед собой, сделал несколько шагов в глубь пещеры. Когда отверстие лаза уменьшилось и стало белым глазом в громадном мире тишины и темноты, Малыш остановился и включил фонарь. Луч скользнул по неровной стене, оторвался от нее, выхватил где-то вдали скалу, пробежал, как палка по забору, по зубцам сталагмитов и уперся в противоположную стену туннеля. Второй луч — фонаря Павлыша — совершил такое же путешествие и также уперся в стену.

— Райков, — сказал Павлыш, — заносите с Дев-

кали прожектор.

Белый глаз входа исчез — Райков с Девкали втаскивали тяжелый прожектор.

— Включать? — спросил наконец Христо.

— Да. Дайте максимальное рассеивание.

На месте белого пятна появился красный свет, он ширился и разгорался, белел и с каждой секундой захватывал все большую часть пещеры, расцвечивал сталагмиты и сталактиты, отталкивал в глубь тени скал, отразился в черной воде озерка в глубине зала и, наконец, добрался до дальней, метрах в трехстах, стены.

Пещера была пуста.

Девкали с Райковым остались у прожектора. Малыш и доктор вышли на середину. Пещера была невысока — метров десять — и показалась Павлышу похожей на чердак в старом доме, захламленный сундуками, поломанными кроватями, лыжами, ненужными до зимы, — чердак, таящий в себе загадки и находки, невидные, пока глаза не привыкнут к пыли и полутьме, вечно царящими там.

Вернувшись к прожектору, разведчики разделились: Павлыш пошел вдоль левой стены пещеры, Цыганков — вдоль правой. Путешествие было долгим и трудным: у стен громоздились

камни, сталактиты тянули к разведчикам длинные ломкие щербатые зубы, и приходилось останавливаться у каждой трещины, у каждой впадины, чтобы не пропустить вход в следующий зал пещеры.

Тишину нарушали только резкие возгласы разведчиков. Малыш приговаривал время от времени: «А вот такого кристаллика я еще не видал». Или: «Ты мне не грози, я тебя обломаю». Малыш вообще любил разговаривать с предметами неодушевленными, — привычка эта выработалась у него за долгие годы общения с приборами в рубке связи. Павлыш молчал. Райков иногда переговаривался с Баковым: он коротко сообщал, что все в порядке, ничего подозрительного не найдено.

Минут через десять доктор встретился с Малышом у дальнего края зала. Пещера была замкнутой — выхода из нее не было.

Глава седьмая
ПОДЗЕМЕЛЬЕ
1

Баков ошибся. Антипин никуда не выходил из вездехода, не предупредив об этом «Сегежу». Все было куда проще.

Когда Снежина с профессором увидели с делянок цветы в кустарнике и полезли по склону холма, чтобы разглядеть их, Антипин ни на секунду не упускал их из виду и даже поддерживал со Снежиной разговор — для страховки.

Потом, когда Снежина и Кори отошли поглубже в кустарник и скрылись среди ветвей, Антипин подогнал вездеход к самой кромке кустарника, откуда начинался подъем на холм. Ему пришлось для этого на минуту отвернуться от своих товарищей, но это его не очень беспокоило, потому что он слышал, как Снежина разговаривала с профессором.

Люк вездехода был открыт, и, остановив машину, Антипин высунулся по пояс наружу, чтобы сверху получше разглядеть, как далеко отошли товарищи от вездехода. Он увидел, как поблескивают их скафандры, и хотел было спуститься

обратно, но ему показалось, что кусты за спиной профессора шевелятся. Они могли шевелиться и от ветра, но Антипин обеспокоился и, опершись руками о края верхнего люка, подтянулся повыше.

И в этот момент человек, неслышно взобравшийся на гусеницу вездехода, схватил Антипина сзади за шею и сильно рванул на себя. Не ожидавший нападения, Антипин потерял равновесие и вывалился из люка. Он попытался дотянуться ногой до кнопки тревоги, но промахнулся. Антипин терял сознание — сильные руки перехватили мягкую ткань на горле, и он захрипел… Последнее, что он услышал, был голос Снежины:

— Что с вами, Иван Филипыч?

В ту же секунду еще трое выскочили из кустов и накинулись на Снежину и профессора. Их повалили на землю и скрутили. Криков Снежины о помощи Антипин уже не слышал.

Напавшие велели пленникам подняться. Снежина встала и тут только разглядела, что они были лигонцами, одетыми в антирадиационные скафандры с большими прозрачными шлемами, похожими на те, что одевали когда-то водолазы. Из-под скафандров виднелись военные мундиры. Нападающие были вооружены автоматами и

короткими мечами на портупеях.

— Почему вы на нас напали? — спросила Снежина.

Солдат, к которому она обратилась, хихикнул при звуке непонятного языка, и его дряблые синеватые щеки дрогнули.

— Кто вы? — спросила Снежина по-лигонски.

— Молчи, — сказал солдат. Голос его звучал глухо и неразборчиво. Их шлемы не были приспособлены для ближней связи.

Профессор Кори не мог встать — его сильно ударили по спине, когда он попытался сопротивляться. Он сидел, закрыв глаза, и часто, хрипло дышал.

Один из солдат достал из кустов зеленый ящик — видно, походную рацию, — вытянул антенну, поднес микрофон к самому шлему и начал быстро говорить что-то по-лигонски.

Кусты зашуршали, и показались еще два солдата — они тащили за ноги Антипина. Шлем механика подпрыгивал, ударяясь о камни, и голова с закрытыми глазами моталась внутри шлема безжизненно и вяло.

— Что с ним?

Снежина рванулась к Антипину, но один из солдат толкнул ее так сильно, что она упала.

Вновь пришедшие бросили Антипина рядом со Снежиной и заговорили между собой.

— Не беспокойтесь, он жив, — тихо сказал профессор.

— Слушаюсь, — сказал в микрофон солдат, и нападающие заторопились.

Двое потащили Антипина, один взвалил на плечи легонького старика. Снежине велели подняться, и четвертый солдат шел сзади, подталкивая ее в спину дулом автомата. Пятый замыкал процессию. Он нес рацию.

Уже поднимаясь по каменистой расщелине, Снежина обернулась и увидела в небе блестящую точку — точка снижалась над горным садом. «Разведдиск», — подумала она и подняла руку. Солдат больно ударил ее автоматом между лопаток и выругался. Нет, диск их не заметил.

Солдат приказал повернуть направо, и Снежина заметила узкий лаз в пещеру. Солдаты втащили туда Антипина и Кори, Снежина вошла сама. В пещере было совершенно темно.

— Вперед, вперед, — глухо сказал солдат.

2

Солдаты привычно шли в полной темноте —

видно, дорога была им хорошо знакома. Снежина старалась считать шаги, но скоро сбилась. В полной темноте быстро теряешь ощущение реальности. Темнота скапливалась вокруг, тяжелела, давила, и Снежина никак не могла отделаться от ощущения того, что сейчас она ударится обо что-то головой. Она шла, нащупывая ногой пол, и солдат все время ругался сзади и толкал в спину дулом автомата. Наконец остановились.

Внизу что-то загудело, потом в полу показалась узкая освещенная полоса. Она ширилась и превратилась в люк — вход, крутыми ступенями уходивший вниз.

Пленников втащили внутрь, и Снежина, подняв голову, увидела, как каменная плита вернулась на свое место, наглухо отрезав их от пещеры.

Вперед уходил длинный, тускло освещенный коридор. Теперь солдаты не спешили: они были дома и не боялись преследования.

Они разговаривали громче, смеялись и вспоминали, как ловко удалось провести операцию.

Остановились перед стальной дверью. Солдат нажал кнопку перед ней, и дверь медленно отъехала в сторону. За ней обнаружился довольно большой тамбур. Как только закрылась внешняя дверь, сверху ударили струи душа. «Так, — поду-

мала Снежина, — они тщательно предохраняют себя от радиации». Душ прекратился. Солдаты снимали скафандры и, скользя по каменному полу, развешивали их в нишах.

— Раздевайтесь, — приказал один из них Снежине.

Снежина подчинилась. Кори не мог справиться со скафандром сам, и Снежина пришла ему на помощь. Потом помогла солдатам раздеть Антипина.

Открылась внутренняя дверь, и за ней обнаружился такой же коридор, только чуть лучше освещенный. За столиком у входа в коридор сидел еще один военный. Автомат висел над ним на крюке.

— Поздравляю, — сказал он, увидев солдат. — Будете награждены.

По одну сторону коридора шли одинаковые серые двери. Другая была глухой. Солдаты доставили пленников к третьей двери по счету. Внутри была вырубленная в скале комната с гладким цементным полом. На полу лежала груда тряпья.

Дверь захлопнулась, и ржаво заскрипел засов. Под потолком светилась вполнакала лампочка. Горела она неровно, видно, барахлил движок.

Снежина расстелила на полу тряпье и втащила

на него Антипина. Кори, скорчившись у двери, стонал.

— Пить, — попросил Антипин, не открывая глаз.

Снежина подошла к двери и ударила по ней кулаком.

Дверь отозвалась гулко и протяжно. Снежина еще несколько раз ударила по ней.

По каменному полу коридора зацокали шаги. Остановились перед дверью. «Глазок» отодвинулся, и тот военный, что сидел за столом в коридоре, спросил:

— Чего надо?

— Воды, — сказала Снежина. — И поскорее.

— Не умрете, — сказал равнодушно военный и ушел.

Снежина слышала, как чиркнули по полу ножки отодвигаемого стула. Военный снова сел на свой пост.

«Ах, так! — подумала Снежина. — Ну ты от меня просто не отделаешься». Она ударила кулаком по двери и прислушалась, как колокольным звоном звук удара понесся по коридору. Военный не реагировал. Снежина ритмично ударяла по двери так, чтобы звук удара накладывался на умирающий звон предыдущего. Потом сменила

темп и выстучала пулеметную очередь.

С другой стороны коридора кто-то подошел.

— Что случилось? — спросил новый голос у дежурного.

Тот сказал:

— Воды просят.

— Чего же не дал?

— Не умрут.

— Принеси воды, полковник будет ругаться. Они ему нужны. Я за тебя посижу.

Военный выругался, но ушел. Через пять минут дверь приоткрылась, и военный сунул Снежине квадратную консервную банку. Пайка разошлась, и банка протекала.

— Пей.

Снежина напоила Антипина. Тот открыл на секунду мутные глаза, хотел сказать что-то, но снова потерял сознание. Снежина нагнулась над профессором:

— Вам плохо?

— Ничего, скоро пройдет, — сказал профессор. — Механику лучше?

— Да.

— Это я во всем виноват, — сказал профессор. — Проклятая старческая память. Еще до моей смерти в этих горах что-то начали строить. Толь-

ко не на этом склоне — за перевалом. Я забыл. Надо было предупредить капитана.

— Я думаю, у них там должен быть другой выход, — сказала Снежина. — Если это военная база, то нас провели через секретный вход, запасной.

— Вы правы, — сказал Кори, морщась от боли. — Это военные. Они предусмотрели такую возможность. И все-таки полтора года просидеть в этой норе…

Антипин застонал и повернулся на бок. Он пытался встать.

— Лежите, Ваня, — сказала Снежина.

— Мы попали… в засаду?

— В капкан, — заметил профессор. — Очень глупо попались в капкан.

— Черт возьми! — сказал Антипин. — Голова разламывается. Как они нас взяли? Я, помню, высунулся, чтобы посмотреть, и потом меня кто-то начал душить, и я упал. Вот и все.

— Этого достаточно. Единственное утешение, — сказал Кори, — они нас не убили сразу. Значит, пока не собираются.

— И вообще положение не так уж плохо, — сказала с наигранным оптимизмом Снежина. — Теперь мы знаем, где они скрываются, и войдем с ними в контакт. Мы же этого хотели.

— Тише, — сказал Кори. — Идут.

По коридору стучали сапоги.

Дверь открылась. В коридоре стоял высокий военный в мундире, украшенном золотым шитьем с блестящими знаками на правом плече.

— Вы можете пройти ко мне? — спросил военный. — Здесь нам будет неудобно разговаривать.

Снежина хотела ответить, но Антипин перебил ее:

— Если мне помогут, то я доберусь. Далеко идти?

3

— Я бы не стал вас беспокоить, если бы не срочность, — начал высокий военный, когда пленники устроились в потертых кожаных креслах его кабинета.

Кабинет, как и камера, был вырублен в скале, но строители постарались придать ему некоторую видимость уюта. Стены до высоты груди были покрыты деревянными панелями, и пол был устлан пластиковым ковром.

— Я приношу извинения за некоторую грубость, которую позволили себе по отношению к вам мои подчиненные. Но поймите их правиль-

но: в их распоряжении были считанные минуты, и операцию они провели весьма быстро и точно.

Снежина наконец разглядела военного как следует. Он был чем-то похож на борзую во время линьки — так же поджар, быстр и чуть неопрятен. Однако нелады с внешним видом — неровно заштопанный рукав мундира, по-разному подстриженные виски, чернота под ногтями — не сразу бросались в глаза. На груди у военного висела черная коробочка лингвиста. Обычного стандартного лингвиста с «Сегежи».

— Зачем было нас хватать и тащить? — спросил Антипин. — Мы бы и сами пришли к вам. Мы давно ищем с вами встречи.

— Вы хотите сказать, что подозревали о нашем существовании?

— Да, — сказал Антипин. — Несколько недель назад наша группа обнаружила свежие следы в Горном саду. Но мы не знали, где вас искать, чтобы вступить с вами в контакт.

— Ну вот, теперь все хорошо кончилось, и мы встретились, — сказал военный. — Разрешите представиться, генерал Вапрас из Манве. Может быть, слышали? У моей матери был магазин привозных изделии? Так скажите мне: зачем вы нас искали?

— Как так — зачем? Надо же встретиться, — удивилась Снежина. — Ведь мы всю планету перерыли в поисках живых людей.

— Не все сразу, — сказал генерал. Он пригладил сравнительно ровный пробор и повторил задумчиво: — Не все сразу. Сначала я буду задавать вопросы. Это моя специальность. До войны я был шефом разведки.

— Ах да, как же, теперь я вспомнил, — сказал профессор Кори. — Вы приказали сжечь живьем восьмерых студентов. Тогда была демонстрация в университете, и вы объявили зачинщиков шпионами пьи.

— Возможно, они и были шпионами, — также задумчиво сказал генерал. — В любом случае приближалась война, и мы не могли допустить демонстраций. А откуда вы обо мне знаете? Вы лигонец?

— Да, — сказал профессор. — Кори из Лигона. Ботаник.

— Конечно, я должен был сразу догадаться. Вы отличаетесь от них. Так перейдем к вопросам. Откуда вы прилетели к нам?

Сразу как-то никто не ответил. Снежина посмотрела на Кори. Кори на Антипина. Не оттого, что отвечать не хотели, просто в каждой группе

всегда находится один, который отвечает на вопросы и принимает решения.

Генерал воспринял эту заминку как нежелание отвечать. Он чуть наклонил влево голову. Ждал. В генерале боролись разноречивые чувства. С одной стороны, надо было обращаться с пришельцами порезче — взять их на испуг. Время не ждало — каждую секунду их товарищи могли найти пещеру, а там и, если им повезет, подземный ход на базу. Но генерал не знал еще силы пришельцев. Его не оставляла, в общем, недостойная генерала мысль о том, что эта черноволосая женщина может протянуть к нему указательный палец, и из пальца вырвется струя смертельного огня. Где-то, в каком-то боевике довоенных времен, генерал читал об этом. Там были пришельцы, спускающиеся на Муну, и там был находчивый генерал, который возглавил борьбу против пришельцев и чуть не погиб, когда один из них выстрелил в него из пальца. Правда, в том романе пришельцы были не похожи на людей. У них было по четыре руки, и морды их были подобны драконьим.

В комнату вошел, постучавшись, солдат и прошептал на ухо генералу, что над расщелиной крутится корабль, который высадил на землю двоих в скафандрах.

— Ничего не предпринимать. Снять посты, — приказал генерал. Потом посмотрел сухо на пленников и повторил вопрос: — Откуда вы к нам прилетели?

— Мы прилетели из Галактического центра, — ответил Антипин.

— Для чего?

— Наблюдатели в центре заметили, что на вашей планете прошла атомная война.

— Что такое Галактический центр?

— Трудно объяснить. — Антипин поморщился: голова прямо разламывалась.

— Выпейте воды, — Генерал протянул Антипину стакан.

— Галактический центр, — сказал Антипин, отпив холодной воды, — это содружество разных цивилизаций, разных планет, которые достигли определенного уровня развития.

— А если не достигли?

— Тогда они не знают о существовании Галактического центра. Каждая цивилизация проходит в своем развитии опасный этап, когда средства разрушения, средства войны уже достигли такого предела, что с их помощью можно вообще уничтожить жизнь на планете. Обычно разумные существа сами преодолевают этот опасный

момент.

— А если нет?

— Если нет, тогда случается то, что было с вами. В истории Галактики зарегистрирован еще один такой же случай. Но на ту планету экспедиция центра прилетела через несколько сот лет после ее гибели. Большинство же галактических цивилизаций уже перешагнуло через барьер самоуничтожительных войн.

— Почему?

Вопросы генерала были отрывочны и коротки. Ему хотелось добраться до сути дела, но его задерживало собственное любопытство. Ответы Антипина не разъясняли еще ни силы прилетевших на Муну пришельцев, ни возможностей их в военном отношении, но отказаться от этой общей информации генерал не мог. Необъятность космоса скрывалась за словами Антипина, пугающая необъятность космоса, в котором не находилось пока места лиговскому генералу.

Антипин вздохнул. Он был не мастер говорить. Он старался говорить так же, как говорил бы на его месте капитан или хотя бы Павлыш, — обстоятельно и доступно.

— Галактика, где мы живем, родилась, по космическим масштабам, недавно. Те звездные

системы, в которых могла образоваться жизнь, развивались почти одновременно. Опять же в космических масштабах. Разница в столетиях, например, мы…

— Кто это «мы»?

— Наша планета, с которой мы родом, Земля. Мы вступили в Галактический центр всего несколько лет назад.

— У вас есть атомное оружие?

— Нет.

— Почему? Не изобрели? Не смогли?

— Наивный вопрос. Атомное оружие — наше прошлое. Оно было. Его уничтожили, когда поняли наконец, что обладание им приведет в конце концов к всеобщей гибели.

— Сами догадались?

Генерал не верил Антипину. Снежина поняла это по тому, как сузились его светлые фарфоровые глаза.

— Конечно, сами. Галактический центр тогда еще о нас не знал.

— И у вас была атомная война?

— Была большая война, в которой были употреблены две атомные бомбы. Потом их еще много лет взрывали на испытаниях, и армии накапливали оружие. Это было опасно.

Снова вошел солдат. Генерал выслушал его, не спуская глаз с Антипина, молча кивнул головой и отпустил солдата.

— Итак, — сказал генерал, — вы узнали, что где-то идет война, и поспешили, чтобы помешать ей. Я вас правильно понял?

— Почти. Мы знали, что война кончилась. Что на планете люди погибли. Но мы надеялись спасти хотя бы часть людей.

— Зачем?

— Чтобы они жили. Чтобы жила ваша планета.

— А вы спросили нашего разрешения?

— Чьего?

— Разрешения законного правительства Лигона.

— Его не существовало.

— Мы существовали — я тому наглядный пример.

Антипин даже не смог сдержать улыбки.

— Что же это за правительство, — сказал он, — которое прячется в пещере после того, как допустило, чтобы планета погибла? Как мы могли узнать, что вы живы? Вы тщательно скрывались.

— Не мы виноваты в том, что планета погибла.

Смертельный газ пустили пьи. Наши враги. Враги всего живого. Варвары.

— А вы взорвали все их города. Еще до того, как они применили газ.

— Пьи — звери и убийцы, — сказал генерал, и Снежине показалось, что он в тот момент верил своим словам. — Пьи придумали себе живого бога, и поклонялись ему, и приносили в жертву людей. Вы об этом не знали? А впрочем, сейчас разговор не о том. Вы уверяете, что пришли к нам, чтобы помочь планете. А потом? Если бы вы нашли живых людей? Превратили бы планету в колонию?

— Зачем нам это? — ответил вопросом на вопрос Антипин.

Он устал, но нельзя было показать свою слабость. Антипин понимал, что генерал проявление любой слабости воспримет как собственную силу. Но еще оставались возможности договориться, как-то понять друг друга. И пренебрегать этими возможностями было нельзя.

— Я еще не знаю зачем. Я недостаточно знаком с вами. Но не пытайтесь меня уверить в том, что вы филантропы. Ладно. — Генерал встал. — Меня теперь интересуют некоторые конкретные детали. Они мне нужны не ради простого любопытства,

и я хотел бы, чтобы вы отвечали на мои вопросы искренне, коротко и быстро. Время не ждет.

Если бы генерал не сделал этого предупреждения, Антипин продолжал бы искренне отвечать на все вопросы. Но по тому, как изменился тон генерала, по тому, как он встал и прошелся по кабинету, Антипин понял, что общий разговор закончен. Или перенесен в будущее. Начинался допрос. И допрос этот вел начальник разведки, который уже давно на этом специализировался. Антипин вспомнил исторический кинофильм, где так же ходил по комнате генерал, только в другой, земной форме, и также говорил о том, что на вопросы надо отвечать кратко и искренне.

— Я все время отвечаю искренне, — сказал Антипин.

— Очень хорошо. Вопрос первый: сколько вас на корабле?

Антипин открыл было рот, чтобы ответить, но Снежина, не скрываясь, наступила ему на ногу. Антипин посмотрел на нее.

— Не отвечай, — сказала Снежина, увидев, что генерал заметил ее движение.

Генерал улыбнулся и нажал кнопку на столе. Он уже понял, что пришельцы не умеют стрелять из пальца. Они нервничают.

— Уведите женщину, — сказал генерал вошедшему солдату. — И этого старика. И посадите их раздельно, чтобы не переговаривались.

Когда тех увели, генерал снова обратился к Антипину.

— Надеюсь, с вами мы договоримся, — сказал он. — Ваши спутники не могут отвечать за свои действия и не могут понять всей серьезности ситуации, в которой они оказались. Если вы говорили правду, то вы давно не воевали. А военное дело, как и дело разведчика, требует профессионализма. Если в нем не упражняться, то можешь проиграть битву слабому противнику. Вы не профессионалы. Я профессионал. Значит, вам придется подчиниться.

— Я согласен отвечать на ваши вопросы, — сказал Антипин. — Но я тоже буду задавать вопросы. И сначала самый главный вопрос: зачем вам все это нужно?

— Что?

— Зачем вам нужно было нас похитить? Зачем нужно было тащить сюда? Зачем допрашивать и грозить, зачем хвалиться профессионализмом? Ведь, в конце концов, мы никогда не старались скрыться от вас, не отказывались от переговоров и не отказываемся теперь.

— Откуда мы знаем, что вы говорите правду? Поставьте себя на мое место. — В голосе генерала прозвучала застарелая тоска. — Мы уже много месяцев живем в подземелье. Мы на это не рассчитывали. Еще хорошо, что найденная нами пещера надежно предохранила нас от радиации, а подземное озеро в пещере оказалось достаточным источником воды. Я уверен, что нигде больше на Муне таких условий не сохранилось.

— Да, больше людей нет, — согласился Антипин. — По крайней мере, мы не обнаружили их следов.

— Для того чтобы выжить, пришлось избавиться от лишних ртов, — сказал генерал задумчиво.

— Вы убили своих же?

— Да. Осталось меньшинство. Сначала в пещере было втрое больше людей. И даже несколько штатских политиков — патриции, министры. Их мы ликвидировали. Это суровая необходимость. Если бы не победили сильнейшие, умерли бы все. Ничего не поделаешь. И тут мы узнали, что к нам прилетели гости. Мы следили за вами. Несколько недель, теперь решили действовать.

— Почему таким образом? Не лучше ли связаться с нашим кораблем? Поговорите с капитаном или представителями Галактического центра.

— Мы предпочитаем разговаривать, диктуя свои условия. Мы вам не верим и никогда не поверим в этот сладкий бред о помощи погибшей планете. Давайте будем откровенны: вас интересуют наши шахты? Наши города? Наши произведения искусства? Наши поля? Что?

— Все нас интересует, — сказал Антипин (как голова болит!), — и города, и поля, и люди, но для вас же самих.

— Чепуха, — сказал генерал убежденно. — Даже меня не интересуют судьбы этих людей. Но я не могу выжить один. Поэтому живем вместе. Как видите, я откровенен и надеялся, что вы будете откровенны в ответ. И потому я спрашиваю: сколько у вас людей на корабле?

— А сколько у вас здесь?

— Это не ответ. Предупреждаю, у меня в запасе есть меры воздействия, о которых вы и не подозреваете. Как вооружен корабль?

4

Антипина втащили в камеру два солдата и бросили на пол. Половину его лица покрывал большой кровоподтек. Антипин громко скрежетал зубами, так громко, что Снежине показалось,

что зубы крошатся.

— Не подходить, — сказал один из солдат Снежине, кинувшейся было к механику. — Иди. Твоя очередь.

И он потянул Снежину к двери.

Входя в кабинет, Снежина внутренне сжалась. Шутки кончились. Незнакомцы оказались врагами. Но если они враги, то и кораблю и куполу грозит опасность. Гибель. Снежина не слышала, что говорил генерал Антипину о профессионалах, но понимала, что находится в руках людей, чья профессия — убийство. Обитатели купола и корабля всю жизнь занимались совсем другими мирными вещами.

— Ну вот и вы. — Генерал почти радушно приподнялся из-за стола. — Надеюсь, вы успели взглянуть, до чего довело вашего спутника упрямство. Садитесь. Для начала я хочу сказать, что ваше положение безнадежно. Совершенно безнадежно. Ваши товарищи пытались вас найти, но ничего из этого не вышло. Больше того, только сейчас я узнал, что они находятся в переднем зале пещеры и оттуда вряд ли выйдут. Хотите полюбоваться?

Генерал раздвинул шторы рядом со столом, и там обнаружился маленький экран телевизора.

Генерал включил его. На экране появилось нечеткое черно-белое изображение большого темного помещения, освещаемого одним прожектором. Посреди него стояла кучка людей в скафандрах. Снежина подошла поближе к экрану. Скафандры были знакомы. Это были скафандры земного производства.

— Ваши товарищи, — повторил генерал, — находятся в той пещере, сквозь которую вас провели сюда. Они еще раз показали, что их нельзя назвать профессионалами. Они в ловушке. А как это делается дальше, я вам сейчас продемонстрирую. К сожалению, ваш спутник потерял сознание раньше, чем я узнал о таком выгодном для нас повороте дел. Смотрите.

Генерал нажал кнопку, и Снежина увидела, что фигурки на экране повернули головы в сторону прожектора. Что-то случилось там, в пещере. Вот они бегут в тот конец пещеры…

— Небольшой обвал, — сказал спокойно генерал. — Вход, через который они прошли, обрушился. Им не выйти. — Генерал выключил экран. — Дальнейшее зависит от вас, милая девушка. Вы отлично понимаете, что мы можем контролировать каждый шаг четырех человек, находящихся в пещере. Мы можем убить их, если понадобится. И ничто на свете не вернет их к жизни.

Снежина молчала. Очевидно, генерал еще не знает об аппаратуре корона Вас. Наверное не знает. Да и вообще они не могут знать многого. Видеть корабль — они видели. Генерал все время употребляет это слово. Очевидно, видели и купол,

но подобраться ближе не смогли. Так чего же им в конце концов надо? Просто уничтожить нас? Голос генерала был ровен и бесстрастен. Может, виной тому был лингвист, который не умел передавать интонации. И снова вопрос:

— Сколько вас всего на корабле? Чем вооружен корабль?

Удивительно ограниченны мысли этого человека. Он воспринимает корабль как противника и только как противника. Он хочет с ним воевать. Он хочет победить его.

— Вы полагаете, что война с вами безнадежна? — говорит генерал. — Вы думаете, что за вами стоит могучая цивилизация, которая придет на помощь? Ну, допустим, мы переоценили свои силы, допустим, помощь придет. Но вам-то что до нее? Вас к тому времени не будет.

— Мы не собираемся ни с кем воевать, — говорит Снежина. — Мы не собираемся никого уничтожать. Неужели вы не понимаете, что может быть мир ступенью выше, чем тот, в котором вы живете? Да, мы мощнее вас, очевидно, мы могли бы уничтожить и вас и вашу планету…

— Вот это уже разговор, — сказал генерал. — Не прошло и часа, как и вы, миролюбивые и кроткие, заговорили об уничтожении. Это заложено в каж-

дом человеке, надо только поглубже копнуть.

— Опять вы не дали мне договорить и перетолковали все, как хотели, — сказала Снежина. — Да, мы могли бы это сделать. Но этого не случится. Это немыслимо, вы понимаете: немыслимо.

— Каждое живое тело, каждый организм обладает инстинктом самосохранения, — сказал генерал. — Это я учил еще в школе. Организм, лишенный этого инстинкта, погибает. Его съедят.

— Война — не обязательная часть этого инстинкта.

— А если на вас напали? Если на вашу планету опускаются враги? Вы их кормите сладкими булочками?

— Вы не знаете некоторых законов развития. Один из них, генерал, заключается в том, что цивилизация, поднявшаяся до покорения межзвездного пространства, перестает воспринимать войну как часть своего существования. Покорение космоса доступно только тем, кто уже отказался от войн. Природа настолько сильна и опасна, что разумные существа должны объединиться для борьбы с ней. Это труднее самой жестокой войны.

— Меня не интересуют ваши законы. Законы на то и придуманы, чтобы нарушать. Я задал во-

прос: а что будет, если на вашу планету нападут враги?

— Мы будем защищаться. Но повторяю, что эти враги не могут быть разумными. По крайней мере, такого еще не было.

— Я разумен. И я сейчас скорее ваш враг, чем друг.

— Вы уничтожили себя раньше, чем научились строить межзвездные корабли.

— Мы себя не уничтожили. Мы уничтожили остальных. Итак, в ваших руках судьба ваших товарищей. Они сейчас сидят в пещере и не могут выйти. Я подозреваю, что за последний день ваш капитан не досчитался лучшей части своего экипажа. Ваш корабль вооружен?

— Да, — сказала Снежина.

Она говорила правду. Корабль был оборудован средствами защиты от сил природы, от неожиданностей дальних планет. Значит, если нужно, он мог защитить себя и от врагов.

— Уже лучше. Расскажите, какое это оружие. Только покороче.

— Честно говоря, я не специалист. Я прохожу практику на нашем корабле.

Снежина говорила не спеша. Главное сейчас — время. На «Сегеже» найдут возможность осво-

бодить людей из пещеры. Каждая минута была чистым проигрышем для генерала в войне, которую Снежина вела здесь, под землей, в первой и последней войне, в которой ей приходилось принимать участие.

— Существует ли пароль, с помощью которого можно проникнуть на корабль? Я не сомневаюсь, что он существует. Не делайте удивленных глаз. Я не поверю, что вы настолько…

Генерал включил экран телевизора. Маленькие фигурки в скафандрах столпились у прожектора и старались что-то сделать с камнями, завалившими вход.

— Еще минута — и их не будет в живых. Мне нечего терять. Вам их должно быть жалко. Все-таки вы же филантропы.

— Да я вам честно говорю, поверьте раз в жизни! — возмутилась Снежина. — У нас нет никаких паролей…

Она в самом деле говорила искренне. И не ее вина, что генерал не мог ее понять. Они говорили на разных языках, хотя и пользовались формально одним. Каждый человек судит других по тем меркам, на которых сам воспитан, и оценивает их поступки по себе. Возможно, разговаривай Снежина с представителем куда более высокой,

чем земная, цивилизация, с представителем цивилизации послетехнической, мысли ее и стремления показались бы собеседнику примитивными и не всегда понятными. Может быть, и Снежина не поверила бы ему в чем-то, как не верил ей генерал Вапрас. Снежина не была наивной и не знающей прошлого девушкой, как изображают порой людей будущего в фантастических романах. Она отлично знала историю Земли и ясно представляла, что говорили и что делали со своими жертвами инквизиторы или гестаповцы. Но когда сталкиваешься лицом к лицу с далеким прошлым, даже отчасти знакомым, чувства отказываются воспринимать реальность. А все происходящее нереально, кошмарно, но с этим надо было бороться. Потому что, если не бороться с прошлым, оно может победить. На время, на каком-то ограниченном участке мира, но может. И потом исправлять ошибки куда сложнее, чем совершить их.

— Если бы я знала, что вам нужно, — сказала Снежина с отчаянием. — Если бы я знала! Но вы ведь задаете вопросы, не объясняя ничего. Вы хотите воевать с нами? Это же нелепо, вы сами понимаете.

— Может быть, я со временем объясню вам,

чего я хочу, но прежде вам придется все-таки рассказать, как попасть на ваш корабль. И когда будете отвечать, смотрите на экран. В вашем распоряжении три минуты.

В этот момент в комнату вошел солдат и, наклонившись к генералу, тихо сказал:

— Бессмертный вернулся. Важные новости.

Бессмертный, Бессмертный… Где же Снежина слышала это имя? От Кудараускаса? От Девкали?

Генерал спросил:

— В самом деле?

— Он был там и установил контакт.

— Та-ак. Уведите женщину.

Когда Снежина шла по коридору в свою камеру, она вдруг подумала: «А откуда у генерала лингвист? Генерал был на корабле? Или кто-то из его людей? Может, он и сейчас там? Тогда для чего все эти вопросы?»

5

На мостике «Сегежи» все собрались у экрана.

— Время добродушных шуток кончилось, — сказал корона Аро. Он первым произнес эти слова, которые рано или поздно кто-то должен был сказать. — Завал произошел не случайно. Все мы это

знаем. Связь с теми, кто остался в пещере, прервана. Я предлагаю немедленно погрузить в корабль всех, кто живет в куполе. В корабле безопаснее. В случае, если наши товарищи погибли, лететь обратно. Без совета с Галактическим центром мы ничего предпринимать не можем.

Бауэр обратил внимание на то, как хорошо научился говорить корона по-русски. Мысль не имела никакого отношения к делу, и Бауэр попытался отогнать ее. Бауэр был не согласен с короной Аро. Вроде бы все слова на месте, но в то же время согласиться никак нельзя.

— Может, обвал был естественным? — спросил он.

— Все равно пробиваться час-два, — сказал Кудараускас.

— Что вы скажете? — спросил капитан у шахтера Ренци, который до сих пор сидел в углу и мрачно молчал.

— Я думаю, — начал Ренци медленно, — ваши люди и Кори попали в руки к военным. Как те остались живы, не понимаю. Наверно, была ракетная база в скалах. Надо бы найти документы. Обыскать министерство обороны в Лигоне. Там могут быть ее планы. Вряд ли пещера — единственный вход. Он слишком маленький.

— Некогда, — сказал корона Аро. — Надо пробиваться в пещеру. Если наши товарищи погибли, немедленно эвакуировать всех, кто захочет с нами лететь. Решать будет Галактический центр.

— Пожалуй, Ренци прав, — сказал капитан. — У нас есть спасательный катер. Полет на нем в министерство обороны займет меньше часа. Правда, у нас почти не осталось людей.

— Я могу полететь, — сказал шахтер. — Так что нужен будет только один из вас, который поведет машину.

— Я полечу, — сказал Бауэр. — Останется Кудараускас.

— Я согласен с Ренци, — сказал капитан, — придется срочно поднять архивы министерства обороны. Бауэр, распорядись, чтобы на ракету погрузили малый Мозг. Без него вам не управиться. В него заложена программа лиговского языка?

— Да, — коротко ответил Бауэр и, включив внутреннюю связь, отдал распоряжение роботам.

— «Сегежа», «Сегежа», я катер, — раздался на мостике голос Бакова. — Режем лазером скалу. Работы еще часа на два. Связи с Павлышом нет.

— Вот что, Баков, — ответил капитан. — Оставь роботов резать скалу, а сам поднимись немного и облети холм. Может быть, у пещеры есть другой

выход. Основной. Ты меня понял?

— Ясно, Геннадий Сергеевич, — сказал Баков. — Мы тут старались выстукивать скалу, и наши отозвались. Но плохо слышно. В общем, живы. До связи.

— До связи, Алексей, — сказал капитан.

— Может быть, все-таки обвал случаен, — сказал Бауэр.

Корона Аро отрицательно покачал головой.

Капитан подошел к пульту и включил сигнальную систему.

Маячки, окружающие купол и «Сегежу», отозвались разноцветными огоньками.

— Зенонас, я пойду поем, — сказал капитан. — А ты глаз не спускай с экрана. Да, и включи пеленгатор дальнего действия.

Капитан пошел было к двери вслед за Бауэром и Ренци, но остановился, поглядел на корону Аро и сказал вслед шахтеру:

— Ренци, перед тем как уедете, скажите вашим, чтобы были готовы к посадке на корабль. На всякий случай. Осторожно скажите, без паники. Сможете?

— Смогу. — Ренци печально усмехнулся. — Мы привыкли убегать в бомбоубежища.

6

Прожектор работал. Это был автономный аппарат, не связанный с роботом. Малыш с Девкали откатили его подальше от входа.

— Попали в ловушку, — сказал Малыш. — Как детишки, попали. Не нужно быть разумным существом, чтобы закрыть эту дырку. Муравьи и те бы нас завалили. Чтобы потом съесть. С потрохами.

— Не паникуй, Цыганков, — сказал Павлыш. — Пока еще ничего не случилось. По крайней мере, мы сейчас ближе к нашим, чем были раньше. Просто мы еще не нашли парадного подъезда, который ведет к ним. Завал нам самим не пробить?

— Нет, — сказал Райков. — Не пробить.

Темнота и тяжесть пещеры действовали на него подавляюще. Он говорил тихо, почти шепотом.

— Громче, — сказал Павлыш. — Не поддавайся печали. Мне один рассказал, что он сидел на Камчатке в пещере три дня, и что бы ты думал?

— Что?

— Вылез.

— Мне кажется, за нами наблюдают, — сказал

Девкали. — Оттуда. — Он показал рукой неопределенно наверх и в сторону.

— Может быть, — согласился Павлыш.

— Тише.

— Что такое?

— Слышишь? — спросил Малыш.

Чуть слышно раздавалось постукивание. Со стороны входа в пещеру.

— Наши, — сказал Павлыш.

— Я отвечу, — сказал Райков.

Павлыш подошел к черной стене, приложил ухо к камню. Так было лучше слышно.

Тук-тук, — отстукивал кто-то.

Тук-тук, — отстучал Павлыш в ответ.

— Азбуку морзе знает кто-нибудь? — спросил он.

— Да, — сказал Христо, — Я ее в прошлом году сдавал.

Христо выстукал:

«Мы живы».

«Хорошо, — раздалось в ответ после долгой паузы. — Ждите нас».

— Ждать, видно, долго придется. Взрывать боятся, — сказал Малыш.

— Откуда они знают, что вся пещера не обвалится?

— Да и мы не знаем.

С минуту они стояли, прислушиваясь к ударам. Далекий гул рассказал о том, что кусок скалы отвалился от входа. Опять постукивание, и такое же далекое.

— Основательно нас завалило, — прошептал Христо Райков.

— А если попробовать идти к ним навстречу? — спросил Девкали. — У вас же два лучевых пистолета.

— Не поможет. Только истратим заряд. А он еще может пригодиться, — ответил Павлыш. — Вот что, пока мы тут сидим взаперти, не будем тратить времени даром. Вернее всего, нас здесь изолировали, потому что мы слишком близко подобрались к их убежищу. И вход должен быть где-то рядом. Стены мы обыскали. Остались еще пол и потолок. Пол вероятнее. Сделаем так: ты, Райков, и ты, Девкали, останетесь здесь, в тени, за прожектором. Мы с Малышом, как более опытные, постараемся побродить по залу. Может, найдем чего-нибудь интересное.

— Если бы могли и хотели, убили бы, пока мы ходили с Малышом вдоль стенок. И чего им нас убивать? Пошли, Малыш. Один лазер возьмем с собой. Другой оставим тебе, Христо. Держи. В

случае чего прикрывай огнем. Вас в училище обучали, как с этой штукой обращаться?

— Да, — сказал Райков. — Но не в людей стрелять. В людей нас не учили.

— Я тебя не учу в людей стрелять, — сказал Павлыш мрачно. — Я сам ненавижу в людей стрелять. И не стрелял. А если нужно, буду. Еще неизвестно, каково там нашим. Малыш, по залу так просто не гуляй. От камня к камню, перебежками. А ля гер — ком а ля гер.

— Это по-французски? — спросил Малыш.

— Да. И значит: на войне — как на войне. Если опасаешься, оставайся здесь.

— Чего это мне опасаться? — обиделся Малыш.

Первым плиту, прикрывающую вход в подземелье, обнаружил доктор. Он не сразу поверил своим глазам — плита была тщательно подогнана, и только случайно скользнувший луч фонаря обнаружил тонкую, слишком прямую, чтобы быть естественной, трещину в полу пещеры. Павлыш провел лучом фонаря по трещине до ее конца и увидел, как она изламывается под прямым углом.

— Малыш, — позвал он, — подойди-ка.

— Нашел что-то? — спросил Малыш, подходя. — А… и в самом деле…

— Ни с места, — сказал по-русски спокойный холодный голос. Голос донесся откуда-то сверху, отразился от стен пещеры и эхом повторил: «Ееста!» — Бросить оружие! При попытке сопротивления вы будете уничтожены! — так же спокойно продолжал голос.

Ни Малыш, ни доктор не были приучены поднимать руки и бросать оружие. Им просто не приходилось раньше этого делать. Оба они, не сговариваясь, бросились в лес сталактитов.

Зазвенели, отшибая обломки камней, пулеметные очереди.

— Ох, черт! — выругался Малыш. — Меня, кажется, задело.

— Ползи сюда, — сказал Павлыш. И крикнул изо всей силы: — Христо, вырубай прожектор!

На пещеру навалилась темнота.

Так война снова пришла на планету Муна.

Глава восьмая
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА
1

Профессор Кори сидел отдельно от Снежины и Антипина. Он ничего не знал о их судьбе, только мог догадываться, что если его пока не трогают, значит, военные заняты с остальными космонавтами. Кори смотрел трезвее, чем Снежина, на поведение генерала. Без иллюзий. Он генерала знал давно. По приукрашенным портретам в журналах, по отчетам о процессах и путчах. Он знал и других генералов и подозревал, что не один Вапрас нашел себе убежище в подземелье. Кори казнил себя за то, что не вспомнил вовремя о военном строительстве в холмах.

Он поднялся с кучи тряпья. Болело сердце. Очень болело сердце. Кори не знал, умеют ли регенерировать новые сердца на «Сегеже». «Если вернусь, —думал он, — надо попросить доктора Павлыша». Кори не мог догадаться, что Павлыш находится совсем рядом, в верхнем зале пещеры.

Неужели Снежина и Антипин будут настолько наивны, что расскажут генералу все, что он хочет узнать? Неужели они не поймут, что генерал

не собирается подчиниться новому порядку на планете? Опасность грозит и кораблю и куполу. Куполу и всем его обитателям, которые думают, что пережили последнюю войну. А война может вот-вот начаться снова. И тогда уже никто не переживет ее. Кроме генералов в подземелье.

Кори костяшками пальцев простучал стены. Две из них были сплошными, вырубленными в скале. Одна, выходившая в коридор, была, очевидно, стальной. Кори больше, всего заинтересовала четвертая стена. Наверху в ней находилось окошко, вернее, широкая щель, соединявшая камеру с соседним помещением. В нем было темно. Если бы добраться туда…

Кори мог достать руками до края щели — камера была низкой и вряд ли предназначалась для того, чтобы держать в ней пленников. Вернее всего, решил профессор, в таких камерах жили солдаты. И жили не очень комфортабельно. Складные койки — их две — были откинуты и прикованы к стене цепями. Никто не догадался откинуть хотя бы одну для пленника. Может, не было указаний, а сами солдаты не догадались. А может быть, профессора не собирались долго держать в этом помещении. Если они еще будут разговаривать с пришельцами, то вряд ли будут

тратить время на старика.

Кори попытался подтянуться на руках к щели, но это было безнадежно. Слабые руки не смогли поднять тело даже на сантиметр от пола.

Профессор обессиленно прислонился к стене. Выхода не было.

Дверь звякнула. В проеме стоял военный. Генерал. Другой генерал. Мундир его был помят и потрепан. Сальное пятно красовалось на брючине чуть выше колена. Генерал густо оброс жесткой колючей бородой. У него было странное лицо, будто кто-то нарочно приставил к нормальной по размерам голове слишком большой нос и уши, — за ними терялись другие черты лица.

— Профессор Кори, — сказал генерал, — Мы рады приветствовать вас.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Кори.

— Тише-тише, это проще простого. Я заглянул в кабинет Вапраса. Незаметно, конечно. Я узнал вас. Когда-то, лет пять назад, я был в комиссии по поводу ваших опытов. Вы меня забыли. Но я-то вас помню. У меня хорошая память на лица. Вы разрешите поговорить с вами?

— Пожалуйста, — ответил Кори, лихорадочно стараясь припомнить, где он видел этого генерала. Может, и на том совещании — а их было много

— генерал тоже присутствовал незамеченным?

Генерал достал из кармана большой ключ, отомкнул одну из цепей, держащих кровать, и, откинув ее от стены, пригласил профессора сесть.

— Я к вам по секрету. Так сказать, конфиденциально. Надеюсь, вы патриот?

— Да, — ответил профессор. — Своего рода.

— А мне казалось, — сказал генерал, — что вы покинули этот свет еще до начала войны. Или я запамятовал?

— Я умер, — сказал Кори. — Я умер, очевидно, месяца за три до войны. И хорошо сделал.

— Это как прикажете понимать? В переносном смысле?

— Нет, в самом прямом, — ответил профессор. — Я умер, но пришельцы воскресили меня.

— Постойте, постойте… — Изумление генерала было вполне искренним. — Человека оживить нельзя.

— Мы этого не можем, но, слава солнцу, нами не исчерпывается Вселенная. Есть и другие миры, лучше нашего. Там могут уже делать и это.

— М-да. И это для них просто?

— А почему вас это интересует?

— Я буду совершенно откровенен, — сказал генерал. Он сделал значительную паузу и сказал:

— Я говорю с тобой как с патрицием. Ты ведь из второй касты?

— Было такое, очень давно. Теперь это неважно.

— Разумеется, неважно. Кто будет заботиться о кастах в мире, где осталось двадцать человек, и притом все они живут под землей? Но если ты из высшей касты, ты благороден не только по происхождению, но и в поступках. Я правильно говорю?

— Весьма сомнительно, — не без иронии ответил профессор. — История этого не подтвердила.

— Ладно, профессор, я не буду с тобой спорить. У меня нет на это времени. Я буду краток и откровенен. Надеюсь на взаимность. Я человек простой, хоть и патриций. Мне под землей сидеть надоело. У меня все волосы повылезли. Скоро умру, как полковник Смирти. Все помрем. Никого не останется. Я хочу тебе помочь. И ты мне за это поможешь. Помоги мне встретиться с твоими пришельцами. Я тебе за это помогу бежать. Как патриций патрицию. А?

— Вы говорите от своего имени?

— От своего. У меня есть два солдата. Верных. И все. У нас у всех по два солдата. У Вапраса больше. Три. Вода уже портится в озере. Ничего не поде-

лаешь. Нечистоты просачиваются. Ты сидел год в дыре? Под землей? Сидел? Это только Вапрас может выдержать. Бездушная кукла. Сам из четвертой касты. Почти простолюдин. Ему что, он машина. Он диктатор. Он — король планеты. Я тебе помогу бежать и сам убегу. Я им все расскажу. Мы вместе это гнездо разорим. Всех перебьем.

Голос генерала поднялся почти до крика. Уши колыхались, малиновые на просвет, и нос вздрагивал в такт словам.

«Он ненормален, — подумал Кори. — Он ненормален, и это естественно».

— Чего вы хотите от корабля, от пришельцев? — спросил Кори.

— Они уже договорились. Остальные слушаются Вапраса. Они боятся, что он их задушит, как остальных. А я не боюсь. Я старый вояка…

Генерал задохнулся и замолчал, переводя дыхание.

— Хорошо, генерал, — перебил его профессор, — мы будем с вами сотрудничать. Надеюсь, вы не замышляете подвоха?

— Подвоха? Какой может быть подвох? Что я выбираю — дыру и смерть через месяц? Я же знаю, что они не победят. Вапраса ваши вздернут на суку. Его давно пора вздернуть на суку. Он будет

делать вид, что хочет переговоров, будет требовать, чтобы корабль ушел с планеты и оставил аппарат для оживления. Они очень хотят жить.

— Стойте, генерал, — сказал Кори. — Откуда вы знаете, что они хотят оставить себе аппарат? Вы же только что весьма умело делали вид, что ничего не слышали об оживлении людей.

— Врал, все врал, — хихикнул генерал, и лицо его стало, как мятая подушка. — Вас проверял. И этого проверял. Бессмертного. Любимчика Вапраса. Он из разведки вернулся, встретился там с одним человеком, припугнул его. Тот все рассказал: и про купол, и про аппарат. Еще обещал помочь, когда нужно.

— Как зовут этого человека?

— Неважно, не знаю, не обратил внимания. У простолюдинов имена такие непонятные. Я все знал. Вапрас прямо подпрыгнул. Такая возможность. Тут мы подыхаем, а есть аппаратик. И корабль. Мы и корабль захватим. Но не скажем, будем как будто мы правительство, как будто у нас тут два батальона пехоты и тысяча ракет. Мы корабля требовать не будем, а как проберемся туда, тогда обязательно потребуем.

— Мне все понятно, — сказал Кори. И про себя добавил: «Это еще опаснее, чем я думал». — Как

вы собираетесь отсюда выбираться, генерал? — спросил он.

— Мы сейчас через главный ход — у запасного завал — ваших накрыли. Четверых. Полезли сами в капкан вас выручать. Не знали, с кем имели дело: с лучшими умами военной школы Лигона. Это я организовал. Давно еще возможность предусмотрел. Чтобы когда нужно — бах-бах, и нет входа. У главного входа мой человек стоит. Я ему обещал, что с собой возьму. Дурачье, тактики не знают, двадцать инвалидов на межпланетный крейсер. У вас крейсер?

— Нет, это только эсминец. С тремя атомными пушками и боевыми лучевыми установками. — Кори говорил серьезно.

Генерал готов к тому, чтобы пойти на мировую с коллегами, но не захочет переговоров со штатскими.

— Я так и думал, — возрадовался генерал. — Я просто так про крейсер спросил. Я как увидел снимочек, что Бессмертный сделал, понял: если у них такие эсминцы, крейсер прилетит — во-во!

— Здесь мои друзья, — сказал Кори, дав генералу переварить военную тайну. — Они должны уйти с нами.

— И не думай, — сказал генерал. — И не думай,

так никто не дойдет. Их не пристукнут. Вапрас понимает: это его козырь. А тебя пристукнут. Ты не козырь, хоть и патриций. Тебя пристукнут. И меня пристукнут. И меня пристукнут, если узнают. А с ними останешься, тоже пристукнут…

Генералу стало жалко себя. Он опустил голову на ладони и всхлипнул. Профессор уловил в камере запах сладкой травы, туманящей сознание. Видно, генерал принял понюшку перед тем, как решился пробраться в камеру к Кори. Теперь наркотик начинал действовать. Бежать надо было срочно, если вообще удастся убежать с таким союзником. Сведения, которые получил Кори, были настолько важны, что придется и в самом деле не настаивать на том, чтобы освободить товарищей.

— Пошли быстро, — сказал он генералу.

— Куда? Ах да, мы убегаем.

Генерал покачал носом и с грохотом втянул воздух.

— Бежим. У меня свой человек у входа. А ты мне напиши пропуск. Чтобы, если тебя пристукнут, меня твои пропустили.

Генерал протянул профессору обгрызенный карандаш и смятый листок бумаги. Кори взял карандаш, расправил листок, но писать не стал,

сказал:

— Я напишу, а вам больше смысла оставить меня здесь и пробираться к кораблю самому. Так ведь?

— Умница, — одобрил генерал. — Я бы тебя на месте пришлепнул. Оставь карандаш в подарок. Это мой последний карандаш. У Вапраса есть, но он не дает. Пошли. Как выйдешь, сразу беги за угол, налево. Там дверь будет приоткрыта. Если что — ныряй. Нет, лучше я сам вперед пойду. А то убежишь один.

Генерал встал, пошатываясь. Сознание покидало его. Генерал оттолкнул Кори в глубь камеры и первым вышел в коридор. Кори отстал на несколько шагов и даже не успел покинуть камеру, как услышал тихий, вкрадчивый голос Вапраса. Видно, Вапрас поджидал предателя в коридоре.

— Вы навещали заключенного, генерал?

— Я? — спросил тот. — Да я и не думал. Я так, гуляю, воздухом дышу. Не смейте ко мне обращаться без титула!

— А я как раз иду за вашим другом. Надо освободить камеру. Сейчас возьмем еще нескольких, а этого ликвидируем. Много успели ему рассказать? Союз предлагали? Дружбу? Бежать

собирались? Я давно за вами смотрю.

Кори отскочил от двери, но потом понял, что скрыться негде. Он захлопнул дверь. К счастью, изнутри она закрывалась тяжелым засовом. Кори задвинул засов и почувствовал, как сердце отказывается работать. Сейчас… Сейчас… что-то надо еще сделать?

В коридоре гудел голос генерала-бунтовщика. Голос был жалок и сбивчив. Генерал хотел жить, но сладкая трава лишала его остатков сообразительности.

Кори посмотрел на свою правую руку. Что в ней? А, карандаш. Зачем ему нужен карандаш?

Кори собрал всю волю, чтобы отогнать черную воду, заливавшую мозг. В камеру приведут других. Своих… В коридоре раздался выстрел. Голос генерала прервался, перешел в короткий крик и захлебнулся хрипом.

— Открой дверь, Кори, — сказал тихо Вапрас. — Лучше открой и останешься жив.

Кори не отвечал. Он должен был успеть…

— Солдат, дай очередь по двери, — сказал Вапрас.

Пули застучали по тонкой стали, продавливая в ней одинаковые вмятины. Кори только бросил взгляд на дверь и отвернулся. Больше он не смот-

рел в ту сторону.

Еще очередь из автомата. Еще одна.

— Кучнее, — сказал Вапрас. — В засов.

Через две минуты Бессмертный, толкнув ногой дверь, вбежал в камеру. Он прошил старика очередью, и тот, дергаясь от пуль, вонзавшихся в тело, мягко упал на каменный пол. Последним движением успев выкинуть в угол, в кучу тряпья, уже ненужный карандаш.

2

— Сдавайтесь. Мы не причиним вам вреда, — гремел в пещере голос. — Нам нужно поговорить с вами.

— Тогда зачем стрелять? — спросил Павлыш, надежно укрывшийся за сталактитами.

— Прекратите сопротивление.

— И не подумаем, — сказал Малыш. — Только нога кровоточит. Всю пещеру измажу.

— Плохо дело, тут радиация, — сказал Павлыш. — И перевязать нечем.

— Считаю до трех, — сказал голос. — Бросайте оружие и выходите в центр зала.

— Считай. — Павлыш пустил струю из пистолета по направлению голоса.

Огненный луч ударился в потолок, рассыпался искрами, и капли расплавленной породы застучали по полу пещеры.

Наступила тишина.

Павлыш воспользовался паузой, чтобы подползти поближе к Малышу.

— Ну где тебя? Ах ты, какая несуразица.

Сзади, с той стороны, где оставались Христо с Девкали, послышался шум борьбы.

— На помощь! — крикнул Христо. — На по…

Павлыш, не раздумывая, бросился туда, и на пути его поднялся из-за камня человек в скафандре. Человек ударил его кулаком в мягкий живот скафандра.

…Связанных космонавтов вели по коридору, по которому так недавно проходила Снежина.

Посторонний наблюдатель заметил бы, что их вели те же солдаты, которые устраивали засаду утром, что солдаты эти были усталые, грязные и злые. Но посторонних наблюдателей в пещере не было.

Навстречу космонавтам по коридору веснушчатый человек тащил за ноги тело. Лысая голова в венчике седого пуха билась о камень пола. Человек отдернул труп в сторону, чтобы пропустить новых пленников.

— Профессор Кори! — ахнул Девкали.

— Проходите, не задерживайтесь, — подтолкнул его в спину солдат. — Сюда.

Стальная дверь, изрешеченная пулями, захлопнулась за ними.

— Тут были уже бои, — сказал Малыш, оседая на пол. — Нога болит.

— Здесь был профессор Кори, — сказал Павлыш. — Его вытащили отсюда.

— Этого не может быть, — сказал Христо. — Этого просто не бывает.

Он стоял, прислонившись к стене и закрыв глаза.

— Как видишь, все бывает, — ответил Павлыш. — И если Кори с ними воевал, то нам и сам бог велел. Будем воевать.

— Его убили, — сказал Девкали. — Вас они, может, и не убьют. Своих они жалеть не будут.

— Знаешь что… — Малыш поморщился от боли. Он с трудом надорвал прочную ткань комбинезона и пытался соорудить что-то вроде бинта. — Знаешь что, Девкали, сейчас не время делиться на наших и ваших. Мы сейчас все — наши.

— Может, тряпкой замотать? — спросил Христо, указывая в угол. Он подошел к куче тряпья и попытался найти тряпку почище. — На них кровь,

— сказал он. — Кровь профессора.

— Тряпок не надо. — Девкали наклонился над Малышом. — Черт знает сколько они здесь валялись! Больно?

— Очень, — сказал Малыш. — Но терпеть можно.

— Даже промыть нечем.

— Плохо, что я на ногу ступить не могу, — сказал Малыш. — Если что случится, я не боец.

— Еще повоюем, Цыганков, — сказал Павлыш.

Павлыш перевязал кое-как Малыша и подошел к Христо, все так же неподвижно стоявшему у стенки. Даже при свете единственной тусклой лампочки было видно, как он бледен.

— Ты чего задумался, Христо? — спросил Павлыш.

— Я — ничего. Со мной все в порядке, — сказал практикант. — Они, когда скафандр с меня снимали, меня били. Понимаете, ногами били. Наверно, синяки остались.

— Хочешь, посмотрю, что там с тобой?

— Нет. Мне не больно. Обидно просто. Почему меня надо бить? За что?

— Тебе лекцию прочитать? — спросил Павлыш. — Лекцию о том, что Галактика не сплошной праздник и радость открытия? Лекцию о том, что,

оказывается, борьба еще не кончена? О том, что бороться надо и за других?

— Я все понимаю, — сказал Христо.

— Ты подумай, что Снежина, девушка, уже несколько часов где-то здесь. И ее, возможно, тоже били. И может быть, тебе придется… Я не могу тебя успокаивать. И обещать ничего не могу.

— Я понимаю.

— Постой-ка, что это на стене?

Павлыш увидел какие-то буквы, скрытые спиной Христо.

— Отодвинься. Это написано по-русски.

Христо отпрянул от стены.

— Где?

— Эх, фонаря нету, — сказал Павлыш, наклоняясь к надписи: — «Не верьте…» Плохо видно.

Малыш, ковыляя на одной ноге, подобрался поближе. Подошел и Девкали. Он вынул из кармана маленькую зажигалку.

— Вот, — сказал он. — Мне Баков подарил. Охотничья.

Тонкий язычок пламени высветил круг в стене. Павлыш читал вслух, медленно, с трудом разбираясь в неровном торопливом почерке. Некоторые слова почти пропадали на неровностях стены, буквы были перевраны. Человек, писавший ка-

рандашом на стене, плохо знал русский язык.

«Не верьте им, —

читал Павлыш. —

Их двадцать человек. Они хотят захватить корабль. Уничтожить всех. Они будут делать хитрость, готовить делегацию. Не верьте. Есть другой выход. По коридору налево и дальше. Снежина, Антипин в другой камере, предупредите корабль. Генерала убили, сейчас убьют меня, Кори из…»

— Кори, — сказал Павлыш. — Он успел.

— Через час или два наши взорвут вход в пещеру, — сказал Малыш.

— Это плохо, — ответил доктор. — Нашим нельзя входить в пещеру, их перестреляют. Надо выбираться самим.

— Как? — спросил Христо. Теперь, когда появилась необходимость действовать, апатия пропала.

Павлыш обошел камеру. Посмотрел на щель наверху.

— Человек пройдет в нее? Дай-ка, Христо, я тебя

подсажу. Ты легкий. Вставай мне на спину.

Павлыш встал на четвереньки и подставил спину практиканту. Тот достал руками до края щели и осторожно подтянулся до тех пор, пока голова его не оказалась вровень с ней.

— Что видишь? — прошептал снизу Павлыш.

— Темно.

— Пролезть сможешь?

— Надо разобрать несколько камней. Тебе не тяжело?

— Нет.

— Тогда терпи. Буду расшатывать.

— Скорее, могут войти.

Девкали подошел поближе, чтобы принять камень из рук Христо.

— Кто-то идет, — прошептал Малыш.

Христо спрыгнул на пол, и Девкали спрятал камень в угол, под тряпье. Дверь чуть приоткрылась, и солдат осторожно заглянул внутрь, выставив вперед автомат.

— Чего шумите? — спросил он. — Жить надоело?

Он оглядел пленников. Они сидели на полу, на вид безучастные ко всему. Солдат успокоился, захлопнул дверь и снова ушел на свой пост.

Павлыш, не теряя времени, опустился на четве-

реньки, и Христо сразу поднялся к щели.

— Малыш с Девкали останутся здесь в номере, — сказал Павлыш. — Разговаривайте, ведите себя непринужденно. Может быть, из того помещения нет выхода. Тогда придется вернуться.

Христо передал Девкали еще один камень.

— Теперь можно пролезть, — сказал он.

3

Министерство войны возвышалось над Лигоном громадным серым кубом, увенчанным множеством острых шпилей, что придавало ему странное сходство со сказочным готическим замком. Его пощадили бомбы, или, может, они не справились с толщей министерского бетона. Спасательный катер остановился у главного входа; непропорционально маленькие двери прятались в тяжелых громадных порталах. Двери были распахнуты настежь, и за небольшим низким холлом начинались бесконечные коридоры, усыпанные бумагами и полные шорохами, — ветер врывался в разбитые узкие окна-бойницы и нес бумаги по коридорам к радости расплодившихся здесь крысят.

Бауэр шел первым, гоня перед собой быстроно-

гого робота; малый мозг-робот, голова на ножках, умница и любитель извлекать немыслимые корни, вертел головой, запоминая надписи на дверях.

— Мы здесь как-то были, — сказал Бауэр шахтеру. — Архивы в подвалах. Вывезти их не успели. Вот этот коридор ведет туда.

Некоторые двери были распахнуты настежь, другие прикрыты. Люди бежали отсюда так быстро, что не успели даже запереть сейфов. Но мало кто добрался до бомбоубежищ. Бауэр в прошлый прилет в Лигон видел этот «коридор скелетов», ведущий к основному бомбоубежищу.

На полу лежала стальная толстая дверь.

— В прошлый раз пришлось ее снять, — сказал Бауэр.

Шахтер не ответил. Ему казалось, что Бауэр слишком спокоен. Надо бы бежать, а он прогуливается по коридору и даже заглядывает в некоторые кабинеты. Шахтер не знал, что Бауэр полностью полагается на робота. Шахтер раньше с малым мозгом не встречался. Мозг сидел в отсеке большого мозга «Сегежи» и решал мелкие задачи, которыми главный мозг себя не утруждал.

За стальной дверью начиналась лестница.

Она спускалась вниз сужающимися маршами и упиралась в коридор. В обе стороны указывали стрелки с одной и той же надписью:

«Архив».

Бауэр остановился. Головастый робот метнулся по коридору в одну сторону, в другую. Потом присвистнул в правом коридоре.

— Нам туда, — сказал Бауэр. — Он нас зовет.

Робот стоял перед стальной дверью, не отличающейся от других таких же, одинаково темнеющих треугольниками в белой стене подвала.

— Надо помочь мальчишке. — Бауэр достал из кармана скафандра резак. Металл у замка покраснел, потом стал белым. — Отойди-ка, — сказал Бауэр шахтеру. — Капли могут попасть.

Дверь оплавлялась, и металл стекал дождевыми струями по стальной поверхности вниз, шипя и сгущаясь воском на полу.

Робот, чтобы не тратить времени даром, успел сбегать в дальний конец коридора и вернулся обратно.

— Подожди теперь, пока остынет, — сказал Бауэр.

— Ничего. — Шахтер ударил плечом в дверь.

Дверь отошла внутрь, и, чтобы удержать равно-

весие, Ренци оперся на мгновение рукой о металл и отскочил, прижав ладонь ко рту.

— Обжегся? — спросил деловито Бауэр. — Я же тебе говорил.

— Ничего, не больно, — сказал шахтер, жмурясь от боли.

Робот уже проскочил в щель и посвистывал, носясь между рядами сейфов. Бауэр посильнее нажал на дверь подошвой башмака и вошел, стараясь не задеть еще горячего металла. Шахтер, дуя на ладонь, последовал за ним.

Робот суетился у одного из сейфов, запустив тонкий щуп в отверстие замка.

— Выжги, — сказал Ренци.

— Не надо. Он не просит. Видно, сам знает, как открыть.

Робот жестом опытного взломщика осторожно поворачивал щуп в замке, прислушиваясь к еле заметному щелканью. Вдруг он отскочил и замер в двух шагах от сейфа. Дверь мягко отворилась.

Бауэр заглянул в длинные, уходящие вглубь полки и сказал роботу:

— Тут без тебя не найти. Давай я тебя подниму, и ты поищешь те папки, которые нас интересуют.

Робот ничего не ответил, но вытянул свой щуп и постучал по краю полки.

— Ага, спасибо.

Бауэр вытянул с полки три папки и отнес их к столу.

— Теперь помоги мне, — обратился он к шахтеру. — Я в лигонском не силен.

Шахтер, шевеля губами — он тоже был в грамоте не силен, — прочел наклеенные на папки этикетки.

— Вот эта, — сказал он, — наверно, эта.

> «Округ Манве. Объект ракетных войск управления безопасности. Совершенно секретно».

Бауэр развязал тесемки, скрепляющие папку, и вынул карту.

— Эта самая, — сказал он. — Ты только посмотри, где у них главный вход!

4

— Катер? Я — «Сегежа», — сказал капитан. — К вам идет Бауэр с картой подземной базы. Будет у вас через семь минут. Какие новости?

— Вас понял, вас понял, — ответил Баков. — Следов второго входа не обнаружили. В пещере

стреляли. На стук никто не отвечает.

— Ясно, — сказал капитан. — Долго вам еще туда пробиваться?

— Полчаса.

— Может, все-таки взрывчатку применить?

— За ней дольше лететь на базу.

Баков переключился на катер Бауэра.

— Глеб! Это Баков говорит. Нашли?

— Нашли. Не нашли — не вернулись бы так быстро.

— Есть второй вход?

— Есть, и совсем не там, где мы искали. Ближе к городу. Это была резервная ракетная база. Если верить карте, восемь ракет с ядерными боеголовками. В общем, через три минуты буду у вас. Готовь переходник. Головастику благодарность. Ни разу не ошибся.

5

На этот раз в кабинет к генералу Вапрасу вызвали обоих — Антипина и Снежину.

Генерал приказал солдату выйти. Потом сказал, светски улыбнувшись:

— Я приношу мои искренние извинения господину… Антипину? Антипину. И госпоже Пановой.

Мы допустили ошибку, более жестоко, чем требовалось, допрашивая вас. Но, поймите меня правильно, обстоятельства военного времени не позволяют порой терять ни минуты. Тогда мы не располагали достаточными данными. Теперь мы ими располагаем. Больше того, мы убедились в том, что вы не старались сознательно ввести нас в заблуждение во время первого допроса. Но кто мог знать…

Генерал слишком длинными и не очень чистыми ногтями вытащил из коробочки на столе щепотку жвачки. Потом подумал и протянул коробочку Снежине и Антипину.

— Простите, я забыл. Но вы, наверно, не жуете? Отвратительная привычка.

— Мы пускаем ртом дым, — мрачно сказал Антипин.

Ссадина на его щеке подсохла и саднила. На голове можно было прощупать основательную шишку — это когда его саданули головой об шкаф.

— Ртом дым — очень остроумно, — согласился генерал. — И не сгораете? Весь огонь остается в вас? Горячие сердца!

Снежина представила себе капитана, у которого вместе с дымом изо рта вылетает огонь.

Объяснять, что такое курение, никто генералу не стал.

— Итак… — Генерал поиграл коробочкой. — Наши разведчики проникли к вам в лагерь. Все узнали. Вернулись благополучно домой. Нам известны и ваши силы, и ваши возможности. Мы знаем теперь, что в военном отношении мы вас превосходим. В техническом — вы превосходите нас. Однако вы — наши гости. Может, и непрошеные и нежеланные, но гости. С гостями воевать не принято. С гостями можно разговаривать, и в случае необходимости можно просить их отправиться домой. Итак, я хочу поговорить с вашим начальником, капитаном… Загребиным и другим начальником, господином короной Аро. Я правильно произношу имена? Переговоры — лучший путь к взаимопониманию. Мы — цивилизованные нации, и печальные инциденты, которые произошли в недавнем прошлом, надеюсь, не повторятся.

— Как вы собираетесь вести переговоры? — спросил Антипин. Он генералу не доверял.

— Мы выпустим наружу госпожу Панову, и она обо всем договорится с вашим начальством.

— А я? А профессор Кори?

— Вы останетесь пока здесь. Осторожность

необходима даже в общении с лучшим другом. Вы будете в качестве заложника. Так же как и ваши остальные друзья.

Снежина вспомнила о маленьких фигурках в пещере.

— Они живы?

— Живы, здоровы и но испытывают никаких неудобств.

— Мы бы хотели их увидеть.

— К сожалению, это невозможно. Опять же из соображений безопасности. Так вы согласны? Если не согласитесь вы, я обращусь к вашим товарищам. Надеюсь, они будут сговорчивее. Вы же сами неоднократно указывали, что давно хотели встретиться с нами. Теперь мы сами предлагаем вам эту встречу.

— Соглашайся, Снежка, — сказал Антипин.

— С одним условием, — сказала Снежина. — Если вы опасаетесь объединить нас с нашими товарищами, поместите Антипина вместе с профессором Кори. Он старый человек и плохо себя чувствует.

— Обязательно. Я вам торжественно обещаю это сделать. Как только Антипин вернется в свою комнату, к нему приведут старика.

Вапрас говорил серьезно и убедительно.

Снежина поднялась.

— Тогда не будем терять времени даром. Я готова.

6

Павлыш и Христо стояли в темной, заваленной хламом каморке. Света в ней не было, и только неровным прямоугольником виднелась щель, через которую они туда попали.

— Девкали, — сказал тихо Павлыш. — Девкали, кинь свою зажигалку.

— Держи. Что там?

— Пока не знаем.

Зажигалка стукнулась о пол рядом с Павлышом. Он нашарил ее рукой и, подняв с пола, зажег.

Неровный свет язычка пламени выхватывал из темноты тряпье, пустые ящики, свертки, коробки — это был какой-то склад. Павлыш запустил руку в два или три ящика, надеясь найти там оружие, но оружия в них не оказалось. Зато Павлыш нашел в углу комнаты два металлических стержня, которые могли при случае пригодиться.

— Гаубица каменного века, — сказал Павлыш, передавая один из стержней Христо. Стержень был тяжелым и надежно оттягивал руку. — Ты с

ним поосторожнее. Можно и голову проломить.

Христо пробрался к двери. Попробовал ее открыть. Дверь была заперта снаружи.

— Ну что? — опять спросил Малыш из соседней камеры.

— Та же клетка, — сказал Павлыш.

— Ш-шш, — прошептал Христо, — там за стеной, слышишь?

За стеной разговаривали по-лигонски. Можно было даже разобрать слова.

— Ну-ка, Девкали, быстро перебирайся к нам сюда, — прошептал Павлыш. — Давай я тебе помогу.

Через минуту Девкали, чуть не опрокинув громоздкий ящик, свалился на руки Павлышу. Тот провел его к стене. Девкали приложил к ней ухо. За стеной шел спор.

— Вот что, — говорил высокий сухой голос, тот самый, что они слышали в пещере. — Я отпускаю сейчас эту женщину и считаю, что мы можем полностью на нее положиться. Она ничего не подозревает.

— Не поздно ли вы решили, Вапрас? — перебил его густой, будто задыхающийся бас.

— Почему поздно?

— Они уже нашли наш главный вход. Не знаю,

как это им удалось, но они его нашли. Они кружатся над ним, и пройдет всего несколько минут, прежде чем они его заметят. Они знают, где вход.

— Ну и что это меняет?

— Многое. Как только они нас отрежут с двух сторон, мы попались в мышеловку. Возможно, они уже в задней пещере.

— Они будут очень осторожны. Пришельцы уже потеряли половину экипажа. А на бывших мертвецов они положиться не смогут. Мертвецы сразу перейдут на нашу сторону.

— И в этом я не уверен, генерал, — сказал сомневающийся бас.

— Я не люблю, когда мне возражают. Даже вы.

— Нас немного осталось, возражающих. Еще год — и некому будет.

— Теперь бояться нечего. Через день в наших руках будут дезактивирующие установки и шестьдесят простолюдинов. И корабль. Мы не только вернем себе планету, но и выйдем в космос.

— Хорошая идея, генерал, — сказал бас, — но рискованная.

— Мы уже привыкли рисковать. И терять нам нечего.

— Есть другой вариант, Вапрас.

— Какой?

— Договориться с пришельцами. Согласиться на их помощь. Перейти в купол. А потом, когда они улетят…

— Во-первых, они могут вообще не улететь. Во-вторых, в куполе у нас отберут оружие и поставят над нами простолюдинов. Не исключено, что вообще нас уберут. Я бы на их месте это сделал. Мы слишком опасны. Мы — волки в стаде ягнят, которое они вырастили. Нет, компромиссов быть не может. Или мы, или они — на планете двоим места нет. Слава солнцу!

— Слава солнцу! — нестройно ответили три или четыре голоса.

За стеной все смолкло. Девкали уже было выпрямился и повернулся к Павлышу, чтобы передать ему содержание разговора, как незнакомый голос сказал:

— И зачем вы отпускаете женщину? Лучше бы оставить ее.

— Без вас знаю, — резко возразил сухой голос Вапраса. — С женщиной легче справиться. Группу для переговоров на корабле поведете вы, генерал.

— Слушаюсь, — сказал бас, который сомневался.

— Бессмертный возглавит боевой отряд для взятия купола. С ним я отправляю восемь солдат. Этого достаточно. Одеть их в те скафандры, которые захвачены у противника. Всем не хватит. Ну уж как придется. Один скафандр останется здесь. Для меня.

— Почему один?

— Так я сказал. Я остаюсь здесь. Со мной три солдата и, разумеется, оба механика. К сожалению, вчера пришлось убрать нашего старого товарища. Но вы понимаете, другого выхода у нас не было. Он струсил. В составе посольства на корабль идете вы, генерал, и пять солдат. Оденьтесь из неприкосновенного запаса. Полковник, где ваши новые сапоги? Итак, на корабль проходят семь человек. Остальные подходят незаметно к куполу, где их встречает наш человек. Наш человек в куполе — Бессмертный, который поведет штурмовой отряд, знает его хорошо — должен организовать помощь. Он же постарается вывести из строя сигнальные устройства. Никого без необходимости не убивать. Когда мы захватим корабль, может последовать карательная экспедиция. Они уверяют, что их центр миролюбив. Не знаю. Таких пока не встречал. Так вот, в случае карательной экспедиции нам нужны будут

ценные заложники, которыми мы откупимся. Тогда они оставят нас в покое. Мы даже сможем выторговать себе какую-нибудь помощь. Но это дело будущего. Генерал, собирайтесь. Женщина ждет вас. Мы будем наблюдать за вами отсюда. Вы знаете, что надо им говорить. Главное — затяните переговоры. С солнцем!

— С солнцем!

7

Генерал с плоским, скучным лицом и большой головой, которая казалась пустой, так густо резонировал в ней его басистый голос, неуклюже подсадил Снежину на дрезину. Сзади взобрались солдаты. Дрезину вел болезненного вида человек в синем залатанном комбинезоне. Он внимательно посмотрел на Снежину, когда та усаживалась, и ей показалось, что он хотел ей что-то сказать, но не смел, опасаясь генерала и солдат.

Черный ящик лингвиста перекочевал на грудь плосколицему генералу.

Когда дрезина, дребезжа, поехала по ржавым рельсам, Снежина спросила:

— Откуда у вас лингвист?

— Вы имеете в виду это? Когда-то давно. Еще

раньше. Нашли в холмах мертвеца. Из ваших, но с четырьмя пальцами. Взяли у него пистолет и эту штуку.

Снежина вспомнила, как ушел Ранмакан.

Километра через три-четыре дрезина остановилась перед стальными дверями. Один из солдат повернул колесо, и двери со скрежетом разошлись.

— Скафандр ваш здесь, — сказал генерал. — Познакомьтесь, отрядник Мокли из Пранве.

Худущий офицер переломился в поклоне.

— Где они? — спросил генерал у офицера. Он не знал, что Снежина немного понимала по-лигонски.

— Уже здесь. Недавно приземлились.

— Пошли.

Делегация пещеры быстро напялила примитивные антирадиационные костюмы. Дрезина зацокала по рельсам, убегая обратно в глубь туннеля. Открылись вторые ворота. За ними — снова туннель. По середине туннеля также бежали рельсы, но они покрылись густой ржавчиной — видно, никто их не использовал. Генерал торопил Снежину. Он шел быстро, тяжело дыша. Что-то случилось там, у входа, что требовало скорейшего прибытия делегации. Солдат, тащивший

рацию, все время спотыкался и отставал. Генерал обернулся и, не замедляя рысцы, прикрикнул на него. Солдат, прихрамывая, догнал генерала.

Влево от туннеля отходил широкий ход, и рельсы сворачивали туда. Снежина на ходу заглянула в него, но генерал подтолкнул ее в спину.

— Секрет, — сказал он. — Наш секрет.

Впереди показалась каменная стена, перекрывавшая туннель. В центре ее одна из плит отошла в сторону, как только обогнавший генерала солдат нажал рычаг на пульте.

В квадрат входа ворвались вечерний ветер и мелкие капли дождя. Генерал высунул голову наружу. Сказал что-то себе под нос и обернулся к Снежине:

— Проходите.

Снежина переступила через высокий каменный порог и оказалась на свободе.

Выход из туннеля находился на усыпанном камнями склоне холма. Впереди были холмы поменьше. Они мягкими увалами спускались к далекому сумеречному морю и кучке домов на его берегу, за которыми, маленький отсюда, возвышался диск «Сегежи». Это был Манве.

— Посмотрите направо, — сказал генерал.

Снежина повернула голову. Совсем недалеко,

метрах в пятидесяти, на земле лежал катер с «Сегежи» и рядом с ним, чуть приподнявшись над землей, висела спасательная лодка.

Снежина подняла руку, и тут же включилась связь в ее скафандре.

Хриплый голос, усталый голос Бакова сказал:

— Снежка, Панова, это ты?

8

— У них здесь народу немного осталось, — сказал Павлыш. Он тщетно старался расшатать концом стержня стальную дверь.

— А нам от этого легче? — спросил Христо.

— Ага, — сказал Павлыш и сбросил на пол стержень. — Надеюсь, что легче. Для этого надо забраться обратно. В камеру.

— Что ты задумал? — спросил из щели Малыш.

— Попробуем постучать в дверь. Посильнее. Вряд ли у них осталось много часовых. Кори писал, что их всего человек двадцать. А это значит, что, кроме Вапраса и двух-трех солдат, все ушли.

— Если будем стучать, одного хватит, чтобы всех нас перестрелять, — сказал Девкали.

— А почему он должен стрелять? Мы попросим воды. Теперь у нас есть оружие. — Павлыш поднял

стержень с пола и подкинул его. — Есть другие предложения? Я с удовольствием выслушаю. Только прошу выкладывать их в двух словах.

И в тот же момент, будто кто-то подслушал Павлыша, по коридору прокатился гул.

— Слышите? — спросил Малыш из соседней камеры. — Колотят, как будто услышали, что мы говорим.

— Кто-то из наших, — сказал Павлыш. — Снежина или Антипин. Как бы узнать, какая это камера?

— Не узнаешь, — сказал Малыш.

— Стой! — Павлыш схватил за руку Христо, который уже поднял кулак, чтобы ударить по двери. — Я же сказал, надо сначала вернуться в нашу камеру. Как мы могли здесь очутиться?

Стук прекратился. Через минуту снова бабахнул отдаленно стальной гул. Потом снова утих.

Павлыш подошел к цели, подтянулся и с помощью Малыша перебрался в свою старую камеру. Потом втянул Девкали и Христо.

— Все в сборе? — спросил он. — Начинаем. Оружие спрятать. Как там?

— Молчат, — сказал Малыш. — Ну, сейчас мы как дадим по двери — сразу отзовутся.

Он первым пропрыгал к двери на одной ноге и

ударил по ней кулаком.

…Когда Снежину увели, Антипин подождал еще несколько минут, приведут ли в камеру Кори, — Вапрас обещал. Но в коридоре было тихо, будто все покинули подземелье. Антипин подошел к двери и постучал. Долго никто не шел. Наконец дверь со скрежетом приотворилась, и охранник, стоя в коридоре, спросил:

— Чего тебе?

Антипин не понял. Он сказал:

— Где профессор Кори? Мой друг? Где он?

Стражник улыбался чему-то, возможно, подумал: «Ну и странный язык у этих пришельцев» — и захлопнул дверь.

Шаги охранника успели заглохнуть на каменном полу коридора, как вдруг снова раздался стук в дверь. Антипин не собирался сдаваться.

Стражник вернулся и сказал, не открывая двери:

— Замолчи, тебе же будет хуже. Я не обязан бегать от камеры к камере. И так вторую смену стою.

Пленник ничего не понял. Он продолжал твердить свое:

— Кори, Кори!

— Какой еще Кори? — сказал стражник. — По-

звоню генералу. Погоди.

Вслед ему неслись удары в дверь.

Стражник позвонил генералу. Генерал был у себя в кабинете.

— Господин Вапрас, — сказал стражник. — Тут один из заключенных требует какого-то Кори. Что делать? Он по-нашему не понимает.

— Вот что, — сказал Вапрас, — Мне некогда с вами возиться. Кто-нибудь там еще есть?

— Не, я один.

— Один? Плохо. Но все равно. Делай что хочешь. Надоест — заткни глотку.

Генерал отключился, бросил трубку.

Стражник вернулся на пост к столику возле тамбура, присел. Хотелось спать. Солдату последнее время всегда хотелось спать. Ноги стали слабыми, часто болела голова, и всегда хотелось спать. Стук в дверь, гулко носившийся по пустому коридору, раздражал и мешал сну. Солдат поглубже опустил на уши каску, но и это не помогло. Солдат не хотел затыкать глотку пленному. Воевать с ними — дело генералов. А то потом тебе же хуже будет. Но стук мешал спать. Стук бил по голове, и от него мозги становились еще жиже. Стук надо было прекратить. Так с ума можно сойти. Солдат встал и пошел к беспокойной камере.

— Ну замолчал бы, — сказал солдат, надеясь еще как-то договориться с пленником. — Я ж тебя предупредил. Голова раскалывается.

Пленник выслушал слова солдата и снова начал говорить про своего Кори.

— Ну, тьма с тобой, — сказал солдат.

Он открыл дверь, вошел в камеру. Пленник с большим кровоподтеком на щеке говорил какие-то угрожающие слова, обижался. Солдат посмотрел на него с некоторым сочувствием, хотел было даже уйти и оставить его в покое, но тут представил, как снова понесется по коридору назойливый стук, и неуловимым профессиональным движением ударил пленника по голове загнутой рукоятью автомата. Пленник только успел приподнять руки и мягким мешком упал на пол. Солдат нагнулся, приподнял веко — жив. Солдат сходил на пост, принес оттуда веревки, связал пленнику руки и ноги, сунул в рот кляп. Делал он это быстро и привычно, вернее, он даже и не замечал собственных действий: руки сами связали пленного. Уж столько раз приходилось до войны это делать. Да и здесь, когда три месяца назад начался бунт.

Выключил свет в камере — пусть спит.

Солдат выпрямился. Теперь можно вернуться

на свой пост и чуть подремать. Неизвестно, что случится через полчаса. Может, ночью и выспаться не удастся.

И тут же, будто кто-то издевался над ним, солдат услышал, как в другом конце коридора раздался гул. Там тоже били по двери кулаком.

«Ах, так!» — разозлился солдат.

Он подхватил автомат и, не запирая камеры, — куда денется пленный? — побежал, топая тяжелыми башмаками, к другой двери. Он им сейчас покажет! Они у него все замолчат. Солдат держал автомат за дуло и размахивал прикладом. Сейчас он им даст!

Солдат забыл, что в той камере был не один заключенный, а четверо. Солдат безопасности никогда не должен выпускать из виду таких вещей. Никогда. Это может плохо кончиться. Но голова так болела и злость была настолько безудержной, охватила всего, до кончиков пальцев. Он распахнул с бегу дверь в камеру, ворвался внутрь и только хотел опустить автомат на первого вставшего перед ним пришельца, как кто-то сзади ударил его по голове.

Солдат попытался обернуться, чтобы увидеть нападавшего, все еще не понимая, откуда тот мог взяться, как второй удар железным стержнем

лишил его сознания.

Автомат выскочил из руки и, задев Павлыша, отлетел в угол.

— Я, кажется, убил его, — сказал Девкали тихо. — Я его, кажется, убил.

Девкали опустился на колени и дотронулся до головы солдата.

— Малыш с Девкали останутся здесь, — сказал Павлыш. — Малышу лучше отдохнуть. И заодно посмотрите, что там с солдатом.

Павлыш подобрал автомат.

— Как он стреляет? — спросил он Девкали. — Я еще с такими штуками не сталкивался.

Девкали, не вставая с колен, принял автомат из рук Павлыша и повернул узорчатую рукоять предохранителя.

— Здесь нажмешь. Должно быть, семьдесят патронов. Солдат, кажется, живой. Сердце бьется.

— Ну и хорошо. Ты не расстраивайся, Девкали. Если бы ты его не ударил, он бы из моего лица сделал лепешку. Не пожалел бы.

— Да, я понимаю, — сказал Девкали. — Я это всегда понимал. Но я еще ни разу не ударил человека.

— Вот вас и били, — сказал Павлыш, выходя в коридор.

— Вы изменились, доктор, — сказал рассудительно Христо, догнав Павлыша.

Павлыш поморщился и ничего не ответил. Он шел, осторожно наступая на пятки и прижимаясь к стене. Автомат непривычно давил на руку.

9

Правая стена коридора была пуста. Левая тянулась бесконечной вереницей дверей. Кое-где от коридора отходили отростки, в которых тоже прятались двери, и там тоже было тихо.

В конце коридора виднелась дверь в шлюзовую камеру. У двери стоял столик, на нем лампа, полевой телефон.

— В случае чего выбираться будем через пещеру, — сказал Павлыш.

— Она же засыпана.

— Ах, черт! Но, может, наши уже прошли туда. Уже ночь.

Донеслось тихое дребезжание. Звонил телефон на столике.

— Бежим обратно, — прошептал Христо. — Сейчас они придут проверять пост.

— Нет, этим мы ничего не добьемся. Идем дальше.

Павлыш постучал в дверь третьей камеры.

Телефон не переставал звонить.

— Христо, сбегай за Девкали, пусть подойдет к телефону. Быстро.

Христо застучал ботинками по коридору. Телефон замолчал. Павлышу показалось, что прошло минут пять. В самом деле не прошло и минуты. Телефон молчал.

— Чего так долго?

— Я сразу, — удивился Девкали. — Что-нибудь случилось? Христо влетел и говорит: «Скорее к доктору».

— Я хотел, чтобы ты подошел к телефону.

— Опасно, — сказал Девкали. — Они здесь друг друга по голосам знают.

— А где Христо? Остался с Малышом?

— Да.

Павлыш постучал ногтем по следующей двери и прислушался, чуть наклонив голову.

— Пока все камеры простучишь, солдаты сбегутся.

— Молчи. Кто-то идет.

За поворотом коридора — он угадывался по пятну желтого света, падавшего на пол главного туннеля, — шлепали осторожные шаги. Человек, приближавшийся к коридору, не хотел, чтобы

его услышали. И если бы не мертвая тишина подземелья, где слышно было бы, как летит муха (правда, мух здесь давно уже не было), пленники ничего бы не ощутили.

И тут, наглухо заглушив шаги, снова задребезжал телефон.

— Подойти? — спросил Девкали.

Павлыш отрицательно покачал головой. Путь к телефону лежал через светлое пятно бокового коридора, в котором был тот.

— Если один из них, — прошептал Павлыш, прижав губы к самому уху Девкали, — он подойдет к телефону.

В светлом пятне на полу показалась тень человека. Тень на секунду замерла. Потом закрыла собой пятно света — человек быстро пошел в сторону главного туннеля. Павлыш и Девкали прижались к стене, стараясь врасти в нее.

Человек вышел в главный туннель и прошел к телефону. Поднял трубку и сказал:

— Слушаю.

Это был не солдат. Даже в слабом свете туннеля было видно, что он одет в измазанный жирными пятнами, кое-как заштопанный, ветхий комбинезон. На спине светлела большая квадратная заплата. Человек горбился и при ходьбе еле волочил ногу.

— Да, — сказал человек. — Все в порядке.

Он повесил трубку и обернулся.

— Опустите автомат, — сказал он. — Я вас вижу. У меня нет оружия.

10

Человек подошел ближе. Павлыш не опускал автомат, но человек не замечал направленного на него дула. Он шел, опустив руки, и они безжизненно болтались при каждом шаге. Не доходя нескольких шагов до пленников, он остановился, потому что его охватил приступ кашля. Человек зажимал рот ладонью, чтобы кашель не так громко разносился по туннелям, и страшно было смотреть, как сотрясалось его тело от воздуха, рвущегося из легких.

Человек сплюнул на пол сгусток крови и, опершись о стену, тяжело дышал. Отдышавшись, он хрипло сказал:

— Здесь плохой климат. Здесь все скоро умрут.

— Кто вы? — спросил Девкали.

— Зачем вам мое имя? Я — простолюдин, механик. Кому-то нужно чистить нужники и водить дрезину. Раньше нас было много, таких, как я. Нам обещали жизнь. Остались двое. Всего двое. Я пришел вам помочь. Мы давно думали взорвать все, чтобы не осталось ни их, ни нас. А теперь я знаю. Я видел ваших. Я пришел говорить. Они хотят убить ваших. Я слышал. Я хотел убить солдата. — Простолюдин вытащил из кармана небольшой пистолет. — У меня есть патрон. Надо бежать. Возьмите меня. Я хочу наверх.

Девкали еще не кончил переводить, как Павлыш ответил:

— Скажи ему. Хорошо, что пришел. Но тут еще есть наши товарищи. И мы должны сначала найти их.

— Нет, — сказал механик. — Их нет. Женщина уехала наверх. Они взяли ее с собой. Еще одного убили.

— Но было еще два.

— Может, убили двух. Больше никого нет.

— Он ошибается, — сказал Павлыш. — Зачем им было убивать?

Механик попытался улыбнуться, и губы его разъехались в сторону, приоткрыв беззубые десны.

— Они даже своих убивают. Как звери в яме. И ваших тоже. Им никого не жалко. Сегодня Вапрас убил генерала. Генерал хотел, как и я, бежать. И тогда убили ваших.

— Да. Кори мы видели. Кори погиб. Но что с Антипиным? Ведь кто-то стучал.

— Кто-то стучал, — сказал Девкали механику.

— Нельзя ждать, — сказал механик. — Сейчас звонил Вапрас. Я подошел к телефону. Я сказал, что все в порядке. Вапрас проверит еще раз и пришлет солдата или сам придет.

— Много еще осталось солдат?

— Один у главного входа, один стережет пещеру, наверху в пулеметном гнезде. Но он больной. И мой товарищ на дрезине. Он тоже совсем больной. Но Вапрас здоровый. Если он узнает, он всех убьет.

— Вот что, — сказал Павлыш. — Вы идите к нашим и попытайтесь соорудить какие-нибудь носилки для Малыша. Я пройду еще вдоль дверей. Антипин должен быть где-то здесь. Ведь

стучали же.

Павлыш, проводив глазами Девкали и плетущегося за ними механика с пистолетом в повисшей руке, прошел до конца коридора, стуча в двери костяшками пальцев. Если дверь была не заперта, он приоткрывал ее и заглядывал внутрь. Но не особенно вглядывался. Потому что искал запертую дверь. Дверь, в которую стучал Антипин. Павлыш дошел до камеры, где лежал на полу связанный механик. Дверь в нее была приоткрыта. Он на всякий случай заглянул внутрь. В камере было темно, и Павлыш прикрыл дверь снова.

Он дошел до последней двери в коридоре, когда услышал шум в другом конце туннеля. Из камеры вышли Девкали и Христо. Малыш прыгал между ними, обняв их за шеи. Сзади шел механик с пистолетом.

Снежина, по словам простолюдина, уехала на «Сегежу». Снежка в безопасности. Кори убит. Антипина нигде нет, но, возможно, он тоже погиб. Больше в подземелье делать нечего. Скорее на корабль! И все-таки Павлыша не оставляло неприятное чувство. Может быть, Антипин находится в какой-нибудь дальней камере?

— А другой наш человек не мог уехать вместе с женщиной? — спросил Павлыш, когда товарищи

подошли к нему.

— Нет, — сказал механик, — я вез ее на дрезине до самого главного входа. Солдаты сказали нам, что пришельцы страшные и с хвостами и едят людей. А я увидел женщину, и она на меня посмотрела. Она была не злая. Я понял, что солдаты врут. И еще я узнал, что они убили того старика, который был один из нас, но пошел к вам. Вы правда можете возвращать жизнь?

— Да, — сказал Павлыш. — Можем. А вы не видели того человека, третьего?

— Нет, что нам делать в этом коридоре?

— Мы пойдем через пещеру?

— Да, ваши взломали вход в нее.

Плебей подошел к столу и нажал на нем кнопку.

— Что он делает?

— Отключаю сигнализацию, — сказал механик. — Если не отключить, то, когда тамбур будет открываться, начнется тревога. Я давно здесь. Я все знаю. Я больше года не видел солнца. У солдат и генералов есть радиационные костюмы. У нас — нет.

Механик опустил вниз крайний рубильник. Двери тамбура разошлись. Механик вошел первым и включил свет. Снова зазвонил телефон.

Механик хотел было вернуться, но Павлыш остановил его.

— Некогда, — сказал он. — Скажи ему, Девкали, что, если он снова подойдет к телефону, Вапрас все поймет.

Механик согласился.

Девкали подошел к стенному шкафу, открыл его. В нем висело два лигонских антирадиационных костюма. И все.

— Они спрятали наши скафандры, — сказал Христо. — Нам не уйти.

— Уйдем, — сказал Павлыш, снимая один из скафандров и протягивая его Девкали. — Оденешь этот. Второй отдадим нашему проводнику.

— А как же мы? — спросил Христо.

— Так деберемся. Придется поболеть.

— Радиация же смертельная!

— Я врач — накормлю тебя лекарствами, поваляешься с недельку в госпитале, и все пройдет. А если не хочешь — убьем тебя и снова оживим. Уже без лучевой болезни. Я шучу... в любом случае путешествие неприятно, но не смертельно. Вылечить можно. Другое дело — наши хозяева здесь. Их надо защитить. Во-первых, мы еще не знаем, как действуют на них наши средства, во-вторых, я могу предложить неприятную аль-

тернативу тебе, Христо, и Малышу. Вы свои…

— Возьмите мой скафандр, — сказал Девкали. — Я не боюсь смерти.

— Еще чего не хватало, — обиделся Христо. — Я иду.

Механик держал скафандр в руках, далеко отставив от себя, будто тот был заразным.

— Я пойду просто так, — сказал он. — Я уже больной. Мне все равно. Я хочу только увидеть солнце.

Девкали подошел к Малышу.

— Наденьте, — сказал он. — Вы раненый, вам это особенно опасно.

Малыш отрицательно покачал головой.

— Девкали прав, — сказал Павлыш. — Вообще-то костюм больше нужен тебе. Я не мог этого сказать, но Девкали прав.

Малыш улыбнулся:

— Я и так никуда не гожусь. А кроме того, я хочу, чтобы меня освободили от вахт и я лежал в госпитале и читал книги. Вот так. Пошли?

— В госпитале ты и так належишься, — сказал Павлыш. — Это я тебе гарантирую. И хватит разговоров. Костюмы надевают больные — Малыш и наш друг.

— Внимание, — послышался голос, сухой го-

лос Вапраса. — Тревога. Совершена попытка к бегству. Приказываю задержать и в случае сопротивления уничтожить…

Механик уже открыл внешнюю дверь тамбура — впереди был туннель, за которым должна была начинаться пещера.

Павлыш и Христо подхватили Малыша и побежали по туннелю. Сзади, догоняя, грозя, выла сирена.

— Ничего, — бормотал Малыш, прыгая на одной ноге, чтобы Павлышу и Христо было легче нести его, — это все блеф. У него нет людей. Ничего он нам не сделает.

Но ни Малыш, ни его товарищи не были в этом уверены.

Не доходя до последних дверей, механик вдруг открыл незаметный люк в стене и, приказав жестом остальным оставаться на месте, исчез в нем.

— Что это? — удивился Малыш. — Неужели струсил?

— Нет, — сказал Павлыш, прислоняясь к стене, чтобы отдышаться. — Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Там должен быть пулеметчик, который держит под прицелом пещеру. Нам все равно не пройти, если его не убрать. Ждите.

Ждать пришлось недолго. Над головами раздался легкий треск, будто разорвали материю. Потом люк снова открылся, и из него тяжело, ногами вперед, выкарабкался механик. В одной руке у него был пистолет, в другой — автомат, отобранный у пулеметчика. Он передал автомат Девкали и, не говоря ни слова, подошел к рубильникам последних ворот.

— Опять война, — сказал Девкали в отчаянии. — Нас же всего несколько человек на планете! И опять война, опять мы убиваем друг друга.

Рубильник подался, и створки двери медленно начали разъезжаться в стороны.

За ними виднелась черная щель последней камеры. Лестница. Над ней плита. Механик включил второй рубильник. Плита дрогнула, приподнялась и вдруг застыла.

Погас свет. Вапрас отключил энергию пещерного сектора.

В абсолютной темноте, сдавленные в тесноте лестницы, беглецы оказались в ловушке.

Слышно было только, как тяжело дышат люди, как звякнул о камень автомат…

11

— Что же теперь? — прошептал Малыш. — Обратно? Как ты думаешь, Слава?

— Погоди, — ответил доктор. — Девкали, спроси у него: он уверен, что наши были в пещере?

— Да, — ответил механик. — Они взорвали завал. Но внутрь не заходили.

— Подсадите-ка меня. Выше, еще выше. Ага, вот и щель.

Павлыш уцепился пальцами за край каменного люка и, наклонив голову, так чтобы рот оказался выше уровня пола, крикнул:

— Эй, кто живой! На помощь!

Пещера молчала.

Павлыш сказал вниз, в дышащую тесную темноту:

— Дайте мне автомат.

Он просунул в щель автомат и дал очередь. Пули гулко и звонко застучали, разбивая сталактиты.

Люди под плитой затаили дыхание. Звякнуло у входа в пещеру, и тяжелые шаги — один, другой, третий — забухали по камням. Кто-то тяжелый и осторожный шел к плите. Луч света скользнул

по полу и задел приподнявшийся камень. Павлыш зажмурился. Шаги остановились рядом. Два металлических пальца захватили край плиты и медленно оторвали ее от земли.

Камень гулко упал на пол. Луч фары обшарил узкое, забитое людьми пространство, и двупалая рука опустилась вниз, чтобы помочь им выбраться наружу.

— Не бойся. — Христо, к которому вдруг вернулось обычное хорошее расположение духа, похлопал по плечу сжавшегося в комок механика. — Рабочий робот. Его, видно, оставили здесь.

Христо был прав. Робота, который освобождал от завала вход в пещеру, Баков не стал брать обратно на корабль. Он его оставил здесь на всякий случай. Баков был, как всегда, предусмотрителен.

В холмы уже пришла ночь, мрачная, дождливая ночь, и ветер скатывался вниз по ложбине, к Горному саду.

Христо поднял воротник комбинезона, чтобы меньше капель попадало на него, и прикрыл руками голову. Малыша нес робот. Механик шел рядом с Девкали и повторял:

— Я больше года не видел моей земли. Больше года. Здесь идет дождь.

Механик спотыкался, и Девкали пришлось взять его за руку, чтобы тот не упал.

Внизу, на поляне, в Горном саду, стоял вездеход. Его некому и некогда было вернуть к кораблю.

— Придется тебе, старик, остаться здесь, — сказал Павлыш роботу. — Боливар шестерых не свезет.

Робот ничего не ответил. Он не читал книг. Он остался стоять среди делянок, и задние огни уходящего вездехода отразились в мокром металлическом теле.

Глава девятая
ДА БУДЕТ МИР!
1

— Едут, — сказал Загребин. — Полномочная делегация. И Снежка.

— А остальные? — спросил корона Аро. Он отлично знал, что остальные остались в пещере, и задал этот вопрос специально, чтобы напомнить капитану, что до счастливого конца далеко. — Я пойду к себе, — сказал корона Аро. — Не стоит им показываться. Напугать их мной особенно не напугаешь. А если даже и напугаешь, будет еще хуже. С вами они будут говорить как равные. Главное — никаких конфликтов. Что мы знаем об этой планете? Ничего. Ровным счетом ничего. Это их мир. Впрочем, за корабль отвечаете вы, и я не вмешиваюсь. Только, пожалуйста, помните…

— Помню, — сказал капитан несколько резче, чем ему хотелось бы. Он волновался за своих никак не меньше короны и, соглашаясь с представителем Галактического центра, оставался при особом мнении. Капитан совсем не намеревался по доброй воле отдавать планету обратно генералам. Он знал, что сделает все, чтобы этого

не случилось.

В дверях Аро задержался. Он пропустил шахтера Ренци. За шахтером шел потускневший за последние часы патриций с большим листом бумаги в руке. Корона Аро остался стоять у двери. Ему было интересно, о чем пойдет разговор.

— Капитан, — начал шахтер, — мы пришли просить оружие.

— Погоди, — дернул шахтера за рукав патриций. — Разрешите, я. Мы, как представители правительства планеты Муна, решившие раз и навсегда запретить войны, просим у вас оружия. «Почему?» — спросите вы, и вопрос будет закономерен. Закономерен будет и наш ответ. Мы просим оружие, чтобы не было войны, — у нас здесь дети. Я зачитаю обращение нашего Совета к кораблю пришельцев «Сегеже» и представителям Галактического центра.

— Ладно, — сказал шахтер Ренци. — Он у нас законник. Он вам бумагу оставит. Мы узнали тут, что к нам летит их делегация.

— Да, — сказал капитан. — Небольшая делегация. Пять человек или семь. Они будут вести с нами переговоры о возвращении наших пленных.

— Если бы об этом только, — сказал Ренци, — то

тогда отпустили бы, и все. Или вообще бы в плен не брали. Значит, не о пленных будет разговор. О вас самих и о нас. Им из пещеры выбраться нужно. И желательно господами. Мы им не верим.

— Мы им абсолютно не доверяем, — сказал патриций. — Об этом я написал в обращении.

— Я не могу дать оружия, — сказал капитал. — По двум причинам. Во-первых, я не вижу опасности для корабля и купола. Во-вторых, оружия на корабле просто нет. Мы не военный корабль. Мы не имеем оружия.

— Значит, не хотите? — убежденно сказал Ренци, — А сколько вас здесь осталось? Кто в плену, кто на вахте, и оружия нет. Да вы понимаете, что они будут разговаривать с вами только до тех пор, пока будут думать, что вы сильнее? Пошли, патриций.

Ренци повернулся и вышел из комнаты. Патриций последовал за ним, но вернулся и положил на стол петицию.

— Ну вот, — сказал Кудараускас, который до этого молча сидел у экрана, на связи с катером Бакова, — сначала Совет принимает постановление об отмене всех войн, а потом требует оружия для войны.

— Они правы, — сказал капитан. — И они лучше

нас знают, с кем мы имеем дело.

— Капитан, — сказал от двери корона Аро, — вы дали увлечь себя горячности. Нельзя решать космические проблемы со своей, человеческой точки зрения. Вы чувствуете симпатию именно к той группе людей, в спасении которых вы принимали участие. Люди, находящиеся в подземелье, не меньше спасенных вами заслуживают жизни. Основное требование галактических экспедиций — не вмешиваться, никогда не вмешиваться во внутренние дела других миров. Любое вмешательство чревато нарушением естественного хода развития цивилизации. Вы это знаете, и я это знаю, и Кудараускас это знает, но когда мы доходим до дела, оказывается, что личные симпатии и склонности перевешивают. А если бы жители Муны не были так похожи на людей? Если бы они были отвратительны вам, как мы, например, стали бы вы так же волноваться об их судьбе?

— Да, — сказал убежденно капитан, — вы знаете, что стал бы. Кстати, вы мне не отвратительны.

— Я тоже погорячился. Извините, капитан, — сказал Аро и покинул мостик.

— Они на подлете, — сказал Кудараускас.

На небольшом экране появился повисший над «Сегежей» диск катера.

— Ну как там у вас, Баков? — спросил капитан.

— Встретьте нас у входа, — сказал старший помощник.

— Хорошо.

Загребин обернулся к Кудараускасу.

— Останешься здесь, Зенонас. Мы будем разговаривать с ними в кают-компании. Со мной будут Бауэр и Баков. Включи внутреннюю связь, чтобы быть в курсе всех разговоров. Посматривай на купол. Система сигнализации в порядке?

— Угу. Только что проверял.

— Ну, я пошел. В самом деле, встречу их у люка.

2

Встреча была похожа на официальный визит глав дружественных (или недружественных) держав друг другу, как их изображали в учебниках истории.

Загребин занял свое место за обеденным столом, во главе его. По правую руку от него сел Баков, по левую — шахтер Ренци и Пирра. За Баковым сидел Бауэр.

Басистый генерал, глава делегации подземелья, сидел на другом конце, и рядом с ним был

отрядник, тот самый, изможденный, легко гнущийся мужчина в поношенной форме, который встретил Снежину в туннеле. В дальнем конце кают-компании на диванчике устроились патриций, Лещук и солдат из генеральской свиты с рацией, которую он поставил на шахматный столик. Лещук вскоре ушел. Кирочка была в машине одна, и Лещука потянуло проверить, как там дела.

Снежина, у входа поздоровавшись с капитаном, попросила разрешения привести себя в порядок. В каюте ее уже ждали тетя Миля и корона Вас со снадобьями и пилюлями, до которых он был большой охотник.

Снежине не хотелось выгонять из каюты друзей, и она разделась в душевой за матовой занавеской. Раздеваясь, выкидывала в каюту вещи и все не могла остановить улыбку, согнать ее с лица: она была дома, и звон стакана, в котором толстый корона Вас размешивал свои снадобья, и громкие вздохи тети Мили были замечательным доказательством тому, что в самом деле никакого подземелья не существовало, что землистые лица обитателей пещеры только померещились ей.

— Тетя Миля, — попросила Снежина, — будьте добры, достаньте белье из верхнего ящика и

брюки, форменные брюки, они, по-моему, где-то внизу лежат, а где, я не помню.

Горячие струи воды приятно впивались в тело, и было мирно и приятно, и из тела уходила бесконечная пещерная усталость. И Снежина поняла вдруг и ясно увидела, как Антипин и Кори сидят на холодном каменном полу камеры и ждут, когда их освободят.

Снежина схватила повешенные тетей Милей на занавеску вещи, выключила воду, оделась и, на ходу проглотив — зачем обижать корону Вас? — стакан с неприятным на вкус снадобьем, побежала в кают-компанию.

Процедура взаимного представления и рассаживания по местам заняла несколько минут, и поэтому, когда Снежина вошла в кают-компанию, переговоры еще только начинались.

— Садись сюда, — сказал Загребин, показывая на свободное место на нейтральной территории между двумя делегациями.

Снежина села между офицером-отрядником и Бауэром и вспомнила почему-то, как недавно в этой же кают-компании происходило представление других инопланетных гостей. И те были куда более чужими и незнакомыми, чем эти. А сейчас корона Аро сидит наверняка на мостике

рядом со своим всегдашним оппонентом Кудараускасом, и они слушают, не пропуская ни слова, все, что говорится в кают-компании, а корона Вас, принципиально не интересующийся политикой, поклонник популярной на Короне теории о том, что прогресс осуществляется вне зависимости от политических деяний людей — только ученые могут ускорить или замедлить его, — корона Вас поплелся в буфетную вслед за тетей Милей, чтобы помочь ей приготовить чай для гостей. А эти, такие похожие, сидят напротив, и напряжение людей, которые не знают, попали они в гости или в ловушку, ясно читается на их бледных, землистых лицах.

— Мы хотели бы узнать о судьбе наших товарищей, которые попали к вам в плен, — говорит капитан ровным голосом, и Снежина возвращается к реальности.

Черная коробочка лингвиста на груди генерала вздрагивает. У генерала объемистый живот, множество знаков и значков на мундире и плоское лицо того неестественного синеватого цвета, которое принимают бледные лица под люминесцентной лампой.

— Вы не правы, — говорит генерал. — Они не в плену. Они — заложники. Мы не знаем, можем ли

верить вам. Как только мы убедимся в том, что верить вам можно, мы выпустим ваших людей. Они находятся в безопасности. Женщина, сидящая за этим столом, может подтвердить мои слова.

Снежина кивнула головой. Потом спохватилась:

— Я не знаю. Антипина били. Где остальные, я не знаю.

— Он сам ударился о стол, — сказал генерал. — Мы никого не бьем.

— Ложь это, — говорит зло шахтер Ренци. — Меня самого не раз били.

— Мы согласились терпеть ваше присутствие в комнате, потому что это было условием переговоров, которое поставил нам капитан Загребин. Однако в переговоры с простолюдинами мы не вступаем. В конце концов, и в наших руках есть козыри — заложники.

Генерал сжимает кулаки, и кажется, что там, в костлявых, покрасневших пальцах, и спрятаны заложники.

— За этим столом, — говорит капитал тем же ровным голосом, — все имеют право говорить.

— Тогда буду молчать я, — говорит генерал.

— Ладно, я уйду, — говорит Ренци. — Мне здесь делать нечего. Пусть останутся Пирра и патри-

ций.

И, не слушая возражений капитана, Ренци покидает кают-компанию.

Патриций занимает место шахтера за столом и разворачивает перед собой бумаги, исписанные его ровным, красивым, с завитушками почерком.

— Со мной говорить можно, — заявляет он. — Я по происхождению патриций, хотя мы это и отменили.

— Посмотрим. — Генерал смотрит на патриция тяжелым долгим взглядом, будто припечатывает его портрет в памяти.

Теперь патрицию никуда не скрыться от генерала. Патриций понимает это, осторожно касается локтем Пирры. Так надежнее. Патриций выбрал лагерь, в котором он будет бороться.

— Простите. — Генерал смотрит на часы. — Мне нужно выйти на связь с моим центром.

Он встает, подходит к рации и отбивает условный знак. Снежина ясно видит Вапраса, сидящего в своем кабинете. Вапрас слушает.

— Итак, — генерал возвращается на свое место, — мы хотим узнать еще раз, зачем вы к нам приехали и чего вы хотите.

— Отлично, — соглашается капитан. — Хотя

вы, наверно, знаете об этом из допроса Пановой и Антипина.

— Да, — соглашается генерал. — Но мы хотим выслушать это еще раз.

Загребин говорит вкратце о существовании Галактического центра, о вспышках, засеченных астрономами, о разведдиске и о том, как «Сегежа» попала на Муну. Он говорит и об аппарате Вас. Он ничего не скрывает. Он даже говорит о том, что на планете, под куполом, создан свой Совет, который и управляет Муной.

— А дальше? — спрашивает генерал.

— Дальше? В скором будущем — я думаю, через несколько дней, — сюда прибудет другой корабль.

— Такой же, как ваш?

— Нет, автоматический, без людей. Он привезет дополнительные дезактиваторы. К этому времени люди смогут кое в чем себя обеспечить.

— Это все интересно, — говорит генерал. — А дальше? Что будет с вами?

— Мы улетим отсюда. Мы улетим, как только нам представится возможность. Но мы будем прилетать, когда это понадобится жителям Муны. Мы должны помочь вам уничтожить следы войны, мы должны установить здесь хотя бы

еще один стационарный аппарат по оживлению людей. Дел много. Но об этом мы договоримся с Советом планеты.

— Теперь мы подошли к самому главному, — говорит генерал. — К тому, зачем я сюда пришел. До того, как вы прилетели сюда, на планете существовало законное правительство.

— Мы плохо служили народу, — неожиданно для самого себя вмешался патриций. — Мы погубили планету.

— Это не наша вина, и не нам сейчас ее обсуждать, — оборвал его генерал. — Всем ясно, что такое больше не повторится. Особенно после того, как мы уничтожили наших врагов до последнего.

— Разрешите справку… — сказала Пирра. Она молчала до сих пор, не в силах побороть унизительного чувства страха при виде этой формы, этих уверенных в себе людей — хозяев планеты. Она не могла избавиться от страха, животного, бессмысленного страха, рожденного воображением, которое показывало ей будущее, где генералы снова станут господами Муны. — Разрешите справку… — Пирра обращалась к капитану, и тот кивнул. — Под куполом живут два человека, по национальности пьи. Мы найдем и других…

Один из пьи — член Совета планеты.

Пирра замолчала. В конце концов, то, что она сказала, не играет особой роли. Особенно сейчас, когда там у них Девкали. И если они пощадят пришельцев, то Девкали они не пощадят…

— Та-ак, — сказал генерал. — Тем хуже. Я продолжу. — Генерал сфотографировал взглядом и Пирру. Она тоже теперь навсегда осталась в его памяти, ей тоже подписан приговор. — Законное правительство, о котором я говорил, существует и сейчас. И я его представитель. Если вы сомневаетесь в наших полномочиях, вы можете поднять документы министерства обороны, — я заместитель министра войны; генерал Вапрас, находящийся сейчас на базе, — глава разведки. Мы — правительство Муны — можем вам предложить следующее: вы немедленно покидаете планету, оставив нам купол и очистители воздуха. Вы присылаете дополнительный корабль с другими очистителями. В будущем ведете переговоры только с нами и через нас. Все.

— Вы кончили? — осведомился вежливо Загребин. — Тогда скажу я. Во-первых, я не считаю вас законным правительством Муны. Сколько вам осталось жить в вашей норе? Год? Полгода? Вы же мертвецы, закопавшиеся под землею и умершие

не сегодня — умершие много месяцев назад.

«Что с капитаном? — подумала Снежина. — Он никогда еще не повышал голоса, я такого еще никогда не слышала».

Она думала, что он будет куда сдержанней и спокойней, но раз он потерял сдержанность, тем лучше. Если бы на его месте была Снежина, она говорила бы еще резче.

— Второе, — продолжал капитан, игнорируя возмущенный жест генерала. — У меня тоже есть встречное предложение. Вы все покидаете пещеру и переходите в купол. Без оружия. Ни у кого из обитателей купола его нет. В куполе вы живете, лечитесь — вас всех надо срочно лечить — и вместе с теми, кто уже живет там, решаете, улететь нам или нет.

— Это вмешательство во внутренние дела нашей планеты!

— Да, — сказал Загребин тихо. — И теперь я хотел бы выслушать присутствующих здесь членов Совета купола.

Загребин обернулся к Пирре.

— Нет, — сказал генерал. — Мы этого Совета не признаем. Я хочу задать вам вопрос: признаете ли вы силу?

— В каком смысле?

— А вот в каком. На нашей базе, недоступные для вашего оружия, спрятаны ракеты с ядерными боеголовками. В любой момент они могут быть выпущены по вашему кораблю. От вас останется мокрое место. От вас и от вашего купола. Кроме того, у нас заложники, несколько человек с вашего корабля. Подумайте о их судьбе. Я предлагаю объявить перерыв. Мне надо выйти на связь с базой и рассказать о ходе переговоров. И не пытайтесь меня остановить. Не пытайтесь. Я старый солдат, и мне погибать не впервой. За каждый волос, упавший с моей головы, упадет голова вашего человека. Надеюсь, мы понимаем друг друга.

Генерал снова посмотрел на часы и прошел к шахматному столику, на котором стояла рация.

— Принесите чаю, — сказал устало Загребин и тяжело прошел к выходу. Он шел посоветоваться с короной Аро.

3

Ренци медленно брел по куполу. У большого дома под ярким фонарем сидели женщины. Они сидели, как сидят в бомбоубежище в ожидании разрыва бомбы. Ренци не стал подходить к ним.

Он обошел дом сзади; там в зарослях вокруг стола профессора Кори стояли мужчины, восемнадцать человек — армия купола. Они были плохо вооружены. Они, можно сказать, не были вооружены совсем, если не считать оружием нескольких плохо заточенных кухонных ножей и пик — ножей на длинной палке.

— Как дела? — спросил один из охотников-пьи на ломаном лигонском.

— Они разговаривают, — сказал Ренци. — Они все разговаривают.

— Ты видел солдат?

— Да. Двое сидят в коридоре. Их пустили в корабль. Один даже в самой комнате. С рацией.

— Неужели они поверят солдатам?

— Могут поверить, — сказал Ренци. — Когда я сегодня просил у капитана оружие, он сказал, что оружия нет. Он не хочет ввязываться в наши дела. Где Ранмакан?

— У себя. У него болит живот.

— У него всегда болит живот, — засмеялся кто-то из мужчин, — когда надо работать или воевать.

— Я пойду проведаю его, — сказал Ренци, — он больше нас знает о пришельцах. Если они оставят нас, все пойдет по-старому и мы снова станем рабами. Если переговоры плохо кончатся, будем

строить баррикаду у входа в купол.

— А если солдаты согласятся войти в купол?

— Как — войти?

— Как мы, без оружия?

— Кто тебе сказал такую чепуху?

— Ранмакан. Он сказал, что солдаты тоже хотят жить. И их можно принять.

— Я все-таки пойду поговорю с этим Ранмаканом.

Ренци попрощался с мужчинами и прошел к большому дому. Женщины увидели его издали, встали, но он только кивнул головой, входя в дом, и никто не осмелился задать ему вопроса.

Ранмакана в комнате не было.

Ренци вышел снова на крыльцо, спросил у женщин, где Ранмакан.

— Он ушел. С полчаса, как ушел.

— Куда?

— Вроде бы на корабль.

— Нет, его там нет, я сам там был, — сказал Ренци.

Ренци, перед тем как возвращаться на корабль, обошел купол вокруг. Он заглянул в кусты — пусто. Потом прошел к кораблю и спросил у оставшегося у входа Бауэра:

— Ранмакан не проходил?

— Нет, я здесь с самого прилета катера. Его не было. А что?

— Ничего, — сказал Ренци и сразу ушел. Он был зол на всех пришельцев.

Бауэр вздохнул и вернулся в шлюзовую камеру. Под прозрачным темным потолком коридора было неуютно, и он чувствовал себя беззащитным.

Ренци решил обойти купол вокруг. Он мог бы объявить тревогу и разослать на поиски Ранмакана мужчин, но ему не хотелось поднимать шум раньше времени. Ранмакан вполне мог прятаться под кустом — такой человек.

Ренци шел по самому краю купола вдоль загибающейся кверху стены и время от времени всматривался в ночь. Там на пустыре успокоительно перемигивались башенки сигнализации. Ренци дошел уже до второго шлюза, выходящего из купола на улицу, и остановился у кучи досок и ящиков, сваленных еще вечером; если придется воевать, то основная линия обороны пройдет у шлюза. Ренци заглянул в шлюз. Там должен висеть скафандр. На всякий случай скафандр висит в каждом шлюзе, сколько бы их ни было на космическом корабле или на базе.

Скафандра не было.

Значит, Ранмакан убежал.

В распоряжении Ренци было много возможных ответов на вопрос, куда мог исчезнуть скафандр, но он не стал искать третьего или второго ответа — для него было совершенно ясно, что скафандр мог взять только Ранмакан.

Ренци подошел к стене купола и стал вглядываться в темноту. В свете сигнальных башенок многого не увидишь. Ренци хотел бы выйти наружу и посмотреть, не осталось ли следов Ранмакана, но второго скафандра не было, а бежать на корабль три минуты — этого времени в распоряжении Ренци не было. Им овладело ощущение опасности, заставляющее напрячь мускулы.

Прожектор «Сегежи» прошел широким светлым кругом по земле за сигнальными башенками. Ренци смотрел за ним, но в полосе ничего не оказалось. Или Ранмакан убежал подальше, или он прячется здесь, где-то у купола.

Ренци взглянул вдаль. Ему показалось, что со стороны гор мелькнул огонек. И тут же совсем неподалеку от купола по направлению к сигнальным башенкам ринулась человеческая фигура.

Ранмакан!

Шахтер распахнул люк в шлюз и, задвинув его — без этого не откроешь следующий, — рванул внешний люк. Люк открылся. Ренци не думал о

радиации. Он ясно видел, как к кабелю, соединяющему сигнальные башенки, бежит человек.

Ренци догнал Ранмакана у одной из башенок, когда тот перерубал кабель топором. Ранмакан, оглохший от лихорадочного стука сердца не услышал, как к нему подбежал Ренци.

— Ах ты, слизняк! — крикнул шахтер.

Кабель был уже перерублен, и сигнальные вышки, хоть и продолжали перемигиваться, перестали быть единым целым, — теперь сквозь их цепь можно было пройти к кораблю, не подняв тревоги.

— Ах ты, слизняк! — кричал Ренци, схватив Ранмакана за горло.

Тот отчаянно извивался в его руках, стараясь достать пистолет. Армейский пистолет, который ему дал на прощание Бессмертный. Страх смерти — смерти, так часто настигавший его за последнее время, — придавал ему силы, и он все-таки умудрился выхватить этот пистолет, и мутнеющий рассудок заставил его нажимать и нажимать курок, всаживая пули в тело шахтера, который и умирая не отпускал его горла.

4

Механик с трудом уместился на коленях Райкова, который все ждал, когда за него возьмется лучевая болезнь, — он физически ощущал, как смертельные лучи пронизывают его тело, еле защищенное крышей кабины. Райкову уже казалось, что начинает болеть голова, хотя, конечно, болеть голове было рано. Только если по другим причинам — от переутомления, от затхлого воздуха пещеры…

Механик с колеи Райкова указывал путь к главному входу. Группа Бессмертного, которая должна была во время переговоров незаметно подкрасться к кораблю и с помощью предателя захватить его и купол, ушла в Манве оттуда. Она ехала на военном грузовике, и возможно, удастся догнать ее по пути.

От главного входа повернули вниз, в долину. Ехать было легко. Дорога прилично сохранилась, да и лучик прожектора «Сегежи», видный за много километров, служил хорошим ориентиром.

Павлыш старался выжать из вездехода все возможное: с каждой секундой пассажиры Ежа принимали все больше дозы радиации и с каждой

минутой увеличивалась опасность для корабля.

В кабине молчали. У Малыша кровоточила рана, и он прижимал к ней мокрую от крови ладонь, морщась от каждого толчка. Райков прислушивался к биению собственного пульса. Он был храбрым парнем и в других случаях не струсил бы, но невидимость и неумолимость врага, закравшегося в его тело, была настолько страшна, что он незаметно для окружающих прижал лицо к спине сидевшего у него на коленях механика, чтобы защититься от радиации. Хоть это было и бессмысленно.

Механик о радиации не думал. Он свыкся с близостью смерти. Он хотел только дожить до утра, чтобы увидеть солнце, он хотел, чтобы убили генералов и солдат — всех. Он держал в руке пистолет, готовый стрелять в любой момент. Он сам собирался вершить правосудие.

Девкали и Павлыш думали об одном и том же — о женщинах, оставшихся на корабле, о женщинах, которым грозила опасность. Но если Девкали сейчас не мог думать ни о чем, кроме судьбы Пирры, то Павлыш еще думал и об Антипине, о его таинственном исчезновении. Ему все время хотелось вернуться обратно, как человеку, который вспомнил в последний момент перед

отходом поезда, что он забыл попрощаться с кем-то из родных, но знает, что поздно, что поезд уже тронулся…

Грузовик они настигли неподалеку от города. Что-то случилось с мотором, и один из солдат копался в нем. Остальные столпились рядом, странно знакомые в скафандрах космонавтов.

— Их можно принять за нас, — сказал Павлыш.

— На это и рассчитывают, — сказал Малыш.

— Приготовиться к бою, — скомандовал Павлыш. Он затормозил метрах в пятидесяти от грузовика за крутой скалой. — Я буду здесь, у лазерной установки. Девкали, Райков, с автоматами быстро выскакивайте и ложитесь за камни.

Эта операция заняла меньше минуты. Механик с пистолетом в руке тоже выскочил из вездехода и, перебежав дорогу, вскарабкался на склон холма и залег там.

Павлыш включил усилитель и подключил к нему кабинного лингвиста. Он не смотрел, как и куда исчезли его товарищи. Надо было использовать неожиданность.

— Сдавайтесь! — крикнул он, включил усилитель на полную мощность. — Вы окружены! Сдавайтесь!

Группа солдат в скафандрах, стоявшая до этого

в растерянности — они не могли разобрать, что за машина догнала их: слишком ярко били в глаза фары, — тут же рассыпалась по кустам. Только шофер присел за капот грузовика, и ноги его были хорошо видны Павлышу.

— Приказываю немедленно выйти из укрытия и бросить оружие, — продолжал Павлыш. — Сопротивление бесполезно!

В ответ автоматная очередь простучала пулями по прозрачному куполу вездехода.

— Не пробьют? — спросил Малыш.

— Не думаю, — сказал доктор. — Если у них нет гранат…

В ответ на автоматную очередь затрещали очереди из-за камней вокруг вездехода. С той стороны начался на высокой ноте и оборвался крик.

Павлыш развернул лазерную установку и дал лучом по задним колесам грузовика. Грузовик осел на дорогу, и над ним поднялась туча светлого, светлее ночи, дыма. Шофер выскочил из своего укрытия и метнулся к скалам. Сухой пистолетный выстрел оборвал его бег. Механик сводил счеты.

— По крайней мере, мы их задержали, — сказал Павлыш. — До корабля они не доберутся.

Он еще раз нажал на гашетку и превратил гру-

зовик в пылающую кучу металла и дерева.

В свете пламени за одним из камней блеснул шлем.

— Сдавайтесь! — еще раз сказал Павлыш.

Снова треснул пистолетный выстрел. Шлем за камнем исчез. Автоматы Христо и Девкали молчали.

— Не стрелять! — приказал Павлыш. Он опасался, что механик не сможет удержаться, видя перед собой цель.

Человек в скафандре поднялся во весь рост, держа над головой автомат, и осторожно вышел на освещенную фарами дорогу. Как будто дожидавшиеся, что будет с их товарищем, остальные солдаты тоже покинули укрытия. Они воевали не потому, что хотели этого, — они боялись смерти. И если бы Вапрас подслушал бы их тихие разговоры на деревянных койках подземной казармы, он бы всерьез усомнился, стоит ли начинать войну с пришельцами.

Автоматы звонко брякались о камни дороги. Девкали поднялся из-за своего укрытия и пошел по дороге к сбившимся в кучку солдатам. Райков стоял на месте, прикрывая его на случай, если солдаты замыслили военную хитрость. Он знал о военных хитростях только из книг.

Неожиданно из-за камня блеснул огонь. Автоматная очередь. Девкали схватился за бок и медленно осел на землю. Павлыш тут же дал в направлении очереди лазерный луч. Райков выстрелил из автомата, но быстрее их оказались сами солдаты. Они расхватывали брошенные автоматы и засыпали пулями Бессмертного, укрывшегося за камнем и ведшего свою личную войну с Девкали. Солдаты хотели жить. Они хотели показать, что полностью и безоговорочно перешли на сторону новой власти…

Тело Бессмертного, прошитое чуть ли не сотней пуль, брать с собой не стали. В вездеход уложили раненого Девкали — его удалось кое-как перевязать.

Солдаты шли впереди медленно ползущего вездехода. Их охраняли, хотя всем уже было ясно, что это лишнее. Павлыш вел вездеход.

Процессия медленно спускалась в равнину, к близкому уже диску «Сегежи» и освещенному букетами ламп куполу.

5

Генерал долго не отходил от рации. Он еще стоял над ней, когда вернулся Загребин после

тяжелого разговора с Аро, который считал, что следует согласиться на требования генерала, однако, улетая, взять с собой тех из жителей Муны, которые не захотят оставаться здесь. Аро был уверен, что генералы, такие агрессивные сейчас, вскоре растворятся в новом обществе и их присутствие под куполом ничего не изменит. Тем более оставался риск, что генералы все-таки осуществят свою угрозу и запустят ракеты в Манве, погубив поселение и корабль.

Загребин не мог бы даже объяснить, что руководит им, но он лучше знал генералов, чем мудрый Аро: генералы были сравнительно недавним прошлым Земли и классической историей для Аро и других корон.

Загребин прошел на свое место за столом и сел.

— Чего он? — спросил капитан тихо у Бакова.

— Инструкции получает.

— На мостике все спокойно?

— Да, я сейчас связывался с Кудараускасом.

— Геннадий Сергеевич, скорее поднимитесь ко мне, — сказал в этот момент динамик голосом Зенонаса.

— Ну вот, все-таки что-то случилось.

— Взгляните, — сказал Кудараускас вбежавше-

му на мостик капитану.

На большом экране был виден купол. На пустыре, в нескольких десятках метров, стояла толпа, окружив два тела, лежащие на земле. Сноп прожектора, падавший на них сверху, освещал мокрые от радиоактивного дождя напряженные лица.

— Ранмакан разрезал кабель сигнальной сети. Ренци увидел и выбежал без скафандра наружу, чтобы остановить его. Ранмакан убил Ренци. Я заметил, что происходит, только когда услышал по внешней связи выстрелы. Они были внутри линии сигнализации, и поэтому я ничего раньше не увидел.

Корона Аро, стоявший у экрана, сказал:

— Если Ранмакан делал это — а он трус, — значит, он ждал, что кто-то постарается проникнуть к нам снаружи.

— И генералы врали, — добавил Загребин специально для Аро.

Тот прикрыл несколько глаз и сказал:

— Возможно.

— Скажи Вас, — обернулся капитан к Кударускасу, — чтобы он вышел в купол. И пусть захватит антирадиационные средства. Скажи: несколько человек оказались снаружи без скафандров. Корона Вас, наверно, в буфетной. Или в лаборатории. И приготовь большой лазер.

Кударускас обернулся к переговорному устройству, и капитан собрался было уходить, но Аро остановил его:

— Прислушайтесь.

В динамике внешней связи глухо звучали го-

лоса стоявших вокруг Ранмакана и Ренци людей. Потом к этим голосам примешался далекий треск. Будто радиопомехи.

— Что бы это могло быть? — спросил Аро.

Услышали треск и люди снаружи. Они обернулись к холмам, нависшим над городом.

— Странно, — сказал капитан. — Мне это не нравится. Включи-ка внутреннюю связь. Включил? Баков? Что делает наш генерал? Говорит еще? Сколько можно! Спроси его: скоро начнем заседание? Просит подождать? Баков! Почему молчишь.

Баков сказал после короткой паузы:

— Сейчас вбежал солдат, который оставался снаружи, и что-то говорит генералу. Там у вас все в порядке?

— Почти все. Потом расскажу.

Треск прекратился.

— Ну, я пошел, — сказал капитан. — Держите связь.

Капитан в последний раз взглянул на экран, увидел, как бежит по переходному туннелю в купол корона Вас, и спустился вниз.

Генерал наконец соблаговолил сесть за стол.

— Продолжим переговоры, — сказал он. — К какому вы пришли решению?

— Мы остаемся на своих позициях, — сказал капитан. — Однако мы хотим обсудить с вами и возможность нашего отлета. Как вы это себе представляете?

В кают-компанию без разрешения вбежал солдат. Один из двух солдат, оставшихся под присмотром Бауэра снаружи. Он нагнулся к самому уху генерала и прошептал что-то.

— Как? — переспросил генерал. — Идиоты! С зажженными фарами?

Ожил динамик внутренней связи.

— Капитан, — доложил Кудараускас, — с холмов спускаются люди. За ними идет наш вездеход. Если я не ошибаюсь, прожектор еле достает. Что делать?

— Вездеход оставался в Горном саду, — сказал Баков.

Генерал встал и вынул из кармана пистолет.

— Вы арестованы, — сказал он.

И отступил на шаг, так, чтобы радист, также извлекший пистолет, прикрывал его сзади. Второй солдат, тот, что шептал генералу на ухо, отскочил к двери. В руках его был автомат. Только офицер-отрядник остался сидеть за столом. Он улыбался и делал вид, что он тут совершенно ни при чем.

— К кораблю приближаются наши войска, —

продолжал генерал. — Ваша сигнальная система не работает. Можете проверить. Через пять минут они будут здесь.

Капитан раскрыл лежавшую перед ним на столе пачку сигарет.

— Никаких глупостей, — насторожился генерал. — А то стреляю. Вы передаете нам корабль и перехóдите в подземелье.

— Когда я тебе скажу, вырубишь свет, — сказал по-английски капитан. Он знал, что Кудараускас слышит каждое слово. Капитан закурил и пустил струю дыма в сторону опешившего от такого кошмарного зрелища генерала.

Кудараускас видел, как разбегались и падали на землю мужчины, окружившие Ренци и Ранмакана.

Вездеход был отлично виден. Он уже подошел к испорченной сигнальной линии. Это был странный отряд. Впереди шагал с автоматом в руках Христо Райков. Христо был без шлема и скафандра и прикрывал свободной рукой голову. За ним шествовали незнакомые люди в скафандрах с поднятыми вверх руками. Сзади еще один незнакомый, хромой, без скафандра. У того в руке был пистолет. Направив луч света на купол вездехода, Зенонас увидел за рулем Павлыша. Доктор

помахал Кудараускасу рукой. Зенонас снял палец с кнопки лазера.

«Кажется, мы все-таки победили, — подумал Кудараускас. — Осталась еще проблема с кают-компанией. Но тут можно что-то придумать».

Кудараускас отключил звук кают-компании, оставив остальные помещения.

— Бауэр, Эмилия Кареновна, Кирочка, там где-то должен быть у входа их солдат. Переговоры у нас временно прерваны — опять идет война. Обезвредьте солдата. Потом незаметно впустите в корабль экипаж вездехода.

Защитники купола уже разглядели, в чем дело: они бежали навстречу вездеходу, и Райков кричал им что-то, размахивая автоматом. Пленные солдаты сжались в кучку при виде орущей толпы, но после нескольких слов человека, который шел сзади, успокоились. Мужчины из купола раскрыли крышку вездехода и вынесли оттуда Девкали. Другие помогли выбраться Малышу. Остальные вооружились автоматами и побежали к кораблю. Они слышали слова Кудараускаса.

Солдат у входа к тому времени тоже разобрался в ситуации и с удовольствием передал автомат в руки Бауэру. Павлыш взобрался в тамбур и сказал Глебу:

— У нас рация не работала. Эти бандиты ее поломали, еще когда Антипина вытаскивали. Но до ходовой части не добрались.

В дверях тамбура стояла толпа автоматчиков.

— Куда идти? — спросил один из лигонцев.

— Сейчас Кудараускас скажет, — ответил Павлыш. — Кудараускас в курсе дела.

Кудараускас и в самом деле был в курсе дела. Он включил кают-компанию и сказал капитану по-английски:

— Здесь все в порядке. Они у нас в руках. Не озлобляйте их. Тяните время. Через минуту все кончится.

— Свет вырубать не нужно будет?

— Обойдемся, Геннадий Сергеевич, — сказал Кудараускас. Он знал, что Павлыш и его спутники уже стоят у дверей.

Генерал с пистолетом в руке прислушивался к приближающимся шагам за дверью. Он кивнул солдату:

— Скажи им, чтобы входили.

Солдат открыл дверь и выглянул в коридор.

— Входите, — сказал он.

Чьи-то сильные руки рванули солдата в коридор, он исчез, и на месте его в широко распахнувшихся дверях показались Павлыш с Бауэром. За

их спинами стояли другие люди. Павлыш уверенно, будто никогда в жизни не расставался с ним, держал автомат.

— Сдайте оружие, генерал! — приказал он.

За спиной генерала звякнул пистолет солдата. Тот бросил его в то же мгновение, когда Павлыш открыл рот.

Генерал обернулся. Пистолет дрогнул в его руке. Он зажмурился и выстрелил себе в голову.

6

Антипин попытался пошевелиться. В камере было темно. Темно и в коридоре. Правда, в коридор откуда-то попадает слабый свет, потому что видно, что дверь в камеру приоткрыта. Антипин попробовал шевельнуть ногами. Ноги тоже были связаны. Антипин вытолкнул языком кляп изо рта — кляп солдат заткнул кое-как. Треугольная ножка солдатской койки была совсем рядом. Антипин подполз к ней и стал пилить веревку об острый металл. Солдат завязал его профессионально. Не профессиональной была только веревка. Веревка подгнила, а другой не было. Через несколько минут она лопнула. Антипин сел и долго растирал онемевшие руки. В подзе-

мелье было тихо. «Странно, — подумал он, — что дверь оставили открытой». Антипину казалось, что, когда он был без сознания, кто-то звал его, за дверью стучали шаги, но это могло быть плодом воображения. Антипину хотелось, чтобы его звали и искали. В подземелье было даже тише, чем обычно. Казалось, что все ушли оттуда навсегда. Антипин развязал ноги. Но сразу встать не смог. Ноги отказывались держать его. Наконец Антипин выбрался в коридор. Свет в коридоре не горел, и лишь сзади, из бокового прохода, пробивался слабый луч.

Туда Антипин и поплелся, опираясь на стену. Он был настолько измучен и избит, что шел не таясь, не слыша собственных шагов и не заботясь о том, услышит ли его кто-нибудь. Саднила шишка на голове — солдат основательно ударил его автоматом, кровь на лице ссохлась сухой коркой и стянула кожу.

Антипин свернул в освещенный коридор, не зная еще, куда идти, кого искать. Снежина уехала, но остальные? Где остальные? Он чувствовал, что подземелье пусто, что никого в нем не осталось. Но чувствам не всегда можно верить, особенно если с тобой грубо обращались и били по голове. «Теперь меня ребята не узнают», — подумал

Антипин и хотел улыбнуться, но улыбки не получилось. Губы не слушались.

Перед одной из дверей Антипин остановился. Из-за нее доносился голос. Сухой, знакомый голос Вапраса. «Сейчас все узнаем… Только надо казаться сильным…» Он нажал плечом на дверь, и та легко открылась.

Вапрас, кричавший что-то в телефонную трубку, обернулся при скрипе двери. В руке у него был пистолет.

— Кто там?

«Ну, у Вапраса вид похуже моего, — подумал Антипин. — Вот-вот помрет».

— Это всего-навсего я, — сказал Антипин. — А вы ждете, когда за вами придут?

— Бессмертный! — кричал в трубку Вапрас. — Бессмертный!

Он бросил трубку. Сунул в рот комок жвачки. Взял со стола отобранную у Кори коробочку лингвиста и гостеприимно указал рукой на кресло.

— Садитесь, — сказал он Антипину, делая над собой усилие и на минуту превращаясь снова в прежнего генерала. — Значит, вас забыли?

— Кто забыл?

— Ваши же, когда бежали отсюда. Ну ничего, здесь вы будете в надежных руках. У ваших все

равно нет скафандров. Они умрут, пока доберутся до корабля. Да и к тому же будет поздно.

— Почему? — полюбопытствовал Антипин. То, что Павлыш и остальные убежали, было хорошей новостью.

— Да потому, что сейчас мой отряд подходит к «Сегеже». В то же время на ее борту находятся мои люди. С минуты на минуту «Сегежа» перестанет быть вашей. Она станет моей. Моей!

— Значит, пока еще не стала? — спросил Антипин.

— Погодите.

Загорелась лампочка вызова на рации.

— Кто говорит? Бессмертный? Что?

Антипину был слышен голос в рации. Это был очень знакомый ему голос Павлыша.

— Вапрас, — говорил Павлыш. — Генерал ваш только что кончил жизнь самоубийством. Отряд в плену у нас. Какие будут дальше указания?

— Кончайте безобразие! — крикнул Вапрас. — Дайте трубку кому-нибудь из моих людей!

Вапрас говорил с офицером-отрядником, кричал что-то, угрожал, потом бросил трубку на стол и обхватил голову худыми, жилистыми руками. Трубка еще продолжала говорить, увещевать Вапраса. Вапрас поднял голову. Он был уже спокоен

пустым спокойствием мертвеца. Он осторожно положил трубку на рычаг. И тут заметил Антипина.

— Ну и что? — спросил тот.

— Они предлагают мне сдаться. Они сейчас выезжают сюда, чтобы забрать вас и меня. И больного солдата, он в госпитале, и последнего простолюдина. Ну и что вы посоветуете мне сделать?

— Сдаться, — сказал Антипин. — Я вас обижать не буду и обещаю забыть, как вы умеете драться.

— Я бы на вашем месте не шутил, — сказал Вапрас. — Ваши предложения неприемлемы. Я хочу показать вам что-то. Вы можете идти?

— Могу.

— Жалко совершать последнее дело жизни без свидетелей. А вы удобный свидетель, который умрет вместе со мной, — сказал Вапрас, когда они шли с ним по коридору.

— Тогда вам придется долго жить, — сказал Антипин.

— Да, кстати, чтобы вы не думали, что можете со мной справиться. У меня пистолет, а у вас его нет. Еще час назад я был господином этой планеты. Я надеюсь и умереть им. Я не собираюсь принимать, как собака, пищу из рук доброго хо-

зяина. Надеюсь, после того, что мы с вами сейчас сделаем, на нашу тихую Мертвую планету больше не будут прилетать добрые пришельцы.

Вапрас включил дрезину и даже помог Антипину взобраться на нее.

— Простите, что приходится вести дрезину самому, — сказал Вапрас, — последний здоровый простолюдин удрал вместе с вашими. Мне надо было догадаться, что он может на это пойти. Откровенно говоря, я наделал массу ошибок. Мне, конечно, следовало бы договориться с вами. А уж потом, когда вы улетите… Но я не знал, улетите ли вы.

Дрезина завернула в боковой туннель, такой же высокий, как и главный, и через несколько сот метров остановилась перед очередной стальной дверью.

Вапрас соскочил с дрезины и подошел к пульту у дверей. Двери медленно раздвинулись.

За ними обнаружился обширный зал с длинным низким пультом у одной из стен. Посреди зала стояли три ракеты, до половины погруженные в колодцы. Это были острорылые, хищные военные ракеты.

— Как видите, — тоном любезного хозяина говорил Вапрас, — здесь у нас сохранилось три

тактических ракеты с атомными зарядами. Ну и, кроме того, чтобы уж вы все знали, вот в этом крайнем закрытом колодце лежат две запасные боеголовки, то есть две атомные бомбы. И все это хозяйство можно оживить вот с этого пульта. Следуйте за мной. Вот телефон. Сейчас мы позвоним на корабль и честно предупредим их, что жить осталось им совсем немного. Вам плохо? Да, вы очень ослабли. Ничего, через несколько минут это не будет играть для вас ровным счетом никакой роли. Мы с вами останемся единственными, не считая солдата и больного простолюдина, людьми на этой планете. И тогда вся наша аптека к вашим услугам. Вы научитесь жевать жвачку…

Генерал Вапрас поднял ручку телефона и вызвал «Сегежу». Ему доставляло удовольствие глядеть в это время на Антипина. Когда тот хотел подойти поближе, Вапрас почти игриво погрозил ему пистолетом: сиди, мол.

— «Сегежа»? — спросил Вапрас. — Говорит хозяин Муны. Генерал Вапрас. Соедините меня с капитаном… Вот видите, как хорошо, — обернулся Вапрас к Антипину. — Они даже не отключили рацию. Они хотят со мной договориться. Они боятся меня… Капитан Загребин? Я не имею чести знать вас лично, но я хочу вас предупредить, что

через минуту, а может, две, а может, пять, смотря, как мне захочется, я выпущу в вас ракету с атомной начинкой. Нет, зачем же разговаривать? Уже все ясно. Я проиграл последнюю войну. Вы ее выиграли. И я хочу взять реванш. Нет, поздно. У меня тут сидит ваш друг Антипин, но я его к телефону не подпущу: телефон стоит на пульте, и Антипин может мне помешать. Хотя он и не в таком состоянии, чтобы мне помешать. Ну, прощайте, до встречи на том свете. Я к вам присоединюсь через несколько лет. У нас под землей плохой климат.

Вапрас повесил трубку и игнорировал тут же загоревшийся огонек вызова.

— Я даже разрешу вам подойти поближе, — сказал Вапрас. — Мне хочется, чтобы вы наблюдали за процессом запуска ракет. У вас на Земле это происходило несколько иначе. И давно. Смотрите! Нет, ближе не надо. Оттуда вам все хорошо видно. Курс на Манве мне известен. Он рассчитан заранее. Эта таблица позволит мне навести ракету с предельной точностью не только на Манве, но именно на купол и корабль. Что мы и делаем.

Вапрас, краем глаза следя за Антипиным, начал набирать комбинацию кнопками пульта.

Антипин рассчитывал, сможет ли он достать

Вапраса в один прыжок. Нет, пожалуй, придется сделать еще один шаг.

— Надо нажать три последовательные кнопки. Кнопка первая — готовность базы. Ну, база готова…

Антипин поднял ногу для шага. Вапрас не заметил. Он был увлечен войной, своей личной, собственной войной. Антипин опустил ногу.

— Теперь вторая кнопка, — сказал Вапрас. — Ракета готова к пуску, отодвигается крышка…

Вапрас нажал кнопку и поднял на секунду голову, чтобы проверить, отодвигается ли крышка в самом деле. Громадная каменная плита отъехала в сторону, и легкий дождь заморосил по блестящему пыльному пульту.

— Теперь третья…

Но Вапрас не успел нажать на третью кнопку. Антипин прыгнул головой вперед, руками оторвал Вапраса от пульта и упал вместе с ним на пол. Вапрас пытался вырваться, но пистолет отлетел в сторону, когда Антипин сшиб генерала, а без пистолета Вапрас был не парой даже израненному и избитому Антипину. Антипин отодрал от себя ослабевшие руки генерала, оттолкнул его ногой подальше от пульта и нажал зеленую кнопку под второй красной. Логика механика

не обманула его. Каменная крышка медленно вернулась на свое место.

— Ну, что будем делать, генерал? — спросил Антипин и подумал: «Черт возьми, опять кровь из щеки идет. Еще шрам останется». И добавил вслух, ему было весело: — Я обид не помню.

Вапрас приподнялся с пола, оперся о пульт, достаточно далеко от Антипина, так что тот не заподозрил ничего неладного.

— Мы будем еще воевать, — сказал генерал и нажал красную кнопку на дальнем конце пульта. Кнопку, которая должна была детонировать атомные бомбы.

И вспыхнул ответ…

7

Трубка замолчала. Сухой торжествующий голос Вапраса растворился в воздухе. Капитан, не положив трубки, сказал солдату-радисту:

— Соедините меня с ним снова. — И без перерыва, той же фразой закончил: — Немедленно начать эвакуацию купола! Все на корабль. Подъем через пять минут. Приготовить машину.

Тут же капитан оказался на мостике. Этой минуты ждали и боялись все. И солдаты Вапраса,

знавшие о ракетах, и жители купола, и члены экипажа. За те минуты, что прошли между подавлением «мятежа генералов» и разговором с Вапрасом, жители купола уже подошли поближе к кораблю, уже Лещук загнал и поставил на место катер и вездеход, уже Кирочка проверила и перевела в готовность «один» вспомогательные планетарные двигатели.

И все-таки в пять минут уложиться не успели. Еще, стараясь не толкаться, но толкаясь, люди лезли в люк и Бауэр подсаживал их, помогая пройти дальше, где тетя Миля и Снежина вели женщин в кают-компанию и рассаживали в кресла, чтобы легче перенести момент отрыва; еще стояла на земле слишком медленно таявшая очередь мужчин, которые боялись, что их оставят на планете, оставят погибать под последними ракетами, как в стороне от базы вспыхнул яркий свет.

Кто-то закричал, и крик этот подхватили женщины, и дети, и мужчины… Люди снова пережили свою смерть. Яркое пятно разрослось в невыносимо светлый шар, и, темнея, шар начал расти в небо черным, таким знакомым всем жителям Муны грибом.

И над паникой и криком людей, которые сейчас умрут, раздался голос капитана Загребина.

— Тревога отменяется, — говорил он. — Все могут возвращаться к своим делам. Повторяю, тревога отменяется.

И люди, только что рвавшиеся в спасительные двери тамбура, останавливались и прислушивались к нарастающему грохоту далекого взрыва…

— Там был Антипин, — сказала Снежина. — Там был Ваня Антипин. Сам Вапрас говорил об этом. Антипин успел помешать.

Но как бы то ни было, когда потом, уже на Земле, тетя Миля рассказывала кому-нибудь о путешествии на планету Муна, она говорила: «И вот наш Ваня Антипин, пока тот, генерал, направлял в нас ракету, успел нажать на другую кнопку. Сам взорвался и генерала взорвал».

Это но совсем соответствовало правде, но мало чем от нее отличалось. А настоящей правды никто никогда не узнал.

8

…Когда «Сегежа», улетая, сделала круг над еще мертвой планетой, все собрались на мостике, глядя, как по экрану проплывают точки куполов. Куполов было уже два. На Муну наконец пришло лето, дождей стало меньше, и кое-где видны были

зеленые пятна травы. Она пробивалась сквозь камни и плесень.

Рядом с куполами можно было различить маленький диск корабля Галактического центра. Корабль привез новое оборудование, продукты и еще один аппарат для Вас. Вас остался на Муне. Еще на год. Он с удовольствием согласился на это — он любил свою работу.

Потом планета заволоклась тучами — под кораблем шел океан. Начали набирать высоту.

Понемногу все покинули мостик. Малыш спустился в буфетную к тете Миле. Он еще хромал, ходил с палочкой, но аппетит у него был зверский.

В буфетной сидел патриций. Он летел на Землю как представитель Муны. Он уже за две недели до отлета начал бомбардировать капитана и Пирру прошениями в письменной форме, и они сдались перед лавиной бумаг. Патриций задумчиво глядел на портрет Вас, висевший над столом, и рассуждал о многообразии природы. Тетя Миля внимательно слушала его. Она уже выплакалась, прощаясь с друзьями в куполах, и обещала вернуться к ним. Теперь она с удовольствием слушала рассуждения умного человека.

— Тетя Миля, не помешал? — спросил Малыш.

— Здравствуйте, — сказал патриций, который уже раза два или три здоровался с Малышом. — Мне говорили, что доктор Павлыш выпускает стенную газету? Это правда?

— Доктор Павлыш в настоящее время не выпускает стенную газету, а в тысячный раз в завуалированной форме объясняется в любви Снежине Пановой. Вы можете это проверить, соединившись с ее каютой по внутренней связи. Но соединяться не советую. Павлыш очень сильный и вспыльчивый человек.

— О да, я знаю, — сказал искренне патриций. — Он же разгромил отряд Бессмертного. Это войдет в историю. Я ее пишу.

— Не забудьте про меня, я тоже громил отряд Бессмертного, в основном в качестве наблюдателя.

— Ни одно имя по будет забыто, — заверил его патриций.

— Кстати, был тут один, писал историю…

— Вы не знаете, где первая часть мемуаров Ранмакана? Они представляют историческую ценность.

— У Кудараускаса.

— Не могу я согласиться, до сих пор не согласна, — вмешалась в разговор тетя Миля. — Ну поче-

му его не оживили? Я понимаю, Бессмертный, генерал…

— А чем Ранмакан лучше их?

— Слабый он был человек, неуверенный. А так в нем и хорошее было.

— А я тоже голосовал за то, чтобы не оживлять Ранмакана, — сказал патриций. — Я понимаю, это жестоко — убивать людей. Вернее, лишать их права на жизнь, даже если они это право потеряли, умерев. То есть умерли и этим лишились… Другими словами, после насильственной смерти, вызванной…

Патриций замолчал, стараясь привести в порядок мысли.

— Понятно, чего уж там, — сказал Малыш. — Я с вами согласен. Ранмакан — не Феникс. То — птица благородная.

— Феникс?

— Мифологическая птица. Она возрождается в огне.

— Да-да. Она возрождается. И Ранмакана мы бы возродили. И этим предали бы память о профессоре Кори и о механике Антипине. Ведь смерть для них окончательна. Ни одной клетки, ни одной капли крови от них не осталось. Они тоже могли бы купить себе жизнь.

— Ваше дело, — сказала тетя Миля. — Но, по-моему, каждого человека перевоспитать можно.

— Это на планете корон можно, — не согласился Малыш. — И у нас, на Земле, скоро можно будет. Здесь еще нельзя. Здесь людям еще хочется найти себе хозяина, здесь еще слишком много значит понятие силы, — прошлое так близко, что, впусти его палец в щель, оно войдет и усядется посреди комнаты. А рядом с силой присядет и предательство — слабость, которая ради того, чтобы примазаться к силе, готова топтать ногами еще более слабых. Ранмаканы опаснее генералов. Генералы видны издали — они откровенны. Ты сразу знаешь, что от него ждать, а Ранмакан играл со мной в шашки и в нарды. И заведовал мастерской. И был один из нас… Что-то я разговорился.

— Ну, собирайтесь, молодые люди, — сказала тетя Миля. — Сейчас объявят о готовности. Большой прыжок.

— Всем членам экипажа. Начинается первый разгон, — сказал капитан Загребин по внутренней связи. — Разгон начнется через сорок четыре минуты. Перегрузки — три-четыре «ж». Пассажиров просят занять амортизационные ванны. После окончания разгона — ужин. В кают-компании начнется розыгрыш первенства «Сегежи»

по шахматам.

Динамик щелкнул и отключился.

Приложение
АЛЬМАНАХ «УДИВИТЕЛЬНЫЙ КОСМОС»

1

Космический корабль «Сегежа» Г/П 304089 возвращался домой. Три дня, как он вышел из большого прыжка, перешел на крейсерскую скорость и теперь приближался к Солнечной системе. Еще несколько дней — и база Земля-14.

Когда корабль подходит к дому, время на нем меняет свой ход. Начинает казаться, что часы ленятся, что им надоело двигать стрелками, что они рады бы совсем остановиться. Даже роботы — что уж говорить о людях! — поглядывают на часы с недоверием. Зачем им нужно оттягивать чудесный момент приземления, минуту, когда можно подойти к открытому люку без скафандра, без шлема и вдохнуть свежий, душистый, неповторимый воздух Земли?

Капитан Загребин стоял в кают-компании перед картиной, изображающей горное озеро, сосны, подступившие к нему, и снежные пики на заднем плане. Капитан курил и думал. Потом посмотрел в дальний конец кают-компании, где

на полукруглом диванчике сидели вполоборота друг к другу доктор Павлыш и штурман Бауэр, играли в шахматы. Практикант Христо Райков уместился на свободном краешке дивана, за спиной Павлыша, читал потрепанный журнал.

Из буфетной вкатился робот Гришка в белом передничке, принялся греметь чашками, собирая на стол к чаю. В открытую дверь за ним пробрался ванильный запах кекса, — тетя Миля в последние дни закармливала экипаж пирогами и тортами.

Радист Цыганков заглянул в кают-компанию. Глаза его были тусклыми от тоски, от бесконечности немногочисленных дней, отделявших его от Земли.

— Скучно, Малыш? — спросил капитан.

— Скучно, — сознался Малыш. — Даже сам не понимаю.

— Ничего, — сказал Павлыш, отвлекаясь от игры. — Еще неделя, и мы дома.

— Чем бы мне вас отвлечь? — спросил капитан. — Эта болезнь, лихорадка возвращения, обычно лечится авралами и прочими энергичными действиями… Правда, доктор?

— Правда, но бесчеловечно, — сказал Павлыш. — Можно найти другой способ. Более интеллектуальный.

— Предлагайте.

— Ну, творчество…

— Кружок рисования? Драматическая студия?

— Примерно так, — сказал Павлыш. — Сдаюсь я, Глеб. Мне через два хода мат.

Капитан вышел в коридор. Павлыш догнал его.

— А в самом деле, — спросил он, — Геннадий Сергеевич, может, займемся творчеством?

— Ты что имеешь в виду?

— Выпустим журнал.

— Проводи меня до мостика, по дороге расскажешь.

— Мне эта идея пришла в голову, когда я вашу очередную историю слушал, — сказал Павлыш. — Каждый из нас знает их множество, с каждым что-то да происходило. И все это — назовем это фольклором, даже эпосом — пропадает втуне. Иногда только какой-нибудь журналист запишет рассказ, переработает до неузнаваемости. А пора нам самим восполнить белое пятно в литературе.

Говоря, Павлыш все более воодушевлялся, разогревался созревающей на ходу идеей. Его голубые глаза метали творческие молнии.

— Это будет альманах удивительных историй…

— Правдивых? — спросил капитан.
— Обязательно!
Павлыш подумал и внес поправку:
— Большей частью правдивых.

2

За чаем Павлыш заручился поддержкой большинства экипажа. Лишь Баков и Снежина Панова отказались участвовать в альманахе, сославшись на отсутствие литературных способностей.

Павлыш возмущался.

— Среди нас нет писателей, — уверял он. — Никто не умеет писать красиво. Совсем не в этом дело. Мы хотим сохранить для потомства фольклор в чистой его форме, без наслоений, которые обязательно внесут в него литераторы. И вообще подписываться необязательно.

— А я бы и не стал, — сказал Бауэр. — Кому какое дело до моего скромного имени?

— Правильно, — одобрил Павлыш. — Рукописи будете отдавать мне, я сам себя назначаю составителем альманаха, — это дело трудное, хлопотное, связанное с сохранением тайны псевдонима…

— Да и псевдонима не надо, — сказал Бауэр. — Пусть будет как на конкурсе: каждый подает

свой рассказ под девизом.

— Отлично.

— А не членам экипажа участвовать можно? — спросил вдруг молчавший до этого патриций с планеты Муна.

— По крайней мере, я в этом не сомневаюсь, — сказал корона Аро, представитель Галактического центра. — И буду первым, кто принесет рассказ уважаемому редактору литературного альманаха.

3

Однако первым рассказ принес не корона Аро. Тот еще переводил его, как в дверь к Павлышу постучали.

— Войдите, — сказал Павлыш, уже час корпевший над чистым листом бумаги, включавший в отчаянии диктофон и бросавший его при звуке собственного голоса.

Павлышу было трудно. Рассказ должен был быть достойным редактора и инициатора альманаха. Рассказ должен был быть таким, чтобы Снежина Панова поняла, что писал его именно Павлыш и писал для нее, ради нее.

— Войдите, — повторил Павлыш.

Вошел некто и сказал:

— Я уже принес.

— Списал, наверно, — сказал Павлыш.

— Мой рассказ. Под девизом, — сказал некто. — Только печальный.

— А я вот начать никак не могу, — пожаловался Павлыш. — Начало никак не придумаю. Первую строчку.

— Первая строчка — самое трудное, — сказал некто.

Некто ушел. Павлыш взглянул краем глаза, но читать не стал. Потом.

Вложил лист в машинку, напечатал решительно:

«КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

С утра на город горохом сыпался ветер. Он скатывался с плоской горы, сдергивал с деревьев серые сентябрьские листья, крутил сор вокруг памятника на вокзальной площади и мчал по моторельсу к матросской слободке. Там стояли приземистые, уверенные в себе, ничуть не изменившиеся за сто лет дома, сушились на веревках, как белье, таранки и зеленели клочки виноградников, распря-

мивших спину, когда с них сняли грозди мелких сладких ягод. До виноградников ветер не доставал. Он запутывался среди сложенных из дикого камня заборов.

Из-за этих заборов на берегу было тише. Полоса песка и мелких ракушек была густо населена и обжита: заштрихована узкими лодками, измарана пятнами сухих водорослей, изрыта норками крабов, испещрена треугольными следами уток.

Утки жили у воды. Они подбирали дохлых бычков и прозрачные шарики медузинок. Потом неторопливо спускались к мелким волнам и плыли, словно парусники, по синей воде.

Дальше, направо, берег загибался, и начиналась оббитая волнами бетонная набережная. Там был городок. Сезон кончился, и город более не прихорашивался и не улыбался северянам. На набережной соревновались орнитоптеристы, и крылья их шелестели, как прибой. Опавшие листья скапливались вокруг деревьев и засыпали дорожки на бульварах. Под грибками летних кафе сиротливо стояли столы, стулья были унесены уже в поме-

щение.

Ветер пахнул молодым вином. Он набирал этот аромат, пока крутил над городом. Вино давили почти в каждом доме слободы. Вино было кислым, некрепким, но на диво хмельным. Я был здесь в отпуске. Я очень устал…»

4

Павлыш почувствовал, что и в самом деле устал. И зашел в тупик. Теперь следовало перейти к сути дела, но как перейти, Павлыш еще не придумал. Пора было идти ужинать, но к ужину спускаться не хотелось — могло пропасть творческое настроение. Павлыш взял рассказ, принесенный ему, и решил прочесть.

Название рассказа было напечатано заглавными буквами:

«СИНЯЯ БОРОДА

Он разбудил ее на рассвете. За окнами висела непрозрачная синева, в которой утонули леса, поля, озера. Редкие огоньки дальнего городка с трудом продирались сквозь густую синь.

— Вставай, красавица, — сказал он ей. — Я хочу, чтобы тебе понравилось в моем доме.

Она отвела от него глаза. Иссиня-черная борода, занимавшая половину лица и лопатой ложившаяся на грудь, пугала ее.

— Смотри на меня, — приказал он. — Тебе все равно придется ко мне привыкнуть. Я тебе неприятен?

— Не знаю, — сказала она.

— Я буду добр к тебе, — сказал он. — Я не буду тебя обижать. Но ты должна во всем меня слушаться.

— Хорошо, — сказала она, не поднимая головы.

— Теперь иди, — сказал он. — Ты можешь делать что хочешь. Только прошу: не открывай дверцы под лестницей.

— Хорошо, — повторила она, мечтая об одном: чтобы он скорей ушел и оставил ее одну.

— Может быть, мне придется сегодня уехать, — сказал он. — Я вернусь к вечеру.

Она посмотрела ему вслед. Он медленно шел но коридору. Спина его, широкая и

сутулая, таила в себе непонятную угрозу.

Через несколько минут она услышала, как под окном раздались голоса. Она подошла к окну и увидела, что он прощается с одним из слуг. Он и в самом деле уезжал. Ей сразу стало легче. Необходимость подчиняться Синей Бороде угнетала ее, но она знала, что другого выхода у нее нет: он был теперь ее хозяином и помощи ждать неоткуда.

Все затихло в доме. Она открыла дверь и вышла из своей комнаты. Длинный коридор вел до самой лестницы. Она наугад толкнула дверь направо и увидела большую комнату, почти пустую, если не считать стола, кресла с высокой узорчатой спинкой и книжных шкафов у стен. Она подошла к книжным полкам. Названия книг ей ничего не говорили. Она перелистала одну из них и поставила на место. Потом она покинула библиотеку и дошла до лестницы. Она спустилась вниз и остановилась в нерешительности в высоком холле, пол которого был устлан необъятным ковром. Один из поварят, одетый в белый колпак и халат, вышел из кухни.

Она не обратила на него внимания. Она предпочитала не обращать внимания на слуг, потому что это значило бы, что она собирается навсегда оставаться в этом доме. Слуга прошел мимо и исчез.

Синяя Борода запрещал ей что-то делать. Что? Да, открывать маленькую дверь под лестницей. Где же она?

Вот и дверца. Она провела ладонью по прохладной плоскости и отдернула руку. Она вспомнила, какие глаза были у Синей Бороды, когда он велел ей слушаться его во всем.

Какая загадка скрывалась за этой обыденной и невзрачной дверью?

Ощущение тайны, не покидавшее ее с утра, тайны, которой, казалось, был пропитан воздух этого дома, тяготило и тревожило. И если бы не страх перед Синей Бородой…

Она с минуту постояла перед дверцей, прислушиваясь. Когда неподалеку прошел слуга, она прижалась к стене, стараясь слиться с ней, стать незаметной. Слуги могли донести Синей Бороде. Шаги стихли. Рука сама поднялась к ручке две-

ри и нажала на нее. «Я только чуть-чуть приоткрою ее, — успокаивала она себя. — Только самую-самую малость. Я не буду заходить внутрь».

Она толкнула дверь и зажмурилась.

Так она простояла еще несколько секунд. Она знала, чувствовала, что дверь уже распахнута и надо только открыть глаза, чтобы разгадать тайну дома. «Ну, — уговаривала она себя, — открой глаза. Что сделано, то сделано».

И она открыла глаза.

Она ожидала увидеть что угодно, по только не то, что предстало ее взору.

В небольшой полутемной комнате лежали шесть таких же, как она. Некоторые из них были без голов. И все были мертвы. Она с ужасом осознала, что она не первая и, может быть, не последняя обитательница этого дома и судьба ее предшественниц уготована и для нее.

Опа вскрикнула и, не закрыв двери, бросилась к лестнице, не заметив, что слуга в белом колпаке все видел.

Она бежала по коридору не помня себя. Ей хотелось спрятаться, скрыться, убе-

жать… Но куда? В лес?

Она повернула обратно и понеслась к выходу из дома, к саду.

И на пороге столкнулась с Синей Бородой.

— Ты была там? — спросил он, и голос его был скорее печален, чем зол. — Ты все видела?

— Они… они… ты убил их? — всхлипывала она. — Ты убьешь и меня!

— К сожалению, ты права, — ответил он тихо. — У меня нет другого выбора.

…Вечером, демонтировав очередную модель, Роберт Кямилев, по прозвищу Синяя Борода, начальник центральной лаборатории биороботов, сидел в столовой и нехотя пил восьмую чашку крепчайшего чая.

— Опять неудача? — спросила Геля.

— Как только они получают свободу воли, тотчас же выходят из повиновения, — пожаловался ей Роберт, сокрушенно выщипывая волоски из черной бороды. — Система теряет надежность. Любопытство оказывается сильнее комплекса повиновения.

— Бедняга, опять месяц работы впустую!

— Почему впустую? Завтра принимаюсь за новую модель. Какая-то из жен Синей Бороды окажется достаточно дисциплинированной.

— А если сотая? — вздохнула Геля».

Под рассказом на месте подписи был девиз:

«Жестокость».

— Так, — сказал сам себе Павлыш. — Частично не лишено интереса.

Творческое настроение все равно прошло. Павлыш спустился в кают-компанию, где начался ужин.

5

— Редактор пришел, — неуважительно сказала Снежина, когда Павлыш появился в кают-компании. — Несут ли вам рассказы, романы и поэмы?

— Конечно, несут, — ответил Павлыш, разворачивая салфетку. — И неплохие вещи.

— Я к тебе зайду погодя, — сказал Малыш. — У меня не совсем рассказ. Я уже говорил.

— Видишь, Снежина, — сказал Павлыш. — Я бы на твоем месте сам сел за письменный стол.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Снежина.

Павлыш с трудом досидел до конца ужина, поспешил к себе в каюту. Ему вдруг почудилось, что вдохновение посетило его. Ему казалось, что сошедшая с небес муза шелестит белыми крыльями над самой головой. Он ворвался в каюту, бросился к машинке, быстро перечел уже написанное, зачеркнул последнюю фразу: «Я был здесь в отпуске; я очень устал».

И муза пропала. Растворилась в кондиционированном воздухе. Только что была рядом, а пропала. Павлыш подождал ее возвращения, не дождался и без ее помощи написал снова:

«Я был там в отпуске...»

И тут Муза взмахнула крылом.

«...Я искал место, где было бы тихо, свежо и безлюдно. Поэтому и поселился на две недели в этом городке, в опустевшем пансионате.

Большая часть комнат была заперта, а еще через месяц пансионат закрывался.

Соседи мои по пансионату были все случайные люди. Я встречался с ними в пустом кафе, которое оживало, лишь когда орнитоптеристы прибегали обедать, шумно складывали в углу разноцветные крылья и громко спорили, употребляя слишком много специальных терминов. Я садился за голубой столик поближе к бульвару, раскланивался с Виктором, агрономом-подводником, жена которого лечилась за городом, в санатории, усатым гуцулом, инженером из Львова, для института которого местный завод изготовлял какой-то сверхсложный прибор, и Шарлем, поэтом из Брюсселя. Он уверял как-то меня, что у него дома ремонт, а он не выносит ремонтов. Потом была Нина. Ей сказала приятельница, что здесь в октябре бархатный сезон. Приятельница, очевидно, спутала этот городок с каким-то местом на Кавказе. За разочарованием первого дня, когда Нина чуть было не уехала южнее, пришло спокойствие и ощущение самого настоящего, чуть тягучего и томительного отдыха. И Нина осталась.

Постоянный ветер и холодное солнце, черные лодки у моря, запах молодого вина, случайность, непостоянство нашей жизни здесь, обеды в уютном кафе, орнитоптеристы, жухлые листья на бульварных дорожках, белые утки в море — все это вызвало приятное, щемящее чувство ожидания чего-то, письма ли, встречи…»

Закончив страничку и вытащив ее из машинки, Павлыш опечалился. Обнаружилось, что он так и не дошел до сути дела. Двенадцатый час. Лучше встать завтра пораньше. Голова уже плохо работает.

Павлыш разделся, принял душ и потушил свет. Но не спалось. Рождающийся рассказ нарушил обычное течение мыслей, беспокоил, оживал, и казалось уже, что ветер, дувший в нем, врывается в тишину каюты…

6

Ручка двери медленно повернулась. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров. Затем в щели показалась стопка листов бумаги. Листы

спустились по щели вниз на пол. Дверь так же беззвучно закрылась.

— Чертовщина какая-то, — сказал Павлыш, зажег свет, прошлепал босиком к двери и поднял листы.

Это был очередной рассказ, автор которого пожелал остаться неизвестным.

Спать все равно не хотелось, и Павлыш решил прочесть таинственным образом подкинутый рассказ.

«АЛЕНА И ИВАН

Иван прислонился к плоской стене оврага и закрыл глаза.

— Ты чего? — спросила Алена.

— Не могу больше. Минутку передохну.

— Нам надо успеть до сумерек, — сказала Алена.

— Знаю, но, если я помру на полпути, тебе легче не будет.

— Не говори глупостей, — сказала Алена. — Здесь не жарче, чем в Сахаре.

— Никогда не был в Сахаре, — ответил Иван. — Но читал, что днем там все живое прячется в тень. Или зарывается в песок.

— Здесь песка нет, — сказала Алена.

— На этой планете вообще ничего нет. Только скалы и чудища. Интересно: чем они питаются?

— Пойдем, — сказала Алена. — Скоро у тебя откроется второе дыхание.

— Восьмое, — поправил ее Иван. — У тебя вода осталась?

— Нет, ты же знаешь.

— Персидский царь, спасаясь от Александра Македонского, напился из грязной лужи и признался, что чище и вкуснее напитка ему не приходилось пробовать.

— Если бы мы были на Земле, я и сама напилась бы из лужи, — сказала Алена. — Потерпи. Километров через пять будет родник.

Минут десять они брели молча. Впереди показалась куща колючих серых кустов.

— Не смотри в ту сторону, — предупредила Алена.

— Там вода, — прохрипел Иван. — Там вода!

— Ее нельзя пить, — сказала Алена. — Видишь рядом скалозубов?

— Они безвредны.

— Это их водопой.

Похожие на бурдюки с водой, сизые многорогие животные ростом с корову медленно поводили головами, разглядывая путников.

— Ты боишься, что со мной что-нибудь случится?

— Не что-нибудь, а то же, что случилось с экспедиционной собакой.

— Мне рассказывали.

— А я сама видела, как Шарик превратился в одно из этих чудищ.

— Уж очень похоже на сказку.

— Может быть. Доктор Фукс вскрыл его потом. Даже внутренние органы переродились.

— Как он это объяснил?

Алена пожала плечами. Ничего не ответила.

Они миновали водоем, и Иван оглянулся, будто сырая вода прудика звала его вернуться.

— Доктор Фукс предложил интересную гипотезу, — сказала Алена. — Местные виды фауны однополы. Обычно они никогда не отходят далеко от своего водоема.

Как только одно из животных умирает — от старости ли, от болезни, — другой скалозуб подходит к водоему, напивается этой жидкости (на базе есть фильм; дойдешь — посмотрим) и тут же разделяется на две особи.

— И какой вывод?

— Фукс предположил, что водоем — хранитель наследственности стада. В нем не вода, хотя по составу жидкость и близка к воде, а слабый раствор фермента, несущего в себе цепочки наследственных молекул.

— И много таких водоемов? — спросил Иван.

— Мы пока нашли шесть. У каждого пасется свое стадо.

— А сказке про собаку ты веришь?

— Верю, сама видела. Ты знаешь, на планете ни лесов, ни больших озер, ни рек. И в ходе эволюции водоем выработал способность не только поддерживать свой вид, но и влиять на другие живые организмы. Если одна из этих коров доберется до соседнего, чужого водоема и напьется из него, она превратится в жи-

теля того водоема. Понятно?

— Мне одно понятно: я согласен стать коровой, только бы не умереть от жажды.

— До базы еще два часа ходу. Неужели не дотянешь? Я думала, космонавты крепче духом.

Но Ивана укор не смутил. Металлические подошвы равномерно цокали по раскаленным камням, и оба солнца планеты безжалостно жгли сквозь скафандр. Здесь не было теней. Одно солнце светило прямо с зенита, второе катилось вдоль горизонта, не собираясь заходить, и за час успевало трижды обернуться по раскаленному небу.

Снова скала, и у нее — водоем, окруженный стаей нежащихся на солнцепеке рыжих одров, отдаленно напоминающих лошадей, доведенных до крайнего истощения.

— Аленушка, — взмолился Иван. — Я должен напиться! Я обязательно должен напиться!

— Не говори глупостей! Идем. Я все тебе объяснила.

— Я тебе не верю, — сказал Иван с неожиданным озлоблением. — И твоему доктору Фуксу.

Аленушка не ответила. Она продолжала идти вперед, маленькая, тонкая, прокаленная насквозь жаром этой планеты, старожил из первой экспедиции, встречающий на планете четвертый месяц.

...Иван увидел ее впервые вчера вечером. Командир корабля «Смерч» вызвал его на мостик и сказал:

— Возьмешь почтовый планер и спустишься с Аленой Сергеевной на базу. Продовольствие и приборы отвез Данилов. Тебе останется только взять письма. И вот еще: лекарства. Алена Сергеевна специально поднималась за ними на орбиту.

Планер сделал вынужденную посадку на плоском как будто плато, не долетая до базы полусотни километров. При посадке вдребезги разбилась рация. Но ящик с лекарствами уцелел. «Смерч» был высоко на орбите, и связаться с ним нельзя. Пришлось идти пешком. До рассвета, до того,

как на небо выскочили оба солнца, путь казался нетрудным. Теперь же…

Впереди показался еще один водоем. Третий по счету. Возле него никого не было.

— Все, — сказал Иван, скидывая рюкзак. — Я пью.

— Здесь тоже нельзя, — сказала Алена. — Животные пасутся за холмом. Я же знаю.

— И я знаю, — ответил Иван. — И я знаю, что ничего со мной не случится.

Он стал на колени и принялся пить теплую жидкость.

Алена пыталась оттащить его от воды, кричала что-то, плакала, но он не слышал — он пил, и пил, и пил…

Из-за бугра показалось стадо рогатых мохнатых животных. Они заверещали и заблеяли, увидев, как на глазах двуногий пришелец превращается в подобного им.

Иван вскочил, стараясь стряхнуть прилипшие капли, пытаясь выплюнуть слюну. Он хотел крикнуть, но вместо этого послышалось жалобное блеяние. И, не в силах держаться на ногах, Иван рухнул

на камни, ударившись с них копытами рук.

Стадо приблизилось к нему и остановилось. Животные, как всегда, были настроены вполне миролюбиво.

Алена не помнила, сколько она просидела на камне, захлебываясь от слез, от бессилия, от страха. Животное, недавно бывшее Иваном, жалось к ней, тыкалось носом в колени, будто упрашивало: «Помоги!» Скафандр обвис и болтался нелепо, словно какой-то шутник обрядил в него козленка.

Наконец Алена встала, соорудила из ремешка ошейник, взвалила на спину второй рюкзак и поплелась дальше, к базе. Она не чувствовала больше ни иссушающей жары, ни жажды.

Через пятьсот метров ее встретила спасательная партия… На базе любят рассказывать о том, как после многочасовых поисков спасатели наткнулись в пустыне на Алену Сергеевну, заплаканную, изможденную. Она несла два рюкзака и волокла на ремешке уродливого козла в скафандре. Если вам придется

когда-нибудь побывать на этой базе, вам обязательно расскажут эту историю. А если вы выразите сомнение, то вас поведут на двор, где уныло бродит зеленый козел с пятью рогами. «Вот он, — будут уверять вас, — тот самый космонавт Иван, который не послушался Аленушку». Иван обязательно подойдет к вам, прислонится мордой к коленям. Он совсем ручной и очень привязан к людям.

Если вы начнете проявлять любопытство, даже ужасаться, вам сообщат, что доктор Фукс обещает со дня на день создать противоядие и вернуть Ивану человеческий облик.

Только лучше не ходить после этого к самому доктору Фуксу. Он страшно разозлится и скажет, что ему надоели эти глупые шутки, что это самый обыкновенный местный козел и что космонавт Иван благополучно улетел обратно на Землю.

Кто знает, может, доктору стыдно признаться, что ему до сих пор не удалось изобрести противоядие…»

7

Павлыш заснул, как только прочел последнюю фразу рассказа, и всю ночь его преследовала жажда и опасение превратиться в козла. «Нет, — говорил он во сне улыбающейся тете Миле, — не буду я пить вашего лимонада. Превращусь в лимон, придется качаться на ветке. Тогда с космосом, сами понимаете, придется покончить».

Просыпаясь утром, Павлыш пытался изгнать противоестественное ощущение опасности, но еще несколько минут, пока снизу не прозвучал гонг на завтрак, он не мог заставить себя протянуть руку к столику и достать стакан с водой.

— Чепуха какая-то, — сказал он вслух, сев на койке. — Я же эту сказку читал в детстве. Даже имена совпадают. Потом подумал, что в использовании космонавтами бродячих фольклорных сюжетов есть своя положительная сторона: значит, космический фольклор становится в один ряд с фольклорами настоящими.

— В журнал поступило уже два полноценных произведения, — сказал Павлыш за завтраком. — Для начала неплохо. Особенно если учесть, что в распоряжении авторов был лишь вечер.

Больше к разговору об альманахе не возвращались. Утро «Сегежи» было наполнено делами: проверкой двигателей и аппаратуры перед торможением, подготовкой отчетов, приведением корабля в порядок. Лещук с Кудараускасом выбрались наружу, осматривали корпус, заменили одну из антенн. Капитан и Бауэр рассчитывали орбиты обнаруженных вчера метеоритных потоков. Христо Райков осваивал навигацию — через две недели у него экзамены.

Павлыш также отвлекся от альманаха: готовы были культуры бактерий, обнаруженных на Муне, и вместе с Аро доктор часа два провел над микроскопами.

Вернувшись в каюту, Павлыш обнаружил на столе еще одну рукопись. Кем она была написана и принесена, догадаться не удалось: шрифты машинок одинаковы.

Павлыш положил рукопись на потолстевшую стопку и уселся сам за машинку. Надо было закончить собственный рассказ.

«Мы сидели с Ниной, врачом, —

написал он, —

на самом конце шаткого мостика, к

которому пристают прогулочные катера. Нина куталась в синий плащ. Начинало смеркаться. Мы ждали, когда придет инженер, обещавший взять на заводе аэрокар. Мы договорились слетать в Сухуми, поужинать. Инженер запаздывал.

— На Муне есть моря? — спросила Нина.

— Да, такие же. Только мертвые. Без уток.

— И волны такие же?

— Нет, волны больше. Значительно больше. Там всегда дуют ветры.

— Там очень печально.

Она не спрашивала. Она была уверена, что там очень печально. Я много рассказывал ей о Муне, о погибшем городе Манве, о плесени на холмах, о гулких коридорах подземелья Вапраса.

— Сейчас под куполом уже живут люди. Может быть их сотни. А года через три мы полетим туда снова. Ты тоже можешь полететь. Там нужны врачи. Я слышал, что сфериды отправили на Муну мощные дезактиваторы. Через два-три года там можно будет гулять где хочешь…

Нина зябко куталась в плащ. Мелкие волны суетливо толклись о сваи...»

— Простите, — сказал голос от двери. — Я вам не помешал?

— Нет, — сказал Павлыш. — Заходите.

В дверях стоял патриций с Муны. Рукопись в его четырехпалой руке была свернута в трубочку.

— Садитесь, — сказал Павлыш, кляня редакторскую судьбу. — Вы тоже решили участвовать в альманахе?

— Это придаст альманаху космический характер. Представители трех цивилизаций и так далее.

Патриций все еще пользовался лингвистом. Он привык к черной коробочке, непринужденно крутил ее в пальцах. Но сейчас пальцы двигались быстрее, чем обычно.

— Очевидно, тематика моего рассказа несколько отличается от того, к чему вы привыкли и что вы ожидаете от авторов. У вас мир упорядоченный, светлый, а я... вы же знаете, откуда я. Так что, возможно, вы, прочтя, откажетесь поместить... по настроению.

— Мы никого не ограничиваем, — сказал Павлыш. — Странно было бы, если вы принесли рассказ из жизни земного космического флота.

Просто странно.

— Странно, — согласился патриций. — Тогда я вам прочту.

— О нет, не стоит, я сам.

— Нет, я не выдержу напряжения, — сказал патриций. — Я не смогу ждать. Я буду ходить по коридору и всем мешать. Он короткий. Про животных.

— Про каких животных? — удивился Павлыш.

— Про наших животных. Мунских. Только вы их не знаете. Перевел рассказ на русский и всех заменил.

— Как — заменили?

— Заменил животных на других. На земных животных.

— Зачем?

— Чтобы понятно было. Наша фауна кое в чем схожа с землей. Я уже знаю. И если я писал про траканса, то перевел его как «медведь». Он тоже большой и ходит на задних лапах.

— Но медведь обычно не ходит на задних лапах.

— Да? А механик Кира сказала, что медведь ходит на задних лапах и ходит на чем угодно. Она торопилась и не могла уделить мне большего времени.

«Все ясно, — подумал Павлыш. — Он ее насмерть заговорил, и Кирочка согласна была на все, лишь бы он оставил ее в покое. Он сейчас и меня заговорит».

— Читайте, — сказал Павлыш.

— Я не буду читать, — сказал патриций. — Я буду рассказывать. А вы будете следить по тексту.

— Хорошо, — сказал Павлыш. Отступать было некуда.

— Теперь, — патриций немного успокоился, уселся поудобнее, — я должен сделать небольшое предисловие, касающееся некоторых проблем нашей планеты. Например, отраженной в рассказе проблемы перенаселения.

— Я знаю об этой проблеме.

— Да? — Патриций был разочарован. — Тогда я расскажу вам о заповедниках, которые были на Муне. Они отличались от земных заповедников. Они представляли собой скорее питомники и по площади были невелики…

Павлыш взглянул на часы. Стрелки ощутимо двигались по кругу, и Павлыш почти физически ощущал, как утекает время. «Ужасен труд редактора», — думал он. А патриций тем временем бубнил:

— Там процветала коррупция… за большие

взятки… шкуры некоторых становились объектом… патрициям невыгодно было… прихоти моды… Кстати, я должен поведать вам одну историю, имевшую место в Манве…

В любой другой ситуации Павлыш с интересом слушал бы патриция. Тот был самым разговорчивым из жителей Муны. Но сейчас Павлыш был не только исследователем и космонавтом. В первую очередь, он был писателем, и неоконченный рассказ звал его вернуться, требовал внимания…

— Вы меня не слушаете? — спросил патриций.

— Нет, как же, — возразил Павлыш. — «Лукун из Манве купил место во второй касте за три шкуры бара…»

— Барасгера.

— «За три шкуры барасгера, украденные в заповеднике».

— Вот-вот. И я в своем рассказе отразил тенденцию…

— В общем, все ясно. Давайте перейдем к делу, — сказал Павлыш. — А то мы не успеем прочитать до обеда.

— Правильно, — сказал патриций.

Павлыш отнял у него листки с рассказом, и патрицию ничего не оставалось, как начать повествование.

— Названия я еще не придумал. Я потом придумаю. Рассказ начинается так:

> «Они собрались в холмах за Лигоном. Их было немного: старый и очень хитрый медведь, два оленя, горный козел, восемнадцать зайцев, три лисы и один волчонок. Потом подбежали белки и два сурка…»

— Погодите, — сказал Павлыш. — Может, в самом деле лучше вернуться к действительности. А то получается нелепо: Лигон — и восемнадцать зайцев. Давайте сделаем, как было вначале: «Старый и очень хитрый траканс…»

— Они же сразу угадают! — воскликнул патриций. — Ну кто, кроме меня, может написать про траканса? Лучше я возьму рассказ обратно. Сами же говорили, что можно писать под девизом…

— Да, — согласился Павлыш. — Ну ладно. Продолжайте.

> — «…Потом подбежали белки и два сурка.
>
> «Все?» — спросил медведь.
>
> «Я еще видел косулю. Но она совсем больная», — сказал заяц…»

— И у вас все звери разговаривают? — спросил Павлыш.

— Это же не реальный рассказ. Это же аллегория, — сказал патриций. — Очень распространенный вид мунской литературы. Еще два столетия назад великий Кыс из Пронеги написал аллегорию о сумсах. Там сумсы говорили.

— Хорошо, — сказал Павлыш. — Продолжайте.

— «Я думаю, объяснений не требуется, — сказал медведь. — Положение всем ясно. Если мы не сможем добраться до заповедника, на Муне не останется ни одного дикого зверя. Вчера начали рубку последнего большого леса. Не секрет, что волку приходится скрываться среди собак, а зайцы прячутся в подвалах. Мы проиграли многовековое сражение. Мы почти уничтожены. Кто знает дорогу в заповедник?»

«Я знаю, — сказал олень. — Я пытался туда пробраться тайком, но меня остановил забор».

«Далеко отсюда?»

«К утру будем».

«Тогда в путь, — сказал медведь. —

Ждать нельзя».

Животные затрусили по обочине пустынного шоссе. По дороге к ним присоединилась цапля. Она летела чуть впереди, проверяла, нет ли опасности. У самого заповедника в колонну влились две мыши-полевки.

Впереди был забор. Белая надпись: «Заповедник».

Медведь носом нажал на кнопку звонка.

Звери волновались. Как их примут?

Заспанный человек подошел к двери. Удивился, увидев в тумане зверей.

«Мы в заповедник, — сказал за всех медведь. — Нам уже нечего есть. Мы устали прятаться. Если вы нас не укроете, через неделю на Муне не останется ни одного дикого зверя».

«Заходите, — сказал человек. — Нет, не к кормушке. Сначала в изолятор».

Звери послушно прошли в большое желтое здание. Когда дверь за ними была закрыта и заперта на засов, человек побежал к домику, где его помощник сидел за столом и ел кашу.

«Грулад! — крикнул человек с порога. — Нам повезло!»

«Что случилось? Ты достал пищу для нашего козла? Или придумал, чем накормить львенка? Или знаешь, что мы скажем ревизии в конце месяца?»

«Ты настоящий ученый, Грулад, — сказал человек. — Ты даже не догадываешься, как нам повезло. Множество зверей добровольно пришло в заповедник. Даже один медведь. Мы теперь спасем от голода львенка и сами будем два месяца сыты. Звери просят убежища».

«А где они сейчас?» — спросил в волнении Грулад, опрокинув блюдце с кашей.

«Я их загнал в изолятор».

«Великолепно!»

Они стояли перед дверью в изолятор. Вдруг Грулад сказал:

«Жалко только, что они — последние звери на Муне. И они нам доверились. Больше зверей не будет».

«Но ты забыл, что мы два месяца будем есть настоящее мясо? И не один ревизор нас не уличит. Мы даже откормим львенка. Он будет жив к следующей ревизии».

И, рассеяв таким образом последние колебания, они вошли в изолятор, где их с надеждой ожидали звери, и перебили их из автоматов».

— И это все? — спросил Павлыш.

— Да. А что же еще? Только девиз: «Люби слабого». Это иронический девиз.

— Раз уж у вас земные медведи, то можно взять соответствующее библейское выражение, — сказал Павлыш. — «Люби ближнего своего».

— Правильно.

Патриций записал девиз.

— И еще замечание. Я на вашем месте вернул бы мунские названия зверей. Все равно понятно, что действие происходит у вас: и имена и названия.

— А если все имена поменять на земные?

— На Земле же этого не может быть. Получится ненастоящая аллегория. Ложная.

— Ладно, — сказал патриций. — Согласен. А в остальном пойдет?

— Пойдет, — сказал Павлыш. — Хоть рассказ и в самом деле печальный.

8

До обеда оставалось совсем мало времени. К своему рассказу возвращаться уже не было смысла. Павлыш вспомнил, что у него есть еще одна непрочитанная рукопись — та, что обнаружилась днем на столике. Он ее и прочел.

«ВСТРЕЧА С АБОРИГЕНАМИ

Найти цивилизацию нелегко. Проходят десятилетия, прежде чем разведдиск сообщит: там-то и там-то обнаружены следы жизни. И даже в таком случае в девяноста девяти процентах оказывается, что до создания разумной жизни на этой планете очень далеко.

Но мы ищем. Мы видим в этом наш долг, нашу миссию. Нам удалось ранее других выйти в космос. Мы обязаны найти и помочь тем, кто этого еще не сделал.

Мало кто даже в Галактическом центре может похвастаться тем, что присутствовал при первой встрече с другим разумом.

С такими встречами связаны различ-

ные интересные истории и казусы. Об одном из них рассказывал мне отец, который был известным путешественником.

Планета, на которую попал корабль отца, была покрыта пышной, богатой растительностью. Страшные чудовища бродили в чащах планеты, ящеры и змеи, огромные, но начисто лишенные разума, населяли ее водоемы и реки. Исследовать планету, нанести ее на карту оказалось крайне трудным делом.

Однажды мой отец и его спутник, по имени корона Егг, ехали на вездеходе по лесу. Тяжелые мягкие ветви стегали по иллюминаторам вездехода, листья прилипали к стеклам. Лучи солнца пробивались сквозь густую тень.

Внезапно они заметили тропинку, протоптанную в чаще. Это могла быть звериная тропа, но тем не менее они повернули вездеход вдоль нее. Через несколько сот метров машина затормозила. На мягкой земле отчетливо отпечатался громадный след вмятин от когтей. Мой отец высказал предположение, что недавно по тропе прошел дракон, — эти крупные

звери были очень опасны, и лишь прямое попадание из ручного оружия могло их уничтожить. Драконов члены экспедиции недолюбливали: один из них напал на ботаников, другой, безмозглая тварь, разломал метеоавтомат.

Следы привели в лощину, поросшую колючими кустами. Словно гейзеры, вылезали из кустов деревья. Мой отец сказал, что в свое время, когда разумные существа зародились на нашей планете, им приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с такими хищниками. Корона Егг пошутил, что убежал бы, встретившись с этим чудовищем, несмотря на то что он во много раз превосходит дракона разумом.

Вездеход перевалил через речку и поднялся по склону противоположного берега. В скале путешественники заметили вход в пещеру, и мой отец высказал предположение, что через много столетий эту пещеру, может быть, выберут в качестве жилья разумные обитатели планеты. Корона Егг согласился с отцом, но тут же воскликнул:

— Смотрите, аборигены!

И тут они увидели аборигенов. Это были странные существа, ничуть не похожие на корон. У них было по две длинных ноги и по две пары верхних конечностей, так же весьма длинных. Головы их были похожи несколько на головы людей или обитателей Муны, однако жесткие волосы, растущие вверх, образовывали подобие гребня. Аборигены были обнажены, и лишь плохо выделанные шкуры прикрывали частично их тела.

Аборигены не заметили корон. Вездеход стоял, укрытый кустами, и стрекотание камер, включенных немедленно моим отцом, до них не долетало.

Мой отец негромко высказал опасение, не попались бы аборигены в лапы дракону, который бродит поблизости. Ведь у них практически нет никакого оружия.

Словно подслушав неосторожно сказанные слова моего отца, дракон выскочил из-за кустов справа и большими, легкими для такого чудовища прыжками бросился к аборигенам. Обе головы дракона раскачивались, будто не в силах были

удержаться на тонких шеях.

Корона Егг сделал единственное, что было в его силах. Он включил сирену, желая предупредить аборигенов. Ручное оружие на вездеходе не было готово к бою.

Аборигены слишком поздно увидели дракона. Они бросились бежать к купе деревьев, но очевидно было, что им не успеть к укрытию. Дракон их настигал.

Корона Егг выжал скорость, и вездеход, подпрыгнув, будто сам был драконом, помчался вниз по склону. Мой отец выпустил ракету из ручного оружия, но в спешке не мог должным образом прицелиться и выстрелом отрубил дракону хвост. Дракон с изумлением обернулся. И тут отец добил его второй ракетой.

Вездеход остановился возле запыхавшихся аборигенов. Корона Егг спрыгнул на траву и, чтобы показать миролюбие своих намерений, широко развел в стороны руки.

Аборигены и не думали убегать. Один из них подумал немного и также развел руками… Всеми четырьмя. Другой сказал

что-то на совершенно непонятном языке.

Корона Егг произнес отчетливо свое имя и указал на себя пальцем. Абориген также сказал что-то и ткнул пальцем себе в грудь. Мой отец с трудом удерживался от смеха. Зрелище и в самом деле было не лишено комизма. Корона Егг повторил, что его зовут Егг. Видно, мыслительные процессы в аборигенах были еще не развиты должным образом: абориген сказал то же самое слово, хотя оно далось ему с трудом. Получалось, что аборигена также зовут Егг.

Доходя до этого места, мой отец всегда смеялся. Комичность ситуации не сглаживалась со временем.

Корона Егг показал знаками, как он прицеливался в дракона, хотя в самом деле это делал мой отец. Затем он произнес звук, изображавший выстрел.

Абориген понял. Он кивнул головой, изобразил дрожь ужаса и сказал: «Егг», выражая этим свою признательность. После этого корона Егг показал на небо, давая этим понять, что он прибыл оттуда.

Наступила пауза. Затем абориген наклонился и ловким движением вырвал у дракона громадные клыки. Второй абориген проделал ту же операцию с другой головой дракона. Один из клыков аборигены предложили в подарок короне Егг, и тот с благодарностью принял этот дар.

Мой отец сказал короне Егг, что зубы дракона — знак победы над чудовищем и эти первобытные охотники, вне всякого сомнения, припишут себе (в глазах одноплеменников) победу над страшным зверем.

Чтобы как-то продолжить беседу, мой отец присел на землю и сорванной веткой нарисовал на земле графическое выражение теоремы, которую у вас, на Земле, называют пифагоровой. Аборигены не выразили никакой радости при виде теоремы, отчего мой отец предположил, что геометрия им еще не знакома.

Наконец аборигенам надоело ждать. Один из них отнял у моего отца веточку и с ее помощью пририсовал к системе треугольников хвост и зубастую морду. Получился дракон. После этого абориге-

ны собрались уходить. И, несмотря на предложения путешественников подвезти их до деревни или пещеры, аборигены ушли.

Корона Егг и мой отец сочли неправильной попытку преследовать аборигенов и возвратились на корабль, чтобы рассказать о встрече товарищам и после совета с ними выработать программу розыска аборигенов и вступления с ними в контакт. Однако ни в этот день, ни в следующий, несмотря на очень тщательные поиски, аборигены обнаружены не были. Экспедиция буквально прочесала всю планету, но безрезультатно. Не только аборигенов — даже никаких следов разумной жизни не нашлось.

Пришлось покинуть планету ни с чем. И загадка осталась бы нераскрытой, если бы через некоторое время после возвращения в столице нашей планеты не происходила бы большая межпланетная конференция по вопросам примитивных цивилизаций.

Мой отец присутствовал на этой конференции. И вот представьте себе изумле-

ние моего отца, когда один из делегатов системы планет, именуемой Сферидами, в своем докладе остановился на одном весьма любопытном и загадочном случае. Вот что он рассказал.

Некоторое время назад на одной из планет (далее следовали координаты, насторожившие моего отца) находилась группа с отдаленной системы, связанной со Сферидами. Эта группа выбрала заведомо необитаемую планету, чтобы снять фильм о происхождении разумной жизни. Фильм должен был быть приключенческим, игровым. Во время съемок два актера, одетые в шкуры, как и положено первобытным людям, углубились в чащу, надеясь найти местное чудовище, зубы которого — материал для изготовления модных сувениров. Но случилось так, что не они обнаружили чудовище, а чудовище обнаружило их и внезапно напало. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не неожиданное появление аборигенов планеты, убивших чудовище. В ходе беседы обнаружилось, что аборигены (сфотографировать их не удалось, а опи-

сание, сделанное неподготовленными для этой цели актерами, оказалось противоречивым и неопределенным) достигли некоторых успехов. Например, они были знакомы с началами геометрии. После этой встречи киногруппе пришлось срочно покинуть планету, ибо она имела разрешение работать лишь на необитаемых планетах, — контакты с вновь открытыми цивилизациями являются привилегией специалистов. Далее, как рассказал докладчик, произошло нечто таинственное. Через некоторое время после получения доклада киногруппы на планету вылетела специальная экспедиция. Экспедиция обыскала всю планету в поисках разумной жизни, однако ничего обнаружить не удалось. Таким образом антропологам всей Вселенной брошен вызов: разгадать очередную тайну космоса.

После окончания доклада перед удивленной аудиторией появился мой отец. Он скромно попросил слова и, давясь от смеха, сообщил о встрече с актерами.

Так тайна была разгадана. А не будь

моего отца среди делегатов, так и мучились бы антропологи. Так бы и кочевала из учебника в учебник курьезная ошибка, проистекающая от недостаточного знакомства представителей различных миров друг с другом».

Рассказ был подписан:

«Корона Аро».

Девиз:

«Не считай себя умнее других».

Павлыш вычеркнул подпись, оставил девиз. Хотя это и не играло роли. Вряд ли кто-нибудь на корабле не догадался бы, кто автор рассказа.

9

Павлышу удалось вернуться к своему рассказу лишь после обеда. Он написал на листе бумаги:

«Меня нет. Вернусь не раньше чем через двадцать минут» —

и повесил объявление на двери. Теперь никто

его не побеспокоит.

Пришлось перечитать написанное, кое-что уже забылось. Наконец Павлыш снова вернулся в свежую осень частично придуманного, а в чем-то существовавшего в памяти приморского городка.

«— Расскажи еще что-нибудь о Муне, — попросила меня Нина.

— Трудно. Забывается. Все забывается. Остаются какие-то детали, сцены, интересные только мне и, может, еще кому-то. Остальное переходит в книги, статьи, воспоминания, написанные другими, приобретает самостоятельную жизнь и становится чужим. Я помню почему-то ночную дорогу к «Сегеже», вспышки выстрелов из-за скал, чей-то крик… В очерках это звучит совсем иначе.

— Но ты сказал о ком-то другом, кому интересны твои воспоминания.

Я ответил не сразу. Я смотрел на море. Оно было синим, почти фиолетовым. По самому горизонту голубой стрелкой промелькнул рейсовый катер.

— Это девушка? — спросила Нина.

— Да, — ответил я. — Она болгарка. Ее зовут Снежиной. Она тоже была на корабле.

— Ты любил ее?

— Не знаю. Мы с ней как-то сидели на берегу моря. На Муне. Только там приходится сидеть в скафандрах высокой защиты. Это было за день до отлета. Нам было весело. Весело, оттого что мы вдвоем. Мы совершили преступление. Мы украли с корабля сигнальную капсулу. Это не очень страшное преступление, потому что это была не последняя капсула. Мы написали записку, дурацкую записку о том, что спасать нас не надо, что нам хорошо.

Потом включили двигатель, и капсула взлетела, накаляясь, превратилась в звездочку, пропала в тучах.

— Как бутылка в море, — сказала Нина.

— Ну да, мы так и думали. Мы тоже живем в море, только оно бесконечное. И капсула будет долго носиться по его волнам. А может быть, ее когда-нибудь прибьет к берегу — к незнакомой планете. А может быть, ее подберет проходящий

корабль.

— Смотри, инженер едет, — сказала Нина.

Аэрокар спустился на песок, разогнав любопытных крабов. Инженер махал нам рукой из люка, чтобы мы поторопились. Мы побежали по мосткам, и старые доски гнулись и скрипели от каждого шага.

Мы влезли в тесную кабину.

— На Сухуми? — спросил инженер. — Вы не раздумали?

— Как договаривались, — сказал я.

Говоря так, я вновь перенесся на Муну, снова увидел серое море, низкие рваные тучи, Снежину, стоящую рядом, и свирепые волны, кидавшиеся к ее ногам.

Аэрокар поднялся в воздух и развернулся на юг, к Кавказу.

— Смотрите, — сказала Нина. — Звезда падает.

Близко от нас, прочертив золотую дорожку на фоне потемневшего неба, упал метеорит.

— Вестник чужих миров, — сказала Нина.

На приборном щите вспыхнул огонек

монитора.

— Это не метеорит, — сказал инженер. — Это, наверно, спутник. Видите, сигнал.

— Подберем? — спросил я.

Инженер кивнул. Аэрокар пошел к месту падения тела.

— Ой! — сказала вдруг Нина. — А если это сигнальная капсула?

— Может быть, — равнодушно сказал инженер. — Только вряд ли. Их перехватывают на внешних планетах.

Нина смотрела на меня. И почему-то мне тоже захотелось поверить, что это сигнальная капсула, которая вернулась домой.

Нина была права. Сигнальная капсула покачивалась на волнах, и на крышке ее ритмично вспыхивал огонек. Капсула требовала, чтобы ее подобрали.

Аэрокар завис над самой водой. Я высунулся в люк и вытащил капсулу из воды. Она была тяжела и с трудом оторвалась от волн. Эта была точно такая же капсула, как та, которую мы запустили со Снежиной с Муны.

Положив капсулу на пол аэрокара, я по-

смотрел на Нину. Глаза ее были огромны, и в них сияло восхищение перед встречей с чудом, перед Необычайным. И это чувство, это волнение вдруг передалось мне.

— Ну что же вы ее не открываете? — спросила Нина.

— Зачем? — услышал ее вопрос инженер. — Мы ее отдадим в Сухуми на космопункт. Это их дело — вскрывать капсулы.

Нина смотрела на меня, ждала поддержки.

— Откроем, — сказал я. — Ничего не случится. Любопытно все-таки.

— Ты же знаешь, что этого делать нельзя, — сказал инженер. — Что у нее внутри? А если вирус попал? Чужой.

— Нет там никакого вируса, — сказала Нина. — Я знаю, что там.

— Что? — спросил инженер.

— Записка.

— Может быть, — согласился инженер. — Может, даже сигнал бедствия.

Нина не стала ждать. Она повернула крышку, положила ее рядом с капсулой.

— Как внутреннее отверстие открыть?

— спросила она.

— Вы все-таки решили? — спросил инженер. — Ну, как хотите.

Он не оборачивался, смотрел вперед, где из синевы на горизонте вылезали розовые вершины Кавказских гор.

— Да, — сказала Нина.

Я показал ей, на какую кнопку надо нажать. Почему-то я ощущал странную слабость. Я знал, что этого не может быть, и в то же время понимал: эта та самая капсула, которая догнала меня, вернула меня в прошлое, которое никуда не делось, которое рядом. И пусть Снежина забыла обо мне, пусть она сейчас за несколько тысяч километров от меня, — от прошлого никуда не денешься. Оно остается в тебе, как бы ты ни старался себя обмануть.

— Как жалко, — сказала Нина. — Капсула пустая.

— Нет, — сказал я. — Если в ней записка, то она находится в боковом отделении. Вот здесь.

И я достал записку.

Нина положила мне руку на плечо, будто успокаивая, будто приобщаясь к чуду.

— Дай погляжу, — сказал инженер.

Я ничего не ответил, пока не прочел записку сам.

— Смотри. Все ясно, — сказал я. — Ошиблись адресом. Это отчет о затмении Юпитера, — на поясе астероидов. Сигнальные капсулы — один из видов связи между лабораториями. Затмение прошло восемь месяцев назад.

Нина смотрела в окно, на белые полоски пены, исчеркавшие синюю воду. Аэрокар пошел на снижение, огни Сухуми притягивали его.

…Я сказал, что мне жарко, и вышел покурить на веранду. Вечер в ресторане был испорчен, и я тому виной. Инженер не понимал, в чем дело, подозревая, что мы поссорились с Ниной и не хотим сознаться. Я курил на веранде. Толстые шершавые виноградные листья покачивались у самых глаз. Только самый наивный дурак поверит, что капсула за три года может преодолеть расстояние в девяносто три световых года. Только последний дурак…

Я спустился на улицу, заказал аэро-

кар и, не попрощавшись со спутниками, поднялся в воздух. Я летел на восток, к Памирскому институту, где работала Снежина. Я понял, что эти три года я шел к ней. Три года и три часа. Три часа лету от Сухуми до Памира в маленьком аэрокаре».

Девиз:

«Память».

— Все, — сказал сам себе Павлыш. — Мы молодцы, хотя можно было бы написать лучше.

Павлыш улегся на койку с рассказом в руках. Прочел его, кое-где поправил. Теперь можно полностью отдаться редакторским обязанностям.

10

— Есть ли еще желающие сдать рукописи? — спросил Павлыш, заглядывая в кают-компанию.

— Неужели мало? — удивился Малыш. — Я думал, у тебя вся каюта завалена рукописями.

— Так и есть, — сказал Павлыш. — Но мы, авторы, можем потесниться.

— Знаешь что, — сказал Малыш. — Ты бы скорее

выпускал альманах в свет. А то начнется торможение, забудем о литературном творчестве.

— И то верно, — сказал Лещук. — Читать нечего.

— Ну хорошо, — сказал Павлыш. — Если что еще будет, заносите ко мне в каюту. А я пока схожу к Бакову.

Старпом был на мостике.

— Алексей Иванович, — сказал Павлыш, — мне нужно тысячу листов хорошей бумаги.

— И не надейся, — сказал Баков.

— Вы же знаете: для альманаха.

— Бумаги осталось две пачки, а она всем нужна. Подходим к Земле, все пишут. И отчеты и дневники.

— Я не спорю, — сказал Павлыш, — И отчеты и дневники. Но, во-первых, бумаги больше чем две пачки. В этом я не сомневаюсь. Вы были бы плохим хозяином корабля, если бумаги всего две пачки.

— Доктор Павлыш, — сказал Баков, — мы космический корабль, а не летающая канцелярия. Вместо чего вы предлагаете мне возить бумагу? Вместо ваших лекарств? Вместо запасных частей к Мозгу? Вместо зубных щеток?

— Ну, а пятьсот листов дадите? — спросил

Павлыш.

— Зачем так много?

— Экземпляров тридцать-сорок надо же сделать. Всем членам экипажа, на космодром, в крупнейшие библиотеки мира, в фольклорный институт, — надо, конечно, тысяч пять экземпляров, но я понимаю ваше положение и прошу всего пятьсот листов бумаги. Одну пачку. Одну.

— Нет, — сказал Баков. — И так уже два дня все бегают ко мне за этой бумагой.

Сошлись на трехстах листах. Павлыш и этого не ожидал. Еще листов пятьдесят он собрал по каютам. Притащил кипу листов к себе, взял на мостике копировалку. Приготовил все к работе.

И тут обнаружил, что стопка страниц, лежавшая на столике, за время его отсутствия несколько увеличилась. Прибавилось еще два рассказа. Пришлось их прочесть.

Первый рассказ назывался:

«ПОСОЛ НА ГОРОШИНЕ

Члены Верховного Труля планеты Локатейпан не были бы так подозрительны, если бы не бесконечные интриги жителей Колатейпана — планеты-близнеца. Обе планеты вращаются вокруг одного

солнца, по одной и той же орбите, с одной и той же скоростью. И на той и на другой колесо было изобретено в V веке до их эры и первый воздушный шар поднялся в воздух в 1644 году их эры. И те и другие вошли в контакт с Галактическим центром почти одновременно, то есть Локатейпан первым послал заявление, а Колатейпан первым получил ответ. В Галактике считают, что произошло это по той простой причине, что «К» в галактическом алфавите стоит перед «Л». Но на планетах-близнецах думают иначе. Колатейпанцы полагают, что Галактика таким образом признала их превосходство над Локатейпаном, а локатейпанцы уверены, что Колатейпан перехватил и задержал их заявление.

Невозможно перечислить все обиды, которые Колатейпан нанес Локатейпану, тем более что тогда пришлось бы перечислить все обиды, которые Локатейпан нанес Колатейпану. Сказанного достаточно, чтобы понять, почему Верховный Труль Локатейпана, узнав, что с Земли летит к ним посол, испугался, как бы со-

седи не перехватили посла и не оставили его у себя.

— Они могут пойти даже на подмену, — сказал Жул Ев, самый мудрый в Труле. — Они все могут.

— Но к ним ведь тоже летит посол с Земли, — сказал молодой оппозиционер-скептик.

— А разве мы отказались бы иметь у себя обоих? — резонно возразил Жул Ев.

И скептик был вынужден замолчать.

Несколько минут члены Верховного Труля молчали и думали. Потом решили: посла надо испугать. Вдруг это не посол с Земли, а заурядный колатейпанец?

— Где эксперт по земным обычаям? — спросил Жул Ев. — Позвать его.

Привели эксперта. Эксперт прочел все книжки, которые удалось купить или выменять на марки на пролетавших мимо галактических кораблях, и просмотрел все телепередачи, которые транслировались по четырнадцатой космической программе. Эксперт долго думал. Может быть, несколько дней — мы точно не знаем; наконец придумал.

— Есть на Земле древний обычай, — сказал он. — Я читал о нем в одной чрезвычайно редкой книге, изданной на аммиачной планете Сугре, но наверняка переведенной с земных языков.

— Какой обычай?

— Какой обычай? — заволновались члены Верховного Труля.

— Когда на Землю попадает неизвестный человек и они, люди, хотят узнать, принцесса ли он (я не знаю, что такое принцесса, но полагаю, что это признак принадлежности к людям), ему подкладывают под перину горошину.

— Ну и что?

— Если он — принцесса, то утром обязательно пожалуется, что плохо спал и весь покрыт синяками. Он почувствует горошину даже через десять перин.

— Замечательно, — сказали члены Труля. — Мы подложим ему горошину, а когда он пожалуется, извинимся и скажем, что не заметили, как она туда попала.

На этом бы совещание благополучно окончилось, если бы молодой скептик не спросил у уважаемого собрания:

— А что такое горошина?

Оказалось, даже эксперт не знает, что такое горошина.

Вызвали всех прочих экспертов, но они также не ведали, что такое горошина. Стали рассуждать логически: известно, что у жителей Земли более тонкая и чувствительная кожа, чем у локатейпанцев и колатейпанцев, — пожалуй, это единственное, что их отличает. Значит, надо подложить в кровать к послу такую вещь, которая совершенно не чувствительна для местного жителя, но осязаема для кожи дорогого гостя. Решив так, члены Верховного Труля провели небольшой эксперимент. Принесли десять кроватей и на каждую положили по десять перин. Под перину спрятали по предмету разной величины, формы и степени твердости. Вечером уложили на кровати по локатейпанцу, не сказав им о сущности эксперимента.

Утром в присутствии членов Труля и медицинской комиссии подопытных локатейпанцев допросили и осмотрели. Оказалось, что шестеро из них спали

спокойно и ничего не заметили, а четверо жаловались на неудобства и синяки. Один из непочувствовавших, однако, испытывал какое-то неосознанное неудобство. Он провел ночь на зерне местного растения, называемого в просторечье — «чертово семя». Выяснив это, члены Труля отнесли «чертово семя» в резиденцию посла и положили под десять перин.

Посол Земли Ольга Барышникова, подлетевшая в это время на попутной сирианской ракете к Локатейпану, ничего, разумеется, не знала.

Ракетодром был подметен и полит импортным одеколоном. Части национальной гвардии выстроились шпалерами от ракеты до здания космопорта. Играли оркестры народных инструментов, и дети, не успела Ольга спуститься по трапу, поднесли ей букеты местных цветов. Старейший из членов Верховного Труля, достопочтенный Жул Ев произнес небольшую, но прочувственную речь и пригласил Ольгу проследовать к ожидавшему ее автомобилю.

— Хорошо ли вы доехали? — спросил

Жул Ев Ольгу, когда машина выехала с космодрома и по праздничным улицам столицы поплыла к резиденции земного посла.

— Спасибо, путешествие было отличным, — ответила Ольга, раскланиваясь с горожанами.

— Мы надеемся, что вам у нас понравится, — сказал Жул Ев.

— Я тоже. Я тронута теплой встречей.

Она и в самом деле была тронута теплой встречей и, если бы не опасение нарушить какой-нибудь местный обычай, обидеть любезных хозяев, она вела бы себя менее сдержанно.

Жул Ев и сопровождающие его лица провели Ольгу по всем комнатам посольской резиденции и с особенной гордостью показали ей спальню — громадное помещение, облицованное мрамором, посреди которого возвышалась под альковом кровать, увенчанная грудой перин.

— Это слишком роскошно для меня, — сказала Ольга. — Я, честно говоря, не привыкла к такой роскоши.

И, сказав это, тут же поняла, что со-

вершила какую-то ошибку. Жул Ев переглянулся с другим стариком, и, как ей показалось, неодобрительно. И еще Ольга заметила, что молодой локатейпанец бочком-бочком продвигается к кровати, будто хочет залезть под перину.

Жул Ев зашипел на него и, чтобы загладить неловкость, представил его Ольге:

— Это представитель нашей оппозиции, известный скептик.

Молодой скептик Ольге понравился. Только смутили его слова, сказанные вполголоса:

— Я вам не завидую.

— Так пойдем дальше, — предложил Жул Ев. — Мы еще не осмотрели кухню и библиотеку.

Да, локатейпанцы были очень любезны, очень рады, что она прилетела к ним, и все-таки Ольга чувствовала какую-то недоговоренность, шепоток за спиной, взгляды, пролетающие рядом, жесты, не предназначенные для ее глаз.

У входа в библиотеку ожидал сухощавый локатейпанец в очках. Взгляд его был тяжел и настойчив.

— Наш эксперт по земным вопросам, — сказал о нем Жул Ев. — Не желаете ли с ним побеседовать?

— С удовольствием, — ответила Ольга. Она решила не отказывать ни в одной просьбе хозяев, хотя хотелось спать: ракета шла с перегрузками и Ольга устала.

— Сколько колонн у Большого театра? — резко спросил эксперт.

Вопрос был странным и, по крайней мере, неделикатным. Но Ольга почувствовала, что ее ответу локатейпанцы придают большое значение. А сколько колонн на самом деле? Никогда в жизни ей не приходилось задумываться над этим. Она постаралась представить себе Большой театр, коней на фронтоне, толпу, жаждущую лишнего билетика под колоннами, но сколько же их? Четыре? Нет, больше. Шесть? Семь? Наверняка четное число.

— Шесть, по-моему, — сказала она.

И по вытянувшимся лицам хозяев поняла, что совершила ошибку.

— Хотя я не помню точно, — добавила она, — может быть, и восемь. Как-то не

приходилось считать.

— Не обращайте внимания на нашего эксперта, — сказал Жул Ев. — Любознательность его когда-нибудь погубит. Ну кому какое дело, сколько колонн у Большого театра! А сейчас мы позволим себе откланяться. Вам следует отдохнуть.

И Ольга осталась одна. Ее не покидало ощущение, что за ней следят. Чем же она вызвала неудовольствие хозяев? Чем обидела их? Вроде нет. «Ну ладно. Высплюсь и тогда примусь за работу», — решила она.

Но и заснуть ей толком не удалось. Перины, которыми была завалена кровать, оказались податливыми, мягкими, даже слишком мягкими, и она с удовольствием выкинула бы по крайней мере половину перин, но в то же время что-то твердое впивалось в бок, будто спала на камнях.

Ольга слишком устала, чтобы подниматься и разыскивать причину неудобства. Она заставила себя заснуть.

Ночью ей снилось, что она попала в лавину на Кавказе и камни царапают ей тело.

Это была неприятная ночь. И когда Ольга проснулась, она чувствовала себя избитой, невыспавшейся. Она с трудом поднялась и обнаружила, что бока покрыты синяками. «Ну и жизнь у послов, — подумала она. — Надо будет вечером перетряхнуть перины и соорудить себе ложе по вкусу. Ведь придется здесь жить несколько месяцев…»

У двери в спальню ждали локатейпанцы.

— Как вы спали? — нестройным хором спросили они.

— Спасибо, хорошо, — взяла себя в руки Ольга.

— Вам ничего не мешало спать? — спросил сурово Жул Ев.

— Что вы! — Ольга улыбнулась самой дипломатической из известных ей улыбок. — Я очень благодарна вам за заботу. Я чувствовала себя как дома.

— Все ясно, — сказал голос из задних рядов.

Голос был недружелюбен.

Знакомый оппозиционер-скептик скорчил жалобную мину и старался передать

Ольге какой-то знак. Ольга ничего не поняла.

— У Большого театра восемь колонн, — сказал протиснувшийся в первый ряд эксперт. — А вот скажите нам: кто построил Тадж Махал?

— Что? — удивилась Ольга. — Тадж Махал?

— Не знает, — сказал Жул Ев.

— Не знает, — повторил мрачный голос из задних рядов. — Она такой же посол, как и я.

Толпа угрожающе надвигалась на Ольгу, и та в полной растерянности отступала к двери в спальню, проклиная свою неосмотрительность, проклиная неизвестную ей самой ошибку, которая ставит под угрозу добрые отношения между Землей и Локатейпаном.

— Выбросить ее с планеты!

— Самозванка!

— Колатейпанская шпионка!

— Верните нам земного посла!

— Остановитесь! — крикнул молодой оппозиционер. — Вы можете совершить непоправимое!

— Она не знает, сколько колонн у Большого театра! — возразил голос из толпы. — Ей даже чертово семя нипочем.

«Ну вот еще, чертова семени не хватало», — подумала Ольга. Она неосторожно прислонилась к косяку двери и сморщилась от боли.

— Что с вами? — крикнул, перекрывая шум сановников, молодой оппозиционер.

— Ничего особенного, — силилась улыбнуться Ольга, — Что-то попало под перину и искололо мне бока.

«Что я делаю! — подумала она, произнеся эти слова. — Теперь они окончательно возмутятся. Готовили мне резиденцию, готовили, а я вместо благодарности…»

— Покажите, — сказал Жул Ев.

— Что показать?

— Синяки.

— Как так? — удивилась Ольга.

— Покажите им! — кричал молодой оппозиционер. — Не стесняйтесь. Они подложили вам под перину горошину, чтобы испытать, настоящий ли вы посол. Вы, наверно, слышали о таком методе?

Ольга поняла, что локатейпанцы не шутят и, закатав рукав куртки, показала огромные синяки на руке.

— Ура! — закричали локатейпанцы. — Простите нас!

— Покажите хоть горошину, — попросила Ольга, стараясь сдержать смех.

Жул Ев собственноручно извлек из-под перин горошину. Очень похожую на морского ежа, только чуть побольше размером».

Девиз:

«Доверие».

— Ну, вроде все, — сказал Павлыш. — Писала, наверно, Кирочка. Теперь еще один рассказ. И тогда все.

11

Последний рассказ назывался так:

«СЛУЧАЙ НА ТРЕТЬЕМ КУРСЕ

Помню, был у нас в космическом училище странный случай. Проходили мы

практику на недалекой планетной системе. Все планеты в ней были непригодны для жизни, кроме одной. Да и на ней жизнь, можно сказать, только теплилась. Эволюция зашла в тупик. Было на той планете, раскаленной и сухой, несколько водоемов. Возле каждого околачивалось стадо животных, малоподвижных, полностью неразумных. Да и какой стимул мог у них быть к развитию, если род поддерживался с помощью водоема, — напьется чудище из него, тут же делится на два. Таким образом, стадо было застраховано от несчастных случаев. Но увеличиваться оно также не могло — вокруг водоема росли кустики, пригодные в пищу. Как только появлялась в стаде лишняя глотка, кто-то другой должен был помереть: пищи не хватало бы.

Но это все присказка. Жили эти животные, не знали хлопот, но тут прилетели люди, устроили базу, стали изучать и саму планету, и ее скудных обитателей.

Мы как раз вышли на орбиту вокруг этой планеты, и оттуда, с базы, прилетела одна девушка, — не помню, как ее

звали, кажется, Настей. За лекарствами и почтой. С ней обратно на планере мы отправили Витю Умнова, веселого такого парнишку, в соседней группе учился…»

На этом месте Павлыш прервал чтение рассказа. Он понял, что уже в первом номере альманаха ему приходится иметь дело со случаем плагиата. Бродячий сюжет не может быть настолько бродячим, чтобы его вспомнили и записали сразу два члена команды. Кто был одним из них — автором рассказа, лежащего перед Павлышом, доктор догадывался. Стиль и манера повествования выдавали самого капитана. Значит, первый вариант принадлежал кому-то из штурманов или практикантов, неоднократно слышавшему эту историю на мостике и записавшему его, применив толику воображения.

Но прежде чем принимать меры, Павлыш решил дочитать рассказ. Любопытно все-таки, как трактуется тот же сюжет другим автором.

«Спустились они на планету неудачно. Планер побили, рацию на кусочки, а до базы километров тридцать.

Ну, пока было прохладно, они шли весело, разговаривали. А потом солнце

принялось припекать, и Вите это совсем не понравилось. А воды нет, и хода до базы еще часов пять-шесть.

Бредут они с Настей, проваливаются в песок, тащат мешки с почтой и лекарствами, и Витю мучает мысль: где бы напиться?

Вдруг видят — водоемчик. У него животные. Витя к нему бросается, а Настя его останавливает: «Нельзя». Это не вода, а физиологический раствор. Неизвестно, что с тобой случится, когда напьешься. Все может быть. Если животные раздваиваются, когда попьют, не исключено, что ты сам раздвоишься. Или даже превратишься в такого же монстра».

Один водоем Витя пропустил, послушался. А тут второй на горизонте. Со вторым было труднее. Настя Витю буквально оттаскивала за руки. А как дошли до третьего, Витя не выдержал, оттолкнул девушку — и к луже. И напился. И представляете, что случилось? Не успел он от водоема отойти, губы отереть, как с ним происходит удивительная история: на глазах Насти он начинает раздваиваться.

Посередине тела проходит линия раздела, растет он в ширину, соответственно уменьшаясь в росте, плачет, мучается… Вот у него уже две головы и четыре руки. Некоторое время он корчился — уже не Витя, а сиамские близнецы. Потом трах — и стоят перед Настей два Вити.

— Я же предупреждала, — Настя ему говорит.

Так и пошли дальше. Впереди Настя, а за ней два Вити, ростом вдвое меньше прежнего, в половинках скафандра и всего, что под скафандром было. Жуткое зрелище!

Так и дошли до базы. Там и смех был, и горе. Мы еле Викторов вызволили: их врач отпускать не хотел, писал научную работу, давление измерял, анализы брал.

А самые неприятности начались, когда мы на Землю вернулись, а у нас на борту на одного человека больше. Никто нам не верил. Пришлось Виктора из училища исключить. И второго тоже.

Недавно их встретил в Москве. Оба подросли, женились, работают. Выдают себя за близнецов.

По-моему, история для молодежи, особенно нетерпеливой, очень поучительная».

Девиз к ней:

«Будь начеку».

Павлыш взял оба рассказа, спустился в кают-компанию. Вряд ли можно оба рассказа поместить в альманах. Надо посоветоваться с другими авторами.

Тетя Миля готовила чай. Ровно сутки прошли с того момента, когда появилась на свет идея альманаха.

Павлыш подождал, пока в кают-компании наберется побольше народа, затем сказал:

— Альманах уже вышел бы. Все готово. Даже Баков бумагу дал. Но случилось непредвиденное осложнение. Плагиат. Два рассказа на один сюжет.

— Ой! — сказала Кирочка Ткаченко.

— Оба списали, — категорически заявила Снежина. — Взяли рассказ Чехова и поменяли действующих лиц.

— И близкое совпадение?

— Нет, — сказал Павлыш. — Но достаточное.

Рассказы короткие. Я прочту.

Десять минут прошли в молчании. Слушали. Потом зашевелились, заспорили, плагиат ли это. Бауэр потребовал, чтобы авторы назвали себя. Сознались, кто у кого списывал.

— Второй рассказ капитан написал, — сказал Малыш. — Мы его манеру знаем: «Помню, у нас в училище…» А я писал гипотезу. Чего скрывать…

— Нет, — сказал от дверей Загребин, подошедший незаметно и слышавший спор. — Я вообще рассказа не писал. Хотел было, но не собрался. Признаюсь, в устном виде эту историю рассказывал. Может быть, и не один раз.

— Я сам слышал, — сказал Бауэр. — И точно, как записано во втором рассказе.

— Я ее и записала, — сказала вдруг Кирочка Ткаченко. — Но я не списывала. Мы же договорились, что фольклор, и мне стало жалко, что такая чудесная история пропадет.

— Так, положение проясняется, — сказал Павлыш тоном сурового судьи. — Ну, а кто же обработал сюжет в духе народной сказки?

Никто не сознался. Потом Загребин сказал:

— Рассказы-то разные. Кончаются по-разному. Может, оставим в альманахе?

— Оставим, — согласился Бауэр. — А девизы

раскрывать не будем?

— Нет, — сказал Павлыш. — Договорились так договорились.

Павлышу не хотелось ставить подпись под рассказом, потому что неизвестно еще было, как отнесется к нему Снежина. Кроме того, у него появилось одно подозрение: оправдайся оно, идея альманаха потерпит сокрушительное фиаско и Павлыш станет посмешищем экипажа. Подозрение надо было проверить.

12

На следующий день Павлыш собственноручно разнес по каютам готовый, переплетенный альманах. На обложке был изображен диск «Сегежи» среди звезд и планет. Альманах назывался «Удивительный космос».

Закончив труд, Павлыш спустился в кают-компанию и приготовился принимать поздравления.

Первой его разыскала Снежина.

— На Памир полетел? — спросила она.

— Кто полетел? — удивился Павлыш.

— Глаза у тебя бесстыжие! — сказала Снежина. — Ты же все сделал, чтобы сомнений не остава-

лось: ты автор. А я в глупом положении. Хоть бы имена сменил.

— Пойми, Снежка, — сказал Павлыш, — это рассказ, художественное произведение. Зачем принимать всерьез? Много Снежин на свете.

— Ага, сознался, — сказала Снежина. — Я теперь ужинать не приду. Не хочу, чтобы надо мной смеялись.

— Да если будут смеяться, то не над тобой, а надо мной.

— Твоего имени нет, а мое большими буквами. Сейчас разревусь.

Но Снежина не успела выполнить угрозу. Вошел Баков. Он был в гневе. Усы топорщились, как у кота, чуб приподнялся, как грива разъяренного тигра.

— Доктор Павлыш, — сказал он, — вы украли вместе с Пановой сигнальную капсулу или устраиваете ложную панику на борту?

— А что? — спросил Павлыш.

— Я проверил все капсулы. Они на месте.

— Ну и замечательно, — сказал Павлыш. — Но почему вы обращаетесь ко мне?

— Вот видишь, — сказала Снежина. И ушла из кают-компании.

— Вы имеете в виду рассказ? — спросил Пав-

лыш, провожая глазами Снежину.

— Именно его, ваш рассказ.

— Но почему мой?

— Ясно, что ваш, — сказал Баков.

— Это безобразие, — сказала, вбегая, Кирочка. — Что за ужасы ты, Слава, печатаешь?

— Ох! — сказал Павлыш. — И ты недовольна? Какие ужасы?

— Про уничтожение зверей. На Муне. Литература должна воспитывать людей, учить их добру.

— И иногда предупреждать, — сказал Павлыш. Встал и направился к двери.

— Ты куда? — возмутилась Кирочка. — Это не разговор. Вообще тебе убийства понравились. И Красную Шапочку, то есть Синюю Бороду, тоже убил.

Павлыш уже не слышал. Из-за угла коридора выскочил Малыш.

— Послушай, Слава, — сказал он.

— Ты тоже недоволен? — спросил Павлыш.

— Нет, я не о том, у меня еще одна гипотеза сформировалась. Не поздно?

— Поздно, — сказал Павлыш. — Во второй номер. Если он выйдет.

Торжество было испорчено. Фанфары не гремели. Встретился механик Лещук. Сказал, что у

него насморк. Как будто никакого альманаха и не было. Павлыш велел ему зайти после чая. Даст капли. Медицина победила почти все болезни. Кроме насморка.

— И волк съел Красную Шапочку, — сказал сам себе Павлыш, открывая дверь к себе в каюту. — А ведь так интересно начиналось.

Он вошел, метко зашвырнул злополучный альманах под койку, и тут кто-то постучал.

Павлыш почему-то решил, что пришла Снежина. Поняла, что обидела его незаслуженно, и пришла.

Павлыш бросился к двери. За ней стоял кухонный робот Гришка.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Вы меня не выдали. Я так боялся, что вы скажете: «Синюю Бороду» написал всего-навсего робот с комплексом неполноценности. И при этом графоман. И поднимется скандал.

— А… — сказал равнодушно Павлыш. — Никто не узнает. Никому не интересно. Про Синюю Бороду неплохой рассказ. И ответь мне еще на один вопрос. Только честно. Я тебя не выдам. Не в моих интересах. Остальные сказки ты написал?

— Да, — сказал робот и опустил металлическую голову.

— И про посла на планете Локатейпан?

— Я.

— И про Аленушку и Иванушку?

— Я. Теперь вы расскажете всем?

— Нет. Нельзя никому сказать, что половину произведений альманаха создал кухонный робот. Слишком смешно.

— Я не могу не писать, — сказал Гришка. — Но всегда заимствую сюжеты. Не умею своих придумывать.

— Я уже понял, — сказал Павлыш. — Иди. Тайна останется между нами.

— Я по-своему счастлив, — сказал робот.

Павлыш закрыл за ним дверь. Больше он никогда не будет редактировать альманахов и рассказывать о своих чувствах на их страницах. Снова раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал доктор, не оборачиваясь.

— Не обижайся, Слава, — сказала Снежина. — Вместо того чтобы писать плохие рассказы, спросил бы меня. И не пришлось бы летать на Памир.

— Правда? — спросил Павлыш.

И больше он ничего спросить не успел. Динамик внутренней связи откашлялся и голосом капитана сказал:

— Вниманию членов экипажа: база Земля-14 сообщает…

Капитан замолчал, зашуршал близко поднесенным к микрофону листком телеграммы.

— …Сообщает, — повторил капитан, — что вчера экспедиция Смита достигла центра Земли.

— Ого! — сказал Павлыш. — Я Смита знаю. Молодец.

— Земля-14 сообщила также, что база готова к приему «Сегежи». Нас ждут.

— Вот мы и дома, — засмеялась Снежина.

— Снежка, повтори теперь все, что сказала мне сначала, — взмолился Павлыш.

— А разве я что-нибудь сказала?

65 коп.